

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2022 Том 26 № 3

doi: 10.22363/2313-2337-2022-26-3

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор
Ястребов Олег Александрович,
доктор юридических наук, профессор, РУДН, г. Москва, Российская Федерация.
Техническое и организационное обеспечение, взаимодействие и контакты с партнерами и официальными структурами.
E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Заместитель главного редактора
Власенко Николай Александрович,
доктор юридических наук, профессор, РУДН, г. Москва, Российская Федерация.
Научная политика, качество публикуемых материалов, формирование выпусков.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь
Андреева Полина Николаевна,
кандидат юридических наук, РУДН, г. Москва, Российская Федерация.
Переписка с авторами, документооборот журнала, информационная инфраструктура журнала, организация рецензирования материалов.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

Варламова Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения

Джансарова Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика

Нематов Акмал Рауфджонович, доктор юридических наук, доцент, Академия наук Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Панагиотопулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция

Почкаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Пьетробон Алессандра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия

Робинсон Николас, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, штат Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*, *РИНЦ*, *перечень ВАК*, *Google Scholar*, *Ulrich's Periodicals Directory*, *WorldCat*, *Cyberleninka*, *DOAJ*, *EBSCOhost*, *East View*, *Dimensions*, *ResearchBib*, *Lens*, *Research4Life*, *JournalTOCs*

Цель журнала и направленность публикаций

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности — научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учёными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематике, соответствующей специальностям ВАК: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.3, 5.1.4 и 5.1.5 группы научных специальностей 5.1. Право. Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании.

Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Основным критерием отбора материалов для опубликования является их научный уровень, все статьи проходят внешнее рецензирование (двойное слепое).

Материалы для опубликования представляются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

Редакторы: *И.А. Гроник, К.В. Зенкин*

Редактор-переводчик: *В.В. Степанова*

Компьютерная верстка: *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:

1115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16;

e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 15.07.2022. Выход в свет 30.08.2022.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 18,03. Тираж 500 экз. Заказ № 829. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

1115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LAW

2022 VOLUME 26 No. 3

DOI: 10.22363/2313-2337-2022-26-3

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor;
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Technical and organizational
support, engagement
and communication with partners
and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, quality of published
materials, formation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Polina N. Andreeva,

Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: andreeva-pn@rudn.ru

Editorial board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baieldidinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhanarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LL.D. (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, NY, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (print), ISSN 2408-9001 (online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *Russian Index of Science Citation, RSCI (on the Web of Science platform), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Purpose and scope of the journal

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance — scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

Goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world;
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields;
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science both in Russia and abroad, including their practical implementation;
- publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.;
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The journal publishes the results of scientific research on a wide range of legal problems, including on topics corresponding to the specialties of HAC (Higher Attestation Commission) legal sciences: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.3, 5.1.4, 5.1.5. The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation.

The policy of the journal is built upon the observance of the norms of scientific ethics.

The main criterion for selecting materials for publication is their scientific value; all articles are peer reviewed (double blind).

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>

Editors: *I.A. Gronic, K.V. Zenkin*

Editor-translator: *V.V. Stepanova*

Computer design: *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

“Peoples’ Friendship University of Russia” (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Скоробогатов А.В., Краснов А.В.** Правореализация как компонент правовой реальности: философско-правовое исследование..... 541
- Зырянов А.В., Бабенко А.Н.** Эволюция правопонимания в западной философии.... 564
- Dovgan X.E.** Correlation between delegated and framework regulation in Russia and foreign countries (**Довгань К.Е.** Соотношение делегированного и рамочного правового регулирования в России и зарубежных странах) 582
- Ярошук И.А.** Метафоры в праве: методологические основания исследования..... 596

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- Pevtsova E.A., Umnova-Koniukhova I.A., Aleshkova I.A.** Do Constitutional principles affect self-realization of the youth? (**Певцова Е.А., Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А.** Влияют ли конституционные принципы на самореализацию молодежи?)..... 611
- Комлев Е.Ю.** Координация деятельности местных органов власти в России и Испании: сравнительно-правовое исследование..... 634

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Цепова Е.А.** Беспрецедентное право: защита российской финансовой системы от влияния санкций..... 655

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

- Алексенко А.И., Касаткина А.С.** Вопросы ответственности судовладельца за ущерб от загрязнения нефтепродуктами с морских судов..... 678

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

- Rusakova E.P., Frolova E.E.** Digital Disputes in the New Legal Reality (**Русакова Е.П., Фролова Е.Е.** Цифровые споры в новой правовой реальности)..... 695
- Соколов А.Ю., Солдаткина О.Л.** Приоритеты правовой политики в сфере цифровизации законотворческой деятельности..... 705

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

- Краснова И.О.** Рецензия на монографию: Андреева П.Н. Право личности на инсоляцию / под ред. О.А. Ястребова. Москва: Норма, 2022 725
- Гроник И.А.** Научное издание международного уровня 2022: от настоящего к будущему. Обзор 10-й Международной научно-практической конференции..... 731

CONTENTS

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

- Andrey V. Skorobogatov, Alexandr V. Krasnov.** Legal realization as a component of law reality: philosophical and legal research..... 541
- Aleksey V. Zyryanov, Andrey N. Babenko.** Evolution of legal understanding in Western philosophy..... 564
- Xenia E. Dovgan.** Correlation between delegated and framework regulation in Russia and foreign countries 582
- Inna A. Yaroshchuk.** Metaphors in law: methodological foundations for research 596

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

- Elena A. Pevtsova, Irina A. Umnova-Koniukhova, Irina A. Aleshkova.** Do constitutional principles affect self-realization of the youth? 611
- Evgeny Y. Komlev.** Coordination of local authorities in Russia and Spain: comparative legal research. 634

ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

- Ekaterina A. Tsepova.** Unprecedented law: protecting the Russian financial system against the impact of sanctions..... 655

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

- Aleksandra I. Aleksenko, Aleksandra S. Kasatkina.** Issues of the shipowner's liability for damage caused by oil pollution from sea-going vessels 678

DIGITAL LAW

- Ekaterina P. Rusakova, Evgenia E. Frolova** Digital disputes in the new legal reality..... 695
- Alexander Yu. Sokolov, Oksana L. Soldatkina.** Priorities of federal and regional legal policy in the field of digitalization..... 705

BOOK REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

- Irina O. Krasnova.** Review of the monograph by Andreeva, P.N. (2022) The right of the individual to insolation. Yastrebov, O.A. (ed). Moscow, Norma Publ..... 725
- Irina A. Gronic.** Scientific publication of the international level 2022: from the present to the future. Review of the 10th International scientific and practical conference..... 731

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-541-563>

Научная статья

Правореализация как компонент правовой реальности: философско-правовое исследование

А.В. Скоробогатов¹ , А.В. Краснов²

¹ Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
г. Казань, Российская Федерация

² Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Казань, Российская Федерация
 av.skorobogatov@mail.ru

Аннотация. Исследуется правовая природа правореализации в контексте правовой реальности через призму философско-правового анализа. Цель исследования — формирование научно обоснованных знаний о месте и роли правореализации в правовой реальности. Методология основана на комплексном использовании постклассической методологии, позволяющей изучить правовую природу правореализации и ее значение для развития и функционирования правовой реальности. Результаты: правореализация рассматривается в статье как комплексная философско-правовая категория. Онтологически правореализация выступает определяющим средством юридического воздействия позитивного права на сознание и поведение человека. Феноменологически ее можно рассматривать в качестве самостоятельного уровня правовой реальности, представляющую собой систему действий субъектов права, направленных на воплощение в жизнь государственных предписаний, объективированных в совокупности индивидуальных правовых актов. Аксиологически правореализация — это движение правовых ценностей от их ментального осознания к воплощению в тех возможных моделях правовых взаимодействий, которые конструируются субъектами и затем, пусть и частично, отражаются непосредственно в правовых отношениях. Выводы: как комплексная категория правореализация включает в себя ментальный компонент (постижение в правосознании содержания юридических норм разного уровня и качества, практики их осуществления на практике, выбор возможных вариантов правового и (или) неправового поведения, обусловленный рациональными и иррациональными факторами, ценностными предпочтениями субъектов) и деятельностный компонент (деяния правового характера, которые согласуются с требованиями норм позитивного права).

© Скоробогатов А.В., Краснов А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: правореализация, правовая реальность, постклассическая методология, правовая коммуникация, онтология права, феноменология права, аксиология права, юридическая норма, правовая ценность

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: Скоробогатов А.В. — Общая концепция статьи. Аннотация. Онтологический аспект правореализации. Феноменологический аспект правореализации. Аксиологический конспект правореализации. Выводы. Список литературы. Общая редакция; Краснов А.В. — Введение. Феноменологический аспект правореализации. Выводы. Список литературы.

Дата поступления в редакцию: 30 марта 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правореализация как компонент правовой реальности: философско-правовое исследование // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 541—563. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-541-563>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-541-563>

Research Article

Legal realization as a component of law reality: philosophical and legal research

Andrey V. Skorobogatov¹ , Alexandr V. Krasnov²

¹ Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova (IEML), Kazan, Russian Federation

² Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation

 av.skorobogatov@mail.ru

Abstract. The article examines the nature of legal realization in the context of law reality through the prism of philosophical and legal analysis. The purpose is the formation of scientifically based knowledge concerning the place and role of legal realization in law reality. The methodology is based on the complex use of post-classical methodology, which allows studying the law nature of legal realization and its significance for the development and functioning of law reality. The findings may be outlined as follows: Legal realization is considered in the article as a complex philosophical and legal category. Ontologically, legal realization may be defined as determining means of the legal impact of positive law on the consciousness and behavior of a person. Phenomenologically, it may be considered as an independent level of law reality, which is a system of actions of subjects of law aimed at implementing state prescriptions, objectified in the totality of individual legal acts. Axiologically, legal realization is the movement of law values from their mental awareness to embodiment in those possible models of legal interactions that are constructed by subjects and then, albeit partially, are reflected directly in legal relations. Conclusions: legal realization as a complex category includes a mental component (comprehension in legal consciousness of the content of legal norms of different levels and quality, practice of their realization in practice, choice of possible options for legal and (or) non-legal behavior due to rational and irrational factors, value preferences of subjects) and an activity component (legal actions that are consistent with the requirements of the norms positive law).

Key words: legal realization, law reality, postclassical methodology, law communication, ontology of law, phenomenology of law, axiology of law, legal norm, law value

Conflicts of interests. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: *Skorobogatov A.V.* — The general concept of the article. Abstract. Ontological aspect of legal realization. Phenomenological aspect of legal realization. Axiological synopsis of legal realization. Conclusions. References. General edition; *Krasnov A.V.* — Introduction. Phenomenological aspect of legal realization. Conclusions. References.

Article received 30th March 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Skorobogatov, A.V., Krasnov, A.V. (2022) Legal realization as a component of law reality: philosophical and legal research. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 541—563. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-541-563>

Введение

Правореализация традиционно занимает большое место в исследовательской проблематике юриспруденции (Ershov, 2021:14—30). Процесс эффективной правореализации способствует исполнению государством своих основных функций по упорядочиванию общественных отношений. Правореализация — это процесс превращения юридически значимых идеальных моделей поведения в практическую реальность, в действенную систему общественных отношений. Правореализация должна обеспечивать процесс регулирования общественных отношений в направлении, благоприятном для человека и общества. Без воплощения юридических норм в реальную жизнь они являются лишь декларируемыми, теряют свое социальное назначение (Friedman, 2016:220). Ведь сущность и социальное назначение права заключается в его возможности регулировать поведение людей. Изучение этого явления позволяет понять и объяснить особенности правового воздействия на социальную реальность.

В исследовательской литературе для обозначения данного явления используются три понятия: «правореализация» (Zhigachev, 2011:322—328), «реализация норм права» (Evsegneev, 2018:43—54) и «реализация права» (Maksimov, 2014:75—81). Однако последнее очень часто употребляется при рассмотрении права не в объективном, а в субъективном смысле (Shalamova, 2018: 279—281). Поэтому при изучении данного явления в теоретико-правовом, а тем более в философско-правовом контексте, наиболее целесообразным представляется понятие «правореализация».

В отечественной литературе в силу доминирования нормативистского правопонимания правореализация преимущественно рассматривалась в деятельностном духе — как воплощение требований норм права в правомерном поведении субъектов (Lazarev, 1972:9; Rabinovich, 1983:7; Reshetov, 1989:30). Акцентируется внимание на то обстоятельство, что правореализация есть практическая деятельность по осуществлению субъективных прав и исполнению юридических обязанностей (Kuznetsov & Samoshchenko, 1985:11). Правореализация рассматривалась в контексте проблемы ее осуществления в рамках правоотношений. Правоотношение при этом трактовалось либо как средство (способ) реализации юридической нормы (Sheindlin, 1960:131), либо как стадия ее реализации (Stalgevich, 1957:24), либо как результат ее реализации (Khalфина, 1974:51).

Именно такой подход, как отмечал П.М. Рабинович, позволяет повысить эффективность правового регулирования общественных отношений (Rabinovich, 1983:7). Реализация правовых норм, по мнению А.С. Пиголкина, выступает таким поведением субъектов права, которое согласуется с предписаниями правовых норм и представляет собой практическую деятельность по осуществлению субъективных прав и исполнению юридических обязанностей (Kuznetsov & Samoshchenko, 1985:11). В.В. Лазарев, подразделяя поведение людей на правомерное, неправомерное и юридически безразличное, также трактует правореализацию в русле именно правомерного поведения (Lazarev, 1972:9).

При таком подходе истинное право может содержаться только в нормах права, точнее в действующем законодательстве, а реализация права предстает в качестве сущего, в отличие от законодательства, которое представляет собой должное. Указанная дихотомия фактически является продолжением чистой теории права Г. Кельзена (Kelzen, 2015:107-241).

Существует, однако, предложение трактовать реализацию права в более широком содержательном ключе — как воплощение в регулируемых правом общественных отношениях всего того, что заложено в нормах права (Fatkullin, F.N. & Fatkullin, F.F., 2000:271). Такого рода подход к содержанию правореализации предлагался и в советский (Bratus & Samoshchenko (eds.), 1966:240), и позднее в постсоветский период развития науки (Khabibullin, Malikov & Rakhimov, 1998:110). Сказанное аргументируется тем, что общественное отношение — понятие более широкое, чем только правомерная деятельность субъектов права, так как юридические нормы включают не только непосредственно правила поведения, но и указания на юридические факты, субъектный состав (в гипотезах норм), на социальную цель (в диспозициях норм). Такого рода составляющие юридической нормы реализуются не в правомерном поведении, а по существу характеризуют качества правоотношений, в которых протекает реализация права. Кроме того, резюмируется, что общественные отношения существуют как в идеальной, так и в материальной форме. Реализация права при этом должна затрагивать не только вторую, но и первую (Fatkullin, F.N. & Fatkullin, F.F., 2000:271). Следует согласиться с тем, что рассмотрение правореализации исключительно через правомерное поведение, несмотря на распространенность такой научной позиции, оставляет за бортом исследования массу явлений, которые предшествуют, детерминируют, сопровождают правореализацию.

В научной литературе последних десятилетий проблематика непосредственно правореализации как комплексного явления обозначается не часто. Большинство исследований в этой сфере посвящены применению права (Gainiev, 2020; Pysina, 2021). Исключением является глубокая разработка теории правореализации в казанской школе теории права (Reshetov, 2013; Soldatova & Soldatov, 2015; Shagieva, 2014). Правореализация здесь рассматривается в контексте динамической составляющей права (Pogodin, 2014).

Несмотря на господство нормативизма, в отечественной юриспруденции предпринимались и иные подходы к исследованию правореализации, хотя и очень малочисленные. Так, А.Б. Венгеровым была предпринята попытка уточнить содержание правореализации в рамках синергетического видения права как

некоего способа осуществления предписаний, с указанием на социальные, психологические, организационные процессы, сопровождающие реализацию (Vengerov, 2004:497). Оригинальный подход к исследованию реализации права был предложен в рамках феноменолого-коммуникативной парадигмы в контексте механизма его действия, который включает процессы социально-правовой коммуникации, связанной с трактовкой субъектами первичных и вторичных правовых текстов (Polyakov & Timoshina, 2017:261).

Кроме того, можно отметить попытку постклассического осмысления правореализации, предпринятую авторами данной статьи (Krasnov & Vasiliev, 2016:168—172; Skorobogatov, 2021:474—478). Изучение правовой природы этого явления в контексте развития и функционирования правовой реальности позволило сделать предварительный вывод, что правореализация представляет собой воплощение правовых регуляторов (формальных и неформальных) в правомерное поведение с учетом выбора субъекта между ними, детерминированное ценностными ориентациями правосознания.

В зарубежной литературе проблема правореализации (реализации права) также неоднократно привлекала внимание в контексте иных философско-правовых проблем. В частности, Н. Неновски при исследовании ценностных проблем права акцентировал внимание на зависимость реализации права от ряда социокультурных факторов: уровня развития социума в целом, положения человека в социуме, шкалы ценностей данного социума (Nenovsky, 1987: 54—58).

Большое внимание этому вопросу уделил Дж. Ллойд. Хотя он исследовал проблему «осуществления права», в его интерпретации эта категория по своему смыслу очень близка к понятию «реализация права». «Осуществление права» он рассматривает как перевод идеи права в объективированное состояние, ее опредмечивание (овеществление), трансформацию ее идеального состояния в правовую реальность, т.е. превращение права из потенциального идеального состояния в действительное бытие (Lloyd, 2009:211—219). Фактически речь идет о реализации нормы права в юридической практике как основе правоотношений.

Большое внимание проблеме правореализации уделено в контексте реализации принципа верховенства права, которому в зарубежной науке посвящено большое количество работ (Flores & Himma (eds.), 2013; Ruiz Mañero, 2019; Tamanaha, 2004). Основное внимание обращается на понятие стандартов права, содержательное измерение верховенства права, его смысл, ценность, соотношение этого принципа со стандартами прав человека, с другими принципами права не только в нормативном массиве, но и в юридической практике, что напрямую связано с правоприменением как одной из форм правореализации.

Трактовки правореализации в субъективном контексте в основном посвящены реализации (осуществлению, обеспечению) прав человека, которые рассматриваются как высшая ценность современного демократического общества. Проблема реализации прав человека отнесена в настоящее время к особенно важным правовым проблемам, поскольку реализация права — это проблема утверждения основ жизни, осуществления прав человека, которые являются наивысшей ценностью (Alexu, 2021:64—65). Отмечая антропологическое изменение реализации права, философы права обращают внимание на духовно-

культурное измерение человеческого бытия, взаимосвязь между уровнем развития человека и реализацией права (Naberhas, 2003: 29—30). Важнейшим направлением обеспечения права является защита прав человека. В отличие от деятельности других субъектов в этой сфере только государственная защита может носить юрисдикционный характер (Nickel, 2015:20; Sandel, 1998:185).

Приведенный обзор литературы показывает, что проблема правореализации преимущественно изучалась юридически. Лишь в последние годы были предприняты попытки рассмотреть ее связь с ментальными аспектами субъектов права и социокультурными особенностями развития общества. Это ставит на повестку дня необходимость комплексного исследования правореализации как важнейшего элемента правовой реальности. Исходя из постклассического характера современной науки, признающей необходимость сочетания методологий с целью формирования нового синтетического знания на метауровне, правореализация должна быть исследована отнюдь не только исходя из позитивистской схемы «от законодательства к правомерному поведению», что отражает лишь один из онтологических пластов проблемы, но и с иных мировоззренческих позиций. Для этого наиболее эффективной представляется интегративная методология (В.В. Ершов (Ershov, 2020a:99—144), В. Кравиц (Krawietz, 2008:181—206)), которая позволяет изучить данное явление междисциплинарно, с учетом взаимосвязи объективных и субъективных проявлений правовой реальности. Интегративная методология обусловила использование системного, коммуникативного, феноменологического и аксиологического подходов, дающих возможность проанализировать правореализацию во всех ее проявлениях.

Онтологический аспект правореализации

Правореализация как относительно самостоятельное социальное явление тесно связана с категорией «правовая реальность», имеющей фундаментальное значение не только для юридической науки, но и всей системы гуманитарного знания. Правовая реальность рассматривается авторами данной статьи как сложноорганизованная многоуровневая система, включающая в себя совокупность объективных и субъективных правовых явлений, развивающихся и функционирующих в определенном пространственно-временном континууме. В структуре правовой реальности можно выделить три онтологических уровня: (1) уровень правотворчества, представляющий собой совокупность действий уполномоченных государством субъектов по формированию юридических норм и систему законодательства, созданную в результате этой деятельности; (2) уровень правореализации, т.е. совокупность действий субъектов права по реализации юридических норм, в том числе правоприменение, и комплекс правоприменительных и правореализационных документов, как результат этой деятельности; (3) уровень правового поведения, рассматриваемый нами как совокупность действий субъектов, основанных на социальном и индивидуальном праве. В отличие от константности первых двух уровней последний возникает лишь в транзитивном обществе в силу существования недостаточно эффективного законодательства и широкого распространения социально-правовой аномии (Skorobogatov &

Krasnov, 2017: 54—58). Специфика правовой реальности заключается в актуализации всех сторон реальности правовых феноменов: рациональных и иррациональных, субстанциальных и когнитивных, статических и динамических; правовая реальность активно конструируется субъектами, отражая столкновение дискурсов по поводу правовых феноменов, их формированию и существованию во времени.

Правовую реальность следует отличать от правовой действительности. Последняя, как правило, исследуется в рамках дихотомии с возможностью; правовая действительность рассматривается как воплощение социальной воли, что, на наш взгляд, серьезно ограничивает предметное поле исследования: воля может проявляться в совершенно разных формах и у разных субъектов; кроме воли, в формировании и развитии правовых феноменов участвуют иррациональные, архетипические явления правосознания, сложившиеся практики правового поведения, правовой коммуникации, которые находятся в иной предметной плоскости, нежели чем воля; связанные с ними правовой опыт и правовые традиции также формируют правовую реальность. Действительность права также связывается, как правило, с его действием и действенностью, что может быть исследовано лишь в контексте позитивного права как официального текста, оформляемого и вводимого в действие в особом порядке и поддерживаемого принудительной силой государства. Однако при этом вне исследовательского внимания остаются субъективные и интерсубъективные, иррациональные стороны правовых феноменов, а также процессы их конструирования, что также говорит о принципиально ином содержании категории правовой реальности, предлагаемой нами.

Онтологически правореализация выступает формой юридического воздействия позитивного права (законодательства — системы правил поведения, сконструированных и (или) санкционированных государством, обеспеченных его принудительной силой и составляющих онтологическую основу правотворческого уровня правовой реальности) на сознание и поведение человека (Palekha, 2021:216). Благодаря правореализации обеспечивается доминирование организованности над хаотическими изменениями, хотя ценностное отношение к детерминации статичного или динамичного фактора определяется не только государством, но и особенностями правовой культуры. Так, в странах континентальной Европы основное внимание уделяется материальным аспектам реализации юридических норм, в то время как для англо-американского типа правового регулирования характерен приоритет процессуальных правил. Однако независимо от детерминации материальных и процессуальных правил в национальной правовой реальности, именно в процессе правореализации происходит юридикация действий индивида и его трансформация из социального субъекта в субъекта права (Supiot, 2007:75—77).

Хотя правореализация заключается, прежде всего, в правомерной деятельности, тем не менее, связь с противоправными деяниями прослеживается достаточно четко. Ведь сам факт противоправного поведения влечет за собой реализацию норм охранительного порядка, а также комплекса норм процедурного и процессуального характера.

Ключевым вопросом онтологии правореализации являются ее каналы, а именно является ли правоотношение единственным таким каналом (Leist, 1981:13—14) или же правореализация возможна и вне правоотношений. В литературе можно встретить неоднозначные подходы к решению данного вопроса. Так, отмечалось, что каналом реализации может служить морально-политическое воздействие на сознание людей (Bratus & Samoshchenko (eds.), 1966:254). Кроме того, правореализация вне правоотношений возможна в том случае, когда осуществляются общерегулятивные, абсолютные субъективные права и обязанности, правовые запреты и правовой статус (Petrov & Yavich, 1974:303—304; Matuzov, 1976:69—99). Саморегуляция, которая касается правовых деяний правомерного порядка, когда речь идет о реализации некоторых конституционных прав и свобод, при этом, таким образом, не требует возникновения правоотношений (Lazarev, 1972:10). Тем не менее, в качестве выхода из такой ситуации можно рассматривать вариант с конструированием общерегулятивных и общеохранительных правоотношений (Bratko, 1979:50; Rybushkin, 1990:61), которые прочно вошли в оборот отечественной правовой науки.

Возникают и вопросы о том, происходит ли правореализация в том случае, когда лицо не реализует свое субъективное право. По-видимому, в этом случае мы имеем дело с поведением, которое по внешним признакам является юридически безразличным. Правовая оценка деяния при этом не дается. Следует согласиться с тем, что право на неиспользование права — конструкция излишняя (Reshetov, 1989:9), так как посредством нее абсолютизируется регулятивная роль права, которое вмешивается во все процессы человеческого существования.

Также в научных трудах ставится вопрос о том, происходит ли реализация норм права в том случае, если запрет (на примере уголовно-правового) соблюдается? На этот вопрос может быть дан как положительный (Khaikin, 1972:171), так и отрицательный (Reshetov, 1989:11) ответы. Однако, тем не менее, формирование мотивации, прагматические расчеты по поводу возможных издержек и последствий поведения в сознании человека присутствуют, что не может быть полностью отделено от понимания правореализации в феноменологическом плане.

Это ставит на повестку дня исследование вопроса о содержании категории правового взаимодействия и его соотношении с правоотношением. Правовое взаимодействие может рассматриваться как категория, достаточно близкая и почти не различимая с правоотношением, к примеру, с указанием на то, что это и есть правоотношение с реализацией разнонаправленных интересов (Reshetov, 1989:47) или просто интересов (Syrykh, 2014:125). С.Ю. Филиппова рассматривает правовое взаимодействие в контексте правового и социального конфликта (Filippova, 2013:163—165). В.Ю. Панченко определяет правовое взаимодействие как вид и форму социального взаимодействия, способ осуществления общественных связей через взаимный обмен субъектов юридически значимой деятельности и (или) ее результатами, посредством которого осуществляется взаимное влияние субъектов права на сознание и поведение (деятельность) друг друга, носящий информационный характер (Panchenko, 2015:40). Именно позиция последнего представляется авторам данной статьи наиболее адекватной при исследовании правореализации.

Отдельный вопрос — как происходит правореализация в том случае, если речь идет о защите законных интересов¹. Факт наличия материального правоотношения в этом случае устанавливается только судом ретроспективно, в решении, по итогам судебного разбирательства. К примеру, Конституционный Суд РФ указал на недопустимость ограничения законного интереса представителей средств массовой информации высказывать мнение по поводу возможного избрания кандидата на выборах, несмотря на запрет агитации².

С нашей точки зрения, следует иметь ввиду, что правоотношение может рождаться не только на базе юридических норм, но также и правовых принципов, которые играют роль не только и не столько неких исходных идей, но и призваны выполнять прямую регулятивную роль в правовом регулировании (Ershov, 2020b:246). Очевидно, что правовой принцип не предполагает столь же четкой правовой определенности, как юридическая норма, и не дает прямого указания на соответствующие субъективные права и обязанности (Panchenko & Vlasenko, 2020:14—20). Тем не менее, в силу приоритета принципов как национального, так и международного права в правовом регулировании они должны реализовываться напрямую. По поводу прямого действия Конституции РФ³, включающей весомую долю правовых принципов, а также применения норм и принципов международного права, существуют соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ⁴. Вопрос же о том, в чем должно состоять содержание правоотношения в этом случае, остается открытым. Тем не менее, в такой ситуации правоприменитель в лице суда дает официальное легальное толкование соответствующим принципам права в системе с юридическими нормами (Wroblewski, 1992:11—19), которые развивают эти принципы, тем самым осуществляя индивидуальное судебное регулирование и вырабатывая представление о взаимных правах и обязанностях субъектов в содержании правоотношения. Большую роль при этом играет не только форма интерпретации, но и конструируемый при этом смысл (Hess, 2015:66). В то же время вполне возможно, что более приемлемым в данном случае будет использование категории правового взаимодействия.

Вышеизложенное позволяет рассмотреть правореализацию как сложно организованную социальную систему, сущностью которой является подчинение

¹ Ст. 2, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г. № 473-ФЗ) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 18 ноября 2002 г. № 46. Ст. 4532.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова // *Российская газета*. 31 октября 2003 г. Федеральный выпуск № 3335.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Официальный интернет-портал правовой информации*. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2022).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 1996. № 2. С. 1; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003. № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2003. № 12.

воли субъектов требованиям юридических норм в процессе их деятельности и общения в сферах, которые подлежат правовому воздействию. Правовое предписание является реализованным лишь при условии, что оно воплощено в действиях людей. Результатом этого является правомерный характер возникновения и реализации субъективных прав и юридических обязанностей, которые сопровождают процесс реализации сконструированного государством предписания и достижения цели правового регулирования (Babaev & Baitin (eds.), 1987:223—224).

Как система правореализация включает четыре элемента: «юридическая норма», «субъект права», «деятельность субъектов права относительно исполнения, использования, соблюдения, применения юридической нормы», «результат воплощения юридической нормы в жизнь». Без одного из этих элементов система не функционирует. Общим признаком форм проявления системы в действии — исполнения, использования, соблюдения, применения — является «материализация» закрепленных в юридической норме положений как в жизни конкретного лица, так и в функционировании публичной власти, ведь именно последней инициировался вопрос принятия или санкционирования нормы ради урегулирования определенных общественных отношений. В дальнейшем необходимость или желательность осуществления определенного поведения была подкреплена рядом мероприятий, в результате которых норма из абстракции превращается в такую, которая реально регулирует, охраняет и обеспечивает общественные отношения.

Благодаря реализации юридическая норма «объективируется». После формулировки и закрепления нормы в конкретном нормативном правовом акте, благодаря фактическому поведению субъектов права относительно использования, исполнения, соблюдения или применения ее положений, происходит ее «переход» от абстракции к материализации, которая характеризует связь первого компонента системы правореализации (юридической нормы) со вторым (субъектом права).

При этом без субъектов, которые будут воплощать юридическую норму в жизнь, система правореализации также не будет функционировать. Несмотря на разнообразие юридических норм, их общей целью является урегулирование деятельности субъектов (Tamanaha, 2006:170—171). В этом проявляется связь первого и второго элемента системы с третьим (деятельностью субъекта права). Юридической нормой устанавливается определенное положение, которое может иметь как императивную, так и диспозитивную направленность. Если диспозиция нормы сформулирована императивно, формой деятельности субъекта правореализации (адресата нормы) является преимущественно активное действие в форме исполнения или пассивное действие в форме соблюдения. Как правило, стимулирование реализации такой нормы происходит путем установления негативной санкции. Если положение нормы относительно их реализации сформулировано диспозитивно, преимущественно будет иметь место использование, а также исполнение установленных сторонами обязанностей, которые всегда предусматривают активное поведение.

Деятельность субъектов права относительно реализации соответствующей юридической нормы может проявляться в активных действиях или бездействии, но в целом проявлением такой деятельности будет одна из форм правореализации: исполнение положений нормы; использование предоставленных нормой возможностей (прав); соблюдение предписаний юридических норм (запретов); применение положений норм. Указанные формы реализации представляют определенные подсистемы связанных между собой отношений. Но деятельность субъекта права не осуществляется, как правило, ради самого факта деятельности, она направлена на получение определенного конкретного результата, который характеризует связь трех первых элементов системы с последним (результат воплощения юридической нормы в жизнь).

Налицо вертикальная модель правовой коммуникации: юридическая норма выступает правовой информацией, которую конструирует адресант в процессе правотворчества и транслирует ее адресату (субъекту права) с целью сконструировать ценностные ориентации субъекта на исполнение, использование, соблюдение или применение юридических норм, что должно гарантировать субъекту не только правомерное поведение, но и обеспечить его идентификацию с обществом. Критерием такой идентификации на практике должна стать деятельность субъекта по исполнению положений нормы; использованию предоставленных нормой возможностей (прав); соблюдению предписаний юридической нормы или применению ее положений. Результатом этой деятельности (при условии вовлечения в нее максимально возможного числа адресатов) и будет являться объективация сконструированной адресантом модели правовой реальности. При этом чем модель будет более легитимной, тем больше будет взаимосвязь между правотворческим и правореализационным уровнями правовой реальности, с одной стороны, и правоповеденческим уровнем — с другой.

Исходя из места правореализации в структуре правовой реальности, можно выделить следующие ее онтологические признаки: 1) правомерность деятельности субъекта (соответствие действий субъекта предписаниям юридических норм, поскольку неправомерные действия, совершение правонарушений не могут считаться правореализацией); 2) социальная полезность деятельности субъекта (в ее понимании адресантом) как цель правореализации (направленность действий субъекта на удовлетворение интересов человека, группы, общества); 3) процедурный характер деятельности субъекта (урегулированность процесса деятельности субъектов права юридическими нормами); 4) волевой характер деятельности субъекта (осознание субъектом как самих действий, так и их последствий; необходимость существования определенного баланса между субъективными интересами конкретного лица и юридическими нормами); 5) обеспеченность принудительной силой государства процесса и результата правореализации.

Феноменологический аспект правореализации

Как известно, суть феноменологической методологии во многом может быть сведена к исследованию феномена сознания человека, поскольку все действия последнего как в идеальном плане, в виде мыслительных конструкций, так

и в реальном отображении, как непосредственные деяния, в конечном счете могут интерпретироваться как продукт сознания. Поэтому исследование правореализации, с нашей точки зрения, не может ограничиваться лишь уровнем внешне выраженных актов-деяний. Конкретное правовое деяние человека есть результат понимания им соответствующей юридической ситуации, своей включенности в процесс правового регулирования, выбора вариантов поведения в конкретных условиях. В этом плане осуществляемый субъектом правовой акт — это в своем роде «вершина айсберга», которая лежит на поверхности, но порой не отражает всей сложности правореализации.

Правореализация — это, прежде всего, процесс воплощения в правовой реальности сконструированной правотворцем модели существования и функционирования тех или иных общественных отношений, закрепленного в юридической норме определенного желаемого адресантом правовой коммуникации сценария правовой деятельности субъектов права (адресатов правовой коммуникации), претворение в жизнь которого становится возможным в результате активных или пассивных, сознательных, добровольных действий адресата нормы, результатом которой является положительный для человека, общества и государства эффект. Объективацией этого процесса является совокупность индивидуальных правовых актов, конструируемых субъектами права при трансформации юридических норм в практические действия. Особое место при этом будут занимать судебные постановления, которые в конечном итоге могут обретать нормативный характер, распространяясь на все возможные случаи правореализации в будущем. В частности, именно таким характером обладают постановления Конституционного Суда РФ (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») ⁵. Участвуя в правореализации, указанный орган одновременно по факту выявляет тот вариант понимания юридической нормы, который впоследствии служит обязательным ориентиром для всех адресатов. При этом, к примеру, может корректироваться сложившееся судебное толкование, которое становится препятствием для реализации права на компенсацию по итогам нарушения разумных сроков судопроизводства ⁶.

Правореализация, как деятельность, по нашему мнению, не может трактоваться исключительно в позитивистском духе как акты внешнего поведения человека. Позволим себе не согласиться с формулировкой, согласно которой правовая деятельность осуществляется субъектами только как носителями субъективных прав и юридических обязанностей в целях удовлетворения интересов, что признается обществом справедливым и дает возможность принять решение

⁵ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 января 2022 г. № 2-П по делу о проверке конституционности части 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части 5 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А.Филиппова // Российская газета — Федеральный выпуск № 15 (8663). 25 января 2022 г.

и вызвать юридически значимые последствия (Shagieva, 2008:15). Любой акт поведения, с точки зрения феноменологической методологии, есть изначально определенная мыслительная модель его действий, которая обусловлена массой факторов. В связи с этим правовая деятельность может предшествовать ситуации, в которой субъект предстает уже как носитель прав и обязанностей (то есть осуществляется до правоотношения). Кроме того, юридически значимые последствия могут и не наступить — в том случае, если в ходе правореализации субъект отказывается от ранее намеченного плана действий и, к примеру, выбирает путь по реализации неправовых средств удовлетворения своих интересов. Причем у нас нет оснований не считать такое взаимодействие правовым, поскольку оно хотя бы частично было или детерминировано именно правовым регулированием, или на начальных этапах имело правовую форму, потеряв ее впоследствии.

Подчеркнем, что решение вопроса о том, насколько правореализацию можно рассматривать в качестве правового явления, зависит от положенной в основу исследования концепции правопонимания. Как мы отметили выше, нормативистский контекст в исследовании не дает возможности выйти за устоявшуюся схему правоотношения и, в том числе, реализации субъективных прав с юридическими обязанностями. Интегративное же понимание права способно преодолеть узконормативистские трактовки. Особенно это проявляется в проблеме так называемого социального, неформального, неписаного права (Bocharov, 2012:32), которое в ряде концепций рассматривается в качестве неправа, как социальные, неправовые нормы (Ershov, 2013:24). Тем не менее, авторитетность и применимость такого рода норм может превосходить соответствующие показатели в отношении норм права. В определенных субкультурах обращение к таким нормам настолько очевидно, что не замечать этого невозможно. Однако для России понятие правореализации связано, прежде всего, с осуществлением норм именно позитивного права. Реализация же социального права характерна для правоповеденческого уровня правовой реальности.

Кроме того, существует несколько срезов правовой реальности, которые напрямую связаны с содержанием правоотношения и правореализацией. Они могут быть отнесены, с нашей точки зрения, к категории правового взаимодействия. В первую очередь, имеется ввиду уровень архетипических представлений о праве и его содержании. У всех членов общества, прошедших процесс социализации, так или иначе присутствуют передаваемые из поколения в поколение представления о праве, возможных путях вступления в правоотношения, о своих ролях в них и т.д. Например, неверие в эффективность правоохранительных органов решить ту или иную проблему может носить столь сильный архетипический характер, что способно побудить субъектов уклоняться от вступления в правоотношение, занимаясь поиском решения возникшей проблемы в неправовой сфере. В свою очередь, такое положение вещей может повлечь за собой негативные для общества последствия, а именно рост преступности, что было особенно характерно для 90-х годов прошлого века. То есть неправовая в сущности модель решения юридического конфликта может привести ко вполне осязаемым негативным правовым последствиям.

Архетипический сегмент в правореализации также может носить иррациональное наполнение: дело в том, что конкретная правовая ситуация всегда носит

черты индивидуального, неповторимого характера. В правовой ситуации одним из сложнейших является вопрос о мотивации к тому или иному поведению. Мотивация может быть чисто правовой, когда речь идет об осмыслении норм права и взаимных ожиданиях, которые возникают у сторон правового взаимодействия. Но она также может быть и неправовой, порой эмоциональной, ситуативной, обусловленной конкретными обстоятельствами, в которых очутились субъекты именно в данный момент. Здесь тоже может получиться таким образом, что неправовые обстоятельства влекут за собой вполне правовые последствия. При этом, что опасно, вполне допустимы негативные результаты мотивационного выбора. Такого рода действия и события особенно ярко могут проявиться при совершении преступлений, при возможной опасности задержания, если появились свидетели, способные опознать преступника, утеряны пути отхода и пр.

Особый сегмент содержания правореализации могут составлять также и некие рациональные расчеты субъектов. Субъект выбирает наиболее оптимальные способы удовлетворения своих интересов, просчитывая материальные, организационные, моральные и прочие издержки, и по результатам такого исследования принимает решение о целесообразности или нецелесообразности вступления в правоотношение. Более того, известно, что в определенных случаях выбор может быть сделан в пользу неправовых и даже противоправных путей и средств удовлетворения собственных интересов.

Исходя из специфики рефлексии правореализации в сознании человека, феноменологически эта правовая категория обладает рядом черт: (1) нормативность, связанная с тем, что правореализация основана на воплощении в жизнь субъектом установленных законодателем юридических норм в предписанной форме; (2) психологичность, обусловленная сознательной деятельностью субъекта правореализации, включающей волевой и интеллектуальный аспекты; (3) идеологичность, определяющая действия субъекта правореализации в процессе осуществления норм по претворению в жизнь социально-полезных и (или) допустимых целей, предусмотренных законодателем при формировании нормы; (4) аксиологичность, вытекающая из ценностного понимания юридической нормы и определяющая, что действия субъекта в процессе правореализации зависят от степени восприятия нормы в качестве инструмента создания и поддержания правопорядка и режима законности, обеспечения безопасности граждан, гаранта прав и свобод человека; (5) динамичность, выражающаяся в том, что деятельность субъекта в процессе правореализации является не одномоментным актом, а постоянными (регулярными) действиями, направленными на воплощение в жизнь предписаний законодательства и (или) иных систем правил поведения в целях поддержания правопорядка и бесконфликтного сосуществования в социальной группе (обществе) и способными к трансформации в соответствии с изменениями общественных отношений.

Аксиологический аспект правореализации

Хотя роль правовых ценностей в правовом воздействии определяется формально (благодаря их вербализации в позитивном праве), соответствие позитивной системы ценностей, сформированных в правотворчестве и обыденных

ценностей, характерных для правового поведения, их взаимодействие в процессе правореализации может обеспечить легитимацию законодательства и повышение эффективности общего правового регулирования. При этом степень гармонизации правовой реальности прямо пропорционально опосредована уровнем демократичности общества и государства (Sandro, 2021:50—54), что в свою очередь определяет характер правовой коммуникации. Чем выше степень демократичности, тем больше процент горизонтальной правовой коммуникации, тем значительнее воздействие неформальных норм и ценностей на законодательство. Это не только повышает легитимность и эффективность позитивного права, но и свидетельствует о том, что правореализация одновременно выступает как реализация норм позитивного права и конвенциональный результат горизонтальной правовой коммуникации, при которой субъект права одновременно выступает как адресат и адресант. Речь идет не только о возможности индивида участвовать в процессе правотворчества в форме референдума или онлайн обсуждения законопроектов, но и в совершении правовых действий, основанных на ценностных ориентациях неофициального характера, но в силу их соответствия юридическим нормам, выступающих как юридические факты. Однако для того чтобы действия человека являлись правомерными в понимании государства и были признаны правореализацией, они должны соответствовать ценностным ориентациям, заложенным в законодательстве, и не выходить за пределы сконструированного государством правового массива (Schauer, 2015:98—100).

Аксиологически правореализация представляет собой движение правовых ценностей от их ментального осознания к воплощению в тех возможных моделях правовых взаимодействий, которые конструируются субъектами и затем, пусть и частично, отражаются непосредственно в правовых отношениях. Большую роль при этом играют особенности языкового выражения правовых конструкций, определяющие ценностное содержание коммуникативных актов (Wagner, Werner & Cao, 2007:65—82).

В процессе правообразования государство не только аккумулирует обще-социальные (моральные, этические, политические) нормативы (осуществляет правосанкционирование), но и конструирует новые правовые ценности, воздействуя на сознание и поведение людей, «навязывая» им определенные образцы поведения, которые, по мнению референтных групп, в наибольшей степени позволяют реализовать государственные и общесоциальные интересы (осуществляет правотворчество). Весьма ярким примером могут служить изменения, внесенные в Уголовный кодекс РФ, касающиеся ответственности за оскорбление чувств верующих⁷. Тем самым государство получает возможность не только устанавливать правовые ориентиры, но и сконструировать субъекта права, уровень правосознания которого определяется именно отношением к позитивному праву и наличием ценностных ориентаций на совершение действий, обусловленных законодательством (Hertogh, 2018:8). В процессе правореализации такой индивид не только осуществляет правовые действия, детерминированные

⁷ Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1 июля 2013 г. № 26. Ст. 3209.

юридическими нормами, но и обеспечивает поддержание правопорядка как основы режима законности (Aarnio, 2011:57). В зависимости от правового статуса индивида эти действия могут выступать не только правоприменением (при котором существует не только возможность, но и обязанность осуществлять принуждение по отношению как к себе, так и к иным субъектам права), но и соблюдением, исполнением и использованием, не предполагающим внешнего принуждения.

Ценностные ориентации субъектов определяют выбор модели правомерного (законопослушного) поведения. Зачастую индивид разграничивает эти понятия. Законопослушное поведение рассматривается в контексте следования норме официального права, а правомерное трактуется с более широких позиций (реализация не только юридических норм, но и неформальных правил). Это не только позволяет рассматривать поведенческие акты на различных уровнях правовой реальности, но и учитывать при этом как онтологические аспекты, так и аксиологические. При выборе модели поведения важное значение имеет мотивация и целеполагание, включая решение вопроса о целесообразности тех или иных действий не только в юридическом контексте, но и с позиций экономических, организационных и прочих затрат и их обусловленности индивидуальными и социальными потребностями. В случае соответствия правилам неофициального (социального) права и противоречия юридическим нормам действия субъекта можно отнести к уровню правового поведения.

Усиление социального аспекта в развитии правовой реальности в современном мире делает невозможной или существенно затрудненной правореализацию в случае отсутствия легитимации юридической нормы, положенной в основу поведенческого акта субъекта. Однако в данном случае речь идет не только о социальном признании юридической нормы, но и о формировании на ее основе ценностной установки субъекта на совершение определенных действий, детерминированных этой нормой (Moscovici, 1984:60), что, в свою очередь, определяет эффективность механизма правового регулирования (Sidorov & Chestnov, 2014:139, 145). Именно благодаря легитимации как вертикальная, так и горизонтальная правовая коммуникация субъектов имеет правомерный характер (Polyakov, 2008:9—42).

Обусловленная легитимной юридической нормой (правовым принципом) модель поведения корректируется субъектом на основе обусловленной индивидуальным и социальным правовым опытом персонализации (Alexu, 1995:58). Благодаря этому, правомерное (законопослушное) поведение человека (сообщества), с одной стороны, объективно является актом правореализации, а с другой стороны, субъективно отражает легальное удовлетворение потребностей. Благодаря этому не только достигается объективация правовых ценностей в деятельности субъекта, но и обеспечивается определенность правовой реализации в том виде, как это было сконструировано в нормативной модели (Ávila, 2016:57).

Государство как социальная система может полноценно функционировать при наличии не только юридических, но и социальных факторов. Правотворчество, будучи предопределено разнообразностью интересов и потребностей участников правовой коммуникации, необходимостью их урегулирования (при вертикальной коммуникации) и согласования (в случае горизонтальной коммуникации), нормативно определяет цель, структуру и порядок функционирования

общества, но только в процессе правореализации эти конструкты трансформируются в социальную действительность (Sadurski, 2009:129). При этом позитивное право может конструировать не только позитивные блага, но и негативные, связанные с ограничением или запретом на совершение действий, которые могут препятствовать осуществлению нормативно закрепленных правил и (или) принципов в жизнь (Günther, 1993:45—47). Однако соблюдение правовых запретов опосредовано не только государственным принуждением, но и социальными установками на отказ от осуществления запрещенных действий, который воспринимается в качестве необходимого условия совершения правомерных действий. Фактически государство, устанавливая запреты, выступает в качестве ценностной системы противодействия социальному злу. Однако осознание этого факта в общественной среде зависит не только от уровня правовой культуры, но и от степени демократичности государства, учета им не только узкогрупповых интересов политической элиты, но и широких социальных потребностей (Barzilai, 2006:95). В последнем случае создаваемый государством механизм правового регулирования фактически тождественен механизму правового воздействия, поскольку ориентирован не только на поведение, но и сознание субъектов правоотношений.

Направленность правореализации на формирование и поддержание субъектами права правопорядка и режима законности, предусмотренных законодательством, позволяет рассматривать это явление не только в качестве посредника между правотворчеством и правовым поведением, но и как ценностное средство гармонизации правовой реальности в целом (Titova, 2015:72—76). Благодаря правореализации закрепленные в законодательстве формальные правила трансформируются в субъективное право, юридическую свободу, юридическую обязанность или юридическое полномочие конкретного субъекта права (как индивидуального, так и коллективного). При этом происходит взаимодействие государственной воли, закрепленной в законодательстве, и индивидуальной воли отдельных субъектов правоотношений. Несмотря на то, что государство в данном случае выступает адресантом правовой коммуникации, достижение правомерного поведения и правопорядка возможны лишь в том случае, если действия отдельных адресатов коррелируют между собой. Это опосредует легитимность правового регулирования, которая может при этом рассматриваться конвенционально.

Благодаря правореализации, государство не только создает ценностные основы правопорядка и режима законности, но и обеспечивает национальную идентификацию граждан (Foster & Herring, 2017:19). Реализация сконструированной в законодательстве модели поведения обеспечивает включенность индивида в общество на легальных основаниях. Несмотря на то, что человек при этом выступает лишь адресантом коммуникации, его действия являются необходимым условием поддержания существования и функционирования сообщества граждан. Ценностные установки, сформированные в сознании индивида в процессе вторичной правовой социализации, позволяют человеку интерпретировать юридические нормы в социальном контексте и адаптироваться в качестве равноправного члена сообщества.

Исходя из роли ценностей в сознании и поведении человека, аксиологически правореализация обладает рядом черт: (1) является средством удовлетворения интересов человека, социальной группы, общества и государства; (2) обеспечивает ценностную легитимацию правотворчества в его процессуальном и материальном понимании; (3) обеспечивает целенаправленность и эффективность правового воздействия на сознание и поведение человека; (4) является средством гармонизации правотворческого и правоповеденческого уровня правовой реальности.

Выводы

Таким образом, правореализация может быть определена как комплексная философско-правовая категория, включающая в себя ментальный и деятельностный компоненты. К первому следует отнести постижение содержания правовых норм разного уровня и качества, практики их осуществления, выбор возможных вариантов правового и (или) неправового поведения, обусловленный рациональными и иррациональными факторами, ценностными предпочтениями субъектов. Второй же заключается в деяниях правового характера, которые согласуются с требованиями норм позитивного права.

Процесс правореализации направлен на трансформацию субъектом права закрепленных в законодательстве формальных (абстрактных, общих) правил в конкретные правовые действия. При этом предусматривается, что индивид (сообщество) осуществляет позитивную деятельность, направленную на достижение результатов, предусмотренных как юридическими нормами, так и ценностными установками правосознания.

Правореализация как комплексная категория может быть рассмотрена в онтологическом, феноменологическом и аксиологическом аспектах. Онтологически правореализация выступает определяющим средством юридического воздействия позитивного права на сознание и поведение человека. Феноменологически ее можно рассматривать в качестве самостоятельного уровня правовой реальности, представляющего собой систему действий субъектов права, направленных на воплощение в жизнь государственных предписаний, объективированных в совокупности индивидуальных правовых актов. Аксиологически правореализация — это движение правовых ценностей от их ментального осознания к воплощению в тех возможных моделях правовых взаимодействий, которые конструируются субъектами и затем, пусть и частично, отражаются непосредственно в правовых отношениях.

References / Список литературы

- Aarnio, Au. (2011) *Essays on the doctrinal Study of Law*. Dordrecht, Springer. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-94-007-1655-1.pdf>
- Alexy, R. (1995) *Recht, Vernunft, Diskurs: Studien zur Rechtsphilosophie*. Frankfurt am Main Suhrkamp, Suhrkamp.
- Alexy, R. (2021) *Law's Ideal Dimension*. Oxford, Oxford University Press.
- Ávila, Hu. (2016) *Certainty in Law*. Cham, Springer.

- Babaev, V.K. & Baitin, M.I. (eds.) (1987) *Soviet legal norms. Problems of the theory*. Saratov, Saratov University Press. (in Russian).
Бабаев В.К., Байтин М.И., Баранов В.М., Вопленко Н.Н. и др. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 248 с.
- Barzilai, G. (2006) *Communities and Law: Politics and cultures of legal identities*. Ann Arbor, The University of Michigan Press.
- Bocharov, V.V. (2012) *The Unwritten Law: An Anthropology of Law. Scientific research: textbook*. Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publishing House. (in Russian).
Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование: учеб. пособие. СПб.: ПХГА, 2012. 386 с.
- Bratko, A.G. (1979) *Prohibitions in Soviet law*. Saratov, Saratov University Press. (in Russian).
Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 92 с.
- Bratus, S.N. & Samoshchenko, I.S. (eds.) (1966) *General theory of Soviet law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
 Общая теория советского права / под ред. С.Н. Братусь, И.С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1966. 491 с.
- Ershov, V.V. (2013) Law and “not Law”: Debating points of theory and practice. *Russian Justice*. 1 (81), 24—31. (in Russian).
Ершов В.В. Право и неправое: дискуссионные вопросы теории и практики // Российское правосудие. 2013. № 1(81). С. 24—31.
- Ershov, V.V. (2020a) Law in the Context of the Metamodern Paradigm. *Justice*. 1 (2), 99—114. <https://doi.org/10.37399/issn2686-9241.2020.1.99-114>
- Ershov, V.V. (2020d) *Regulation of legal relations*. Moscow, Russian State University of Justice. (in Russian).
Ершов В.В. Регулирование правоотношений. М.: РГУП, 2020. 564 с.
- Ershov, V.V. (2021) Legal understanding, law making and law implementation. *Justice*. 3 (1), 14—30. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2021.1.14-30>
- Evssegneev, V.A. (2018) Realization of norms of land law and problems of ensuring their effectiveness. *Agrarian and land law*. 3 (159), 43—54. (in Russian).
Евсегнеев В.А. Реализация норм земельного права и проблемы обеспечения их эффективности // Аграрное и земельное право. 2018. № 3(159). С. 43—54.
- Fatkullin, F.N. & Fatkullin, F.F. (2000) *Problems of the theory of state and law*. Kazan, Spektr Publ. (in Russian).
Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права. Казань: Спектр, 2000. 331 с.
- Filippova, S.Yu. (2013) *Instrumental approach in the science of private law*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права. М.: Статут, 2013. 350 с.
- Flores, I.B. & Himma, K.E. (eds.). (2013) *Law, Liberty, and the Rule of Law*. Dordrecht, Springer.
- Foster, Ch. & Herring, J. (2017) *Identity, Personhood and the Law*. Springer, Cham.
- Friedman, L.M. (2016) *Impact: How Law Affects Behavior*. Cambridge, Harvard University Press.
- Gainiev, L.S. (2020) *Justice is the system of application of law*. Saint Petersburg, Aletheia; Independent Alliance Publ. (in Russian).
Гайниев Л.С. Правосудие — система применения права: монография. СПб.: Алетейя; Независимый альянс, 2020. 171 с.
- Günther, K. (1993) *The Sense of Appropriateness: Application Discourses in Morality and Law*. Albany, State University of New York Press.
- Habermas, Ju. (2003) *The Future of Human Nature*. Cambridge, Polity Press.
- Hertogh, M. (2018) *Nobody's Law: Legal Consciousness and Legal Alienation in Everyday Life*. London, Macmillan Publisher.

- Hess, L. (2015) The Meaning of Normativity of Meaning. In: Araszkievicz, M., Banaś, P., Gizbert-Studnicki, T. & Pleszka K. (eds.). *Problems of Normativity, Rules and Rule-Following*. Cham, Springer.
- Kelzen, G. (2015) *Pure doctrine of law, justice and natural law*. Saint Petersburg, Alef-Press Publ. (in Russian).
Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
- Khabibullin, A.G., Malikov, M.F. & Rakhimov, R.A. (1998) *Problems of the typology of statehood at the present stage*. Ufa, Sterlitamak, Bashkir State University. (in Russian).
Хабибуллин А.Г., Маликов М.Ф., Рахимов Р.А. Проблемы типологии государственности на современном этапе. Уфа; Стерлитамак, БашГУ, 1998. 118 с.
- Khaikin, Ya.Z. (1972) *Structure and interaction of moral and legal systems*. Moscow, Higher school Publ. (in Russian).
Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М.: Высш. шк., 1972. 280 с.
- Khalfina, R.O. (1974) *General doctrine of legal relationship*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 340 с.
- Krasnov, A.V. & Vasiliev, E.V. (2016) Realization of Law: Classical and Postclassical Aspects. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2, 168—172. (in Russian).
Краснов А.В., Васильев Э.В. Реализация права: классический и постклассический аспекты // Вестник экономики, права и социологии, 2016. № 2. С. 168—172.
- Krawietz, W. (2008) Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive. In: Brugger, W., Neumann, U. & Kirste, S. (eds.) *Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert*. Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, pp. 181—206.
- Kuznetsov, I.N. & Samoshchenko, I.S. (eds.). (1985) *Law enforcement in the Soviet state*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Правоприменение в Советском государстве / Е.В. Болдырев, С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, Л.Д. Воеводин и др.; отв. ред. И.Н. Кузнецов, И.С. Самошенко. М.: Юрид. лит., 1985. 304 с.
- Lazarev, V.V. (1972) *Application of the norms of Soviet law*. Kazan, Kazan State University Press. (in Russian).
Лазарев В.В. Применение норм советского права. Казань: КГУ, 1972. 200 с.
- Leist, O.E. (1981) *Sanctions and liability under Soviet law. Theoretical problems*. Moscow, Moscow University Press. (in Russian).
Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 240 с.
- Lloyd, D. (2009) *The idea of law*. 5th ed. Moscow, Knigodel Publ. (in Russian).
Ллойд Д. Идея права. 5-е изд. М.: Книгодел, 2009. 376 с.
- Maksimov, G.B. (2014) Forms of implementation of law. *Law and practice*. 2, 75—81. (in Russian).
Максимов Г.Б. Формы реализации права // Право и практика. 2014. № 2. С. 75—81.
- Matuzov, N.I. (1976) General legal relations as a kind of socialist legal relations. *Questions of the theory of state and law. Interuniversity scientific collection*. Iss. 4. Saratov, Saratov University Press, pp. 69—99. (in Russian).
Матузов Н.И. Общие правоотношения как разновидность социалистических правовых отношений // Вопросы теории государства и права. Межвузовский научный сборник. Вып. 4. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1976. С. 69—99.
- Moscovici, S. (1984) The phenomenon of social representations. In: Farr, M. & Moscovici, S. (eds.). *Social representations*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 3—69.
- Nenovsky, N. (1987) *Law and values*. Zor'kin V.D. (ed.). Moscow, Progress Publ. (in Russian).
Неновски Н. Право и ценности; под ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. 248 с.
- Nickel, J.W. (2015) *Making sense of human rights*. 2nd ed. Carlton, Blackwell.

- Palekha, R.R. (2021) To the question of the forms of legal influence. *Law and State: Theory and Practice*. 3 (195), 215—218. (in Russian).
Палеха Р.Р. К вопросу о формах правового воздействия // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 3 (195). С. 215—218.
- Panchenko, V.Yu. (2015) *Legal interaction as a type of social interaction: monograph*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия: моногр. М.: Проспект, 2015. 232 с.
- Panchenko, V.Yu. & Vlasenko, V.N. (2020) Principles and norms of law as abstract and specific legal regulators. *Russian Justice*. (1), 14-20. <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2020.1.14-20> (in Russian).
Панченко В.Ю., Власенко В.Н. Принципы и нормы права как абстрактные и конкретные правовые регуляторы // *Российское правосудие*. 2020. № 1. С. 14—20. <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2020.1.14-20>
- Petrov, V.S. & Yavich, L.S. (eds.). (1974) *General Theory of State and Law: General Theory of Law*. Vol. 2. Leningrad, Leningrad University Press. (in Russian).
 Общая теория государства и права: Общая теория права. Т. 2 / отв. ред. В.С. Петров, Л.С. Явич. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 416 с.
- Pogodin, A.V. (2014) Social Content of Law and Law Realization. *History of State and Law*. 6, 6—9. (in Russian).
Погодин А.В. Социальное содержание права и правореализация // *История государства и права*. 2014. № 6. С. 6—9.
- Polyakov, A.V. (2008) Farewell to the classics, or how a communicative theory of law is possible. *Russian Yearbook of the Theory of Law*. Т. 1. Saint Petersburg, Legal book, pp. 9—42. (in Russian).
Поляков А.В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // *Российский ежегодник теории права*. Т. 1. СПб.: Юридическая книга, 2008. С. 9—42.
- Polyakov, A.V. & Timoshina, E.V. (2017) *General theory of law: textbook*. 3rd ed. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Press. (in Russian).
Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. 3-е изд. испр. и доп. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2017. 468 с.
- Pysina, G.A. (2021) *Law enforcement: collection of articles*. Moscow, Sputnik+ Publ. (in Russian).
Пысина Г.А. Правоприменение: сборник статей. М.: Спутник+, 2021. 324 с.
- Rabinovich, P.M. (1983) General theoretical issues of the implementation of Soviet law. *Bulletin of the Lvov University. A series of legal*. 22, 7—10. (in Russian).
Рабинович П.М. Общетеоретические вопросы реализации советского права // *Вестник Львовского ун-та, серия юрид.* 1983. Вып. 22. С. 7—10.
- Reshetov, Yu.S. (1989) *Implementation of the norms of Soviet law. System analysis*. Kazan, Kazan State University. (in Russian).
Решетов Ю.С. Реализация норм советского права. Системный анализ. Казань: КГУ, 1989. 159 с.
- Reshetov, Yu.S. (2013) Characteristic features of the implementation of law. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 3, 152—158. (in Russian).
Решетов Ю.С. Характерные черты реализации права // *Вестник экономики, права и социологии*. 2013. № 3. С. 152—158.
- Ruiz Mañero, J. (coord.). (2018) *Imperio de la ley y ponderación de principios*. Buenos Aires, Astrea.
- Rybushkin, N.N. (1990) *Prohibiting norms in Soviet law: monograph*. Kazan, Kazan State University Press. (in Russian).
Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве: моногр. Казань: Изд-во КГУ, 1990. 111 с.
- Sadurski, W. (2009) Reasonableness and Value Pluralism in Law and Politics. In: Bongiovanni, G., Sartor, G. & Valentini, Ch. (eds.). *Reasonableness and Law*. Dordrecht, Springer, pp. 129—146.

- Sandel, M.J. (1998) *Liberalism and the limits of Justice*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge university press.
- Sandro, P. (2021) *The Making of Constitutional Democracy: From Creation to Application of Law*. Oxford, Hart Publishing.
- Schauer, F. (2015) *The Force of Law*. Cambridge, Harvard University Press.
- Shagieva, R.V. (2008) *The concept of legal activity in modern society: monograph*. 2nd ed. Kaluga, Polygraph-Inform Publ. (in Russian).
Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе: монография. 2-е изд. Калуга: Полиграф-Информ, 2008. 280 с.
- Shagieva, R.V. (2014) *Norms of procedural law: theory and practice of their implementation: monograph*. Moscow, Norma Publ; INFRA-M Publ. (in Russian).
Шагиева Р.В. Нормы процессуального права: теория и практика их реализации: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 176 с.
- Shalamova, I.A. (2018) Realization of the right of citizens to a fair trial. *Eurasian legal journal*. 1 (116), 279—281. (in Russian).
Шаламова И.А. Реализация права граждан на справедливое судебное разбирательство // Евразийский юридический журнал. 2018. № 1 (116). С. 279—281.
- Sheindlin, B.V. (1960) Rule of law and legal relationship. In: Brother S.N. (ed.). *Questions of the general theory of law*. Gosjurizdat, Moscow, 121—147. (in Russian).
Шейндлин Б.В. Норма права и правоотношение // Вопросы общей теории права / под ред. С.Н. Братуся. М.: Госюриздат, 1960. С. 121—147.
- Sidorov, S.A. & Chestnov, I.L. (2014) *The mechanism of legal regulation in the system of social control: monograph*. Saint Petersburg, Alef-Press. (in Russian).
Сидоров С.А., Честнов И.Л. Механизм правового регулирования в системе социального контроля: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 224 с.
- Skorobogatov, A.V. (2021) Law enforcement in the structure of legal reality. In: Pozdnyakova E.V. (ed.) *South-Western Legal Forum: a collection of scientific papers of the South-Western Legal Forum dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of Law of South-Western State University (October 15—16, 2021)*. Issue. 1. Kursk, South-Western State University, pp. 474—478. (in Russian).
Скоробогатов А.В. Правореализация в структуре правовой реальности // Юго-Западный юридический форум: сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета (15-16 октября 2021 года) / редкол.: Е.В. Позднякова (отв. ред.). Вып. 1. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2021. С. 474—478.
- Skorobogatov, A.V. & Krasnov, A.V. (2017) Legal Reality in Russia: Concept and Structure. *History of State and Law*. 7, 54—58. (in Russian).
Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: понятие и структура // История государства и права. 2017. № 7. С. 54—58.
- Soldatova, A.V. & Soldatov, Ya.V. (2015) *Law enforcement in the social sphere*. Kazan, University of Management "TISBI" (Tatar Institute for Business Assistance). (in Russian).
Солдатова А.В., Солдатов Я.В. Правореализация в социальной сфере. Казань: Университет управления «ТИСБИ» (Татарский институт содействия бизнесу), 2015. 183 с.
- Stalgevich, A.K. (1957) Some questions of the theory of social legal relations. *Soviet state and law*. 2, 23—32. (in Russian).
Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социальных правоотношений // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 23—32.
- Supiot, A. (2007) *Homo Juridicus: On the Anthropological Function of the Law*. L., N. Y., Verso.
- Syrykh, V.M. (2014) *Materialistic theory of law: Selected works*. Moscow, Russian Academy of Justice. (in Russian).
Сырых В.М. Материалистическая теория права: Избранное. М.: РАП, 2014. 1260 с.
- Tamanaha, B.Z. (2004) *On the Rule of Law: History, Politics, Theory*. N.Y., Cambridge University Press.

- Tamanaha, B.Z. (2006) *Law as a Means to an End: Threat to the Rule of Law*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Titova, E.V. (2015) On the problem of defining the category of “lawful behavior” in constitutional law. *Problems of Law*. 1 (49), 72—76. (in Russian).
Тимова Е.В. К проблеме определения категории «правомерное поведение» в конституционном праве // Проблемы права. 2015. № 1 (49). С. 72—76.
- Vengerov, A.B. (2004) *Theory of state and law: a textbook for law schools*. Moscow, Omega-L Publ. (in Russian).
Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М.: Омега-Л, 2004. 608 с.
- Wagner, A., Werner, W. & Cao, D. (2007) *Interpretation, Law and the Construction of Meaning: Collected Papers on Legal Interpretation in Theory, Adjudication and Political Practice*. Dordrecht, Springer.
- Wroblewski, Je. (1992) *The Judicial Application of Law*. Dordrecht, Springer.
- Zhigachev, G.A. (2011) Law enforcement at the present stage: conflicts, problems, contradictions. *Bulletin of the Tambov University. Ser. Humanitarian sciences*. 9 (101), 322—328. (in Russian).
Жигачев Г.А. Правореализация на современном этапе: конфликты, проблемы, противоречия // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 9 (101). С. 322—328.

Сведения об авторах:

Скоробогатов Андрей Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП); Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42

ORCID ID: 0000-0001-9139-5367, Web of Science Researcher ID: J-4391-2016

e-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Краснов Александр Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия; Российская Федерация, 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а

ORCID ID: 0000-0002-9934-4975

e-mail: field08@mail.ru

About the authors:

Andrey V. Skorobogatov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (EIML); 42 Moscow str., Kazan, 420111, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-9139-5367, Web of Science Researcher ID: J-4391-2016

e-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Alexandr V. Krasnov — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Chair of the Theory and History of the Right and the State, Kazan branch of Russian University of Justice; 7a 2nd Azinskaya str., Kazan, 420088, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-9934-4975

e-mail: field08@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-564-581>

Научная статья

Эволюция правопонимания в западной философии

А.В. Зырянов¹, А.Н. Бабенко²

¹ Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

² Третий арбитражный апелляционный суд, г. Красноярск, Российская Федерация

zav-nauka@mail.ru

Аннотация. Посвящена анализу исследовательских подходов к правопониманию в западной философии, начиная с древнегреческого периода и заканчивая 2-й половиной XX века. Целью работы является формирование комплексного представления об исторически изменяющихся типах понимания права (в частности, рассматриваются такие направления, как натурализм, морализм, традиционализм, нормативизм, позитивизм, социологизм, реализм), каждый из которых раскрывается в трех аспектах: факторы становления; сущность; критика. Работа выполнена в рамках современной научной парадигмы предполагающей учет множественности, взаимодополнительности и междисциплинарности подходов к исследованию окружающего мира. В контексте методологии эволюционизма обращается внимание на условия многообразия, «наследственности» и «мутации» существующих и существовавших видов философских воззрений относительно природы и сущности права. В результате исследования правовых позиций таких мыслителей, как Платон, Аристотель, Цицерон, Фома Аквинский, Гроций, Суарес, Пуфендорф, Коук, Хейл, Блекстоун, Гоббс, Бентам, Кант, Остин, Кельзен, Харт, Раз, Дворкин, Феннис, Росс, Ллевеллин, предпринята попытка демонстрации эволюции философской рефлексии относительно факторной трансформации общественно-государственной реальности, что способствует «сшиванию материи» западных представлений о правовой действительности. Область применения результатов проделанной работы соотносится со спектром интересов ученых и профессиональных субъектов политико-правовой сферы, заинтересованных в объективизации знания о традиционных основах европейского правопонимания, проявляющих себя в современной правореализационной практике. Можно сделать вывод, что от возникновения парадигм философии права, знаменующих собой «адаптацию» к проблемам современной эпохи, в конечном счете, будет зависеть то, как право и правовые институты будут пониматься и развиваться в будущем.

Ключевые слова: философия права, правопонимание, европейская традиция, закон, мораль, естественное право, государство, позитивизм, социальное регулирование, статут, общее право, практика

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: Зырянов А.В., Бабенко А.Н. — концепция исследования, анализ полученных данных, написание текста.

Дата поступления в редакцию: 5 апреля 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

© Зырянов А.В., Бабенко А.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Зырянов А.В., Бабенко А.Н. Эволюция правопонимания в западной философии // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 3. С. 564—581. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-564-581>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-564-581>

Research Article

Evolution of legal understanding in Western philosophy

Aleksey V. Zyryanov¹ , Andrey N. Babenko²

¹ South Ural State University, *Chelyabinsk, Russian Federation*

² The third arbitration appeal court, *Krasnoyarsk, Russian Federation*

 zav-nauka@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of research approaches to legal understanding in Western philosophy, starting from the ancient Greek period and ending with the second half of the 20th century. The aim of the work is to form a comprehensive understanding of the historically changing types of comprehending law (including, such areas as naturalism, moralism, traditionalism, normativism, positivism, sociology, and realism) revealed in three aspects: formation factors, essence and criticism. The work was carried out within the framework of the modern scientific paradigm, which implies taking into account the plurality, complementarity and interdisciplinarity of approaches to the study of the surrounding world. In the context of evolution methodology, attention is drawn to the conditions of diversity, «heredity» and «mutation» of existing and existed types of philosophical views regarding the nature and essence of law. As a result of the study of the legal positions of such thinkers as Plato, Aristotle, Cicero, Thomas Aquinas, Grotius, Suarez, Pufendorf, Coke, Hale, Blackstone, Hobbes, Bentham, Kant, Austin, Kelsen, Hart, Raz, Dworkin, Fennis, Ross, and Llewellyn, an attempt was made to demonstrate the evolution of philosophical reflection on the factorial transformation of social and state reality, which contributes to “stitching of matter” of Western ideas about legal reality. The area of research implication correlates with the range of interests of scientists and professional subjects of the political and legal sphere interested in objectifying knowledge about the traditional foundations of European legal understanding, which manifest themselves in modern law enforcement practice. It can be concluded that the emergence of philosophy of law paradigms, which signifies “adaptation” to the challenges of the modern era, will ultimately determine how law and legal institutions will be understood and developed in the future.

Key words: philosophy of law, legal understanding, European tradition, law, morality, natural law, state, positivism, social regulation, statute, common law, practice

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: *Zyryanov A.V., Babenko A.N.* — research concept, analysis of the data obtained, text writing.

Article received 5th April 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Zyryanov, A.V., Babenko, A.N. (2022) Evolution of legal understanding in Western philosophy. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 564—581. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-564-581>

Введение

Право как средство управления человеческими сообществами восходит, по меньшей мере, к 3000 году до н.э. в Древнем Египте, устойчивые и систематические философские размышления о его природе, о которых сохранились свидетельства, начались только в конце V века до н.э. в Древней Греции и близлежащих районах Средиземноморья, вскоре после рождения западной философии. С этого момента можно проследить более или менее непрерывную историю такой рефлексии вплоть до наших дней. Как и в случае с историей философии в целом, на протяжении веков можно наблюдать изменения не только в выдвигаемых теориях, но и в центральных вопросах права, на которые должны были ответить эти теории.

Хотя каждая философская теория отчасти является продуктом времени, места и культуры, в которых она развивается, философия права является узкоспециальной в дополнительном смысле. Философские размышления о природе права не только очень часто формируются политикой времени и места того или иного теоретика, но и осуществляются с учетом специфики правовой системы и правовой культуры. Последнее обстоятельство имеет важное значение, так как виды правовых систем в Европе и англоязычном мире сильно различались на протяжении тысячи лет. Хотя форма и структура этих систем не могут быть подробно рассмотрены здесь, тем не менее, следует отметить, что качественное понимание каждой из основных теорий и текстов в истории философии права требует некоторого знакомства с правовыми системами городов и государств, в которых развивалась данная теория.

Например, центральным элементом правовой системы Афин был представительный законодательный орган — экклесия, в которой обсуждались и разрешались самые разнообразные политические споры по статуту, в то время как судебная система была, хотя и важной, но очень примитивной по современным стандартам (она регулировалась в основном обычными процессуальными нормами и управлялась обычными гражданами, поскольку в тот период не было судей, адвокатов или других юристов). В результате Аристотель теоретизировал о праве, прежде всего, по образцу общих правил действия, принятых законодательством и подлежащих пересмотру прямым голосованием или другими плебисцитарными средствами. Если взять другой пример, то начиная с XVII века многие британские (а позднее и другие англоязычные) философы права отстаивали центральное значение судебных институтов для самого существования правовой системы и обсуждали идею юридического рассуждения как особого рода совещательной деятельности. В последнее время все большее внимание уделяется смежному вопросу о том, как правильно толковать язык закона. Некоторые теоретики, начиная с начала XX века, даже находили плодотворным размышлять о природе

права прежде всего с точки зрения юристов-профессионалов, таких как судьи или адвокаты. Это развитие, несомненно, должно быть, по крайней мере частично, объяснено тем фактом, что эти теоретики размышляли о праве почти исключительно в рамках развитого общего права те правовые системы, которые существуют во всем англоязычном мире (а теперь и за его пределами), в которых специально подготовленные юристы отстаивают интересы клиентов в суде и в других местах и в которых судьи часто играют квазизаконодательную роль в разработке правовых норм в форме прецедентов, которые являются обязательными для последующих судов для целей решения будущих дел.

Таким образом, взгляды на природу права в конкретный исторический период часто зависят от ответов на фундаментальные философские вопросы, например, касающихся основ морали, справедливости; природы человеческих действий и намерений; отношений между социальными практиками и ценностями; природы знания и истины; и обоснования политического правления. Качество этих ответов демонстрирует особенность существующей парадигмы гуманитарного знания, ее динамику, что актуализирует исследование аспекта эволюции правопонимания на основе философских концепций.

Основная часть

В контексте проблемы становления философской проблемы правопонимания надо отметить, что абстрактное понятие закона признается, хотя и не обсуждается, в поэмах Гомера и Гесиода в VIII—VII веках до н.э., в греческой истории и литературе в VI—V веках до н.э. Представляется, что первое изложение идеи о праве, которая имела непреходящее влияние на Западе — это то, что закон — это своего рода команда или запрет в отношении того, что ее субъекты должны делать, и что закон часто сопровождается, по крайней мере, угрозой наказания или принуждения со стороны государства (Blackburn, 2009).

Геродот (род. ок. 484 г. до н.э.) в своей *Истории* греко-персидских войн упоминает, как спартанский царь заметил царю Персии, что греки «свободны, но не совсем свободны; закон — их господин, которого они боятся гораздо больше, чем ваши люди боятся вас. Они делают все, что он велит». Историк Ксенофонт (живший примерно между 430—350 годами до н.э.) приводит слова Перикла, в которой тот заявляет, что «какой бы ни была суверенная власть государства, жизнь в нем направляет совещательный результат многих — «закон» и отрицает, что факта принуждения со стороны тирана достаточно, чтобы явится «законом».

Но именно Платон (428/427—348/347 гг. до н.э.), писавший во время упадка Афинской империи, первым выдвинул философские претензии на природу права. Соответствующий греческий термин, *nomos*, широко варьировался по значению в разных контекстах, часто просто ссылаясь на конвенцию или практику. Но ко времени Платона он приобрел более специфический смысл статута или провозглашенной или написанной директивы, устанавливающей стандарт человеческих действий.

Платоновский диалог «*Критон*» является источником нескольких устойчивых идей в философии права, таких как то, что закон по своей природе

претендует на власть над своими субъектами и что само отношение между законом и его субъектами каким-то образом порождает обязанность повиновения. Более поздняя работа Платона содержит разрозненные ссылки на право, но не может сформулировать прочную философию права в современном смысле; то, что считается его последней работой — «Законы», содержит много конкретных предложений по реформированию законов своего времени, но любопытно, что не затрагивает более широких философских вопросов (Plato, 2010).

Спустя время ученик Платона Аристотель (384—322 гг. до н.э.) дал более систематическое выражение ряду влиятельных идей о праве. Аристотель сказал, что люди — это «политические животные», имея в виду, что они естественным образом организуются в различные виды сообществ, самым крупным из которых является город, или город-государство (*полис*). Города характеризуются своей «политеей», слово, которое относится к любому общему способу организации большого человеческого сообщества. Закон, как говорил Аристотель, есть «своего рода порядок» и, таким образом, обеспечивается всеобъемлющая система правил и институтов, посредством которых формируется общество. Закон (например, статут) по своей природе универсален по форме: это стандарт поведения, который применяется в целом в отношении, как классов лиц, так и типов поведения, которые он регулирует. Из-за своей универсальной природы закон может иногда не применяться или применяться только неопределенно к новому случаю, непредвиденному законодателем. Проблема здесь, по словам Аристотеля, заключается не в законе или отсутствии предусмотрительности законодателя, а скорее в «природе дела», в таких случаях требуется корректирующее действие, которое он назвал «справедливостью».

Хотя многие аспекты древнегреческой культуры продолжали оказывать влияние на всю Римскую Империю начиная с I века до н.э., право не было одним из них. Римляне создали новые правовые формы и институты, а также первых юристов-профессионалов и администраторов. Римские юристы разработали первую форму того, что позже будет названо «юридической наукой», и на службе этой дисциплины был изобретен новый жанр юридической письменности, в котором юристы собирали и систематизировали римское право в соответствии со сложными таксономиями. Эта практика достигла кульминации в Сборнике (*Digesta*), собранном Византийским императором Юстинианом I (правил 527—565 гг. н.э.), труд которого в конечном итоге послужил основой многих современных правовых систем Западной Европы. Но в то время как греческое право утратило свое влияние, греческое наследие в философии права должно было сохраниться в течение нескольких столетий, проходя через Средние века, в течение которых было много усовершенствований и расширений греческих тем и идей, особенно в рамках христианской традиции.

Римский юрист и философ Цицерон (106—43 гг. до н.э.) сформулировал первую целостную концепцию того, что называется «естественным правом». Хотя Цицерон был практикующим юристом и разбираются в положительных (принятых человеком) законах Римского государства, он стремился понять их относительно объективной нравственной истины, которую он также назвал «законы» (таким образом, закладывается тенденция многих писателей до наших

дней сослаться на вечные нравственные истины как «законы природы»). В своей работе *«De republica» («о республике»)* он, повторяя Софокла, утверждал, что: «истинный закон — это правильный разум, в согласии с ним свернуть этот закон нечестиво, изменить его незаконно, отменить его невозможно... и это не будет один закон в Риме и другой в Афинах, но один и тот же закон, вечный и неизменный» (Plato, 2010).

Эта более емкая концепция права устанавливала довольно строгие моральные условия, которым должен соответствовать предполагаемый позитивный (созданный человеком) закон, чтобы квалифицироваться как реальный закон: «те, кто формулировал злые и несправедливые законы для наций, нарушая тем самым их обещания и соглашения, вводили в действие все, что угодно, кроме „законов“».

Идея Цицерона о том, что существуют моральные критерии для определения истинности позитивного права, приобрела популярность в последующие столетия. Более позднее краткое утверждение Августина Гиппона (354—430 гг. н.э.) о том, что «несправедливый закон вовсе не является законом», на протяжении веков служило своего рода лозунгом традиции естественного права, несмотря на утверждения некоторых критиков, что оно было неясным или противоречивым.

Теория естественного права была впервые систематизирована христианским философом Фомой Аквинским (1224—1274 гг.). Он определял закон отчасти как «постановление разума» — то есть предписание, которое одновременно производится (законодателями) и на которое реагируют (субъекты) посредством осуществления особой человеческой способности разума. Он утверждал, в терминах более ясных, чем в предыдущих теориях, что закон имеет по своей природе отличительную цель. В самом абстрактном смысле цель права состоит в том, чтобы служить общему благу политического сообщества. Говоря более конкретно, закон — это обнародованный план координации, посредством которого общество может реализовать блага (как материальные, так и нематериальные), которые не могут быть достигнуты другими средствами.

Центральный естественноправовой тезис Фомы Аквинского состоит в том, что действительный позитивный закон обязательно выводится из объективных моральных принципов (или моральных истин). Этот вывод может происходить двумя путями. Во-первых, когда между моральной и правовой нормой существует прямое соответствие по содержанию. Например, исходя из морального принципа, что убийство — это зло, можно сформулировать и ввести в действие юридический запрет на убийство. Во-вторых, право может быть выведено из морали посредством косвенного процесса, который Фома Аквинский назвал (по-латыни) *determinatio* — определение или уточнение того, как общий моральный принцип применяется в конкретных обстоятельствах для облегчения координации действий людей. Большая часть позитивного права, утверждал он, была выведена из морали этим вторым путем. Фома Аквинский утверждал, что если позитивное право не выводится из действительных моральных принципов ни одним из этих двух способов, то, если вспомнить лозунг Августина, такие законы «несправедливы» и не могут быть «законом».

Аквинский трактат об отношении между законом и моралью усложняется его трактовкой того, кто больше всего подходит на роль правителя и законодателя. Понятия авторитетного законодателя и морально обязательные законы, принятые этим лицом, являются коррелятами. Смысл закона состоит в том, чтобы служить общему благу, и если кандидат в законодатели способен сделать это эффективно, осуществляя политическое правление, то Аквинат говорит, что такой человек обязан управлять. Законные политические власти — это те, кто руководствуется «заботой об обществе», и любой закон, созданный на основе других мотивов, является особой формой несправедливости, которая также может аннулировать позитивное право.

С конца европейского Возрождения до конца XVIII века философские дебаты о природе права значительно расширились и разнообразились, привлекая теоретиков из Англии и всей континентальной Европы. За этот период произошло два крупных тематических события. Во-первых, было развито мнение, впервые сформулированное в Древней Греции и развитое в некоторой степени Аквинатом, что закон следует понимать по образцу приказа, отданного вышестоящим подчиненным, отдача которого делает определенные действия обязательными для рационального адресата (и предполагаемого адресата). Во-вторых, начиная с 1620-х годов, в Англии появилась все более изоциренная идея о том, что в основе права лежит обычай, примером которого является общее право Англии. Эти «теоретики общего права» оказали непреходящее влияние на западную философию права вплоть до наших дней.

В частности, такие философы, как Гуго Гроций (1583—1645), Франсиско Суарес (1548—1617) и Самуил фон Пуфендорф (1632—1694), развивали теории о том, какими должны быть люди, чтобы быть способными навязывать и подчинять себя закону. Хотя между этими теоретиками существовали различия, они разделяли некоторые общие предположения. Например, было решено, что закон направлен на существ свободных — обладающих способностью выбирать из множества доступных действий разумные. Другими словами, такие существа обладают способностью распознавать закон как своего рода приказ, обращенный к ним, понимать этот факт как причину действовать (или, по крайней мере, обдумывать) определенным образом, а затем действительно действовать на основе этого признания и обдумывания. Более того, эти философы соглашались с тем, что содержание закона определяется содержанием воли законодателя.

Тот факт, что создание закона связано с определенным действием воли человека, также помогает объяснить, каким образом закон побуждает своих субъектов действовать соответствующим образом. Законодатель как «полководец» стремился, вводя законы в действие, произвести поведение, отраженное в содержании закона, которое требовало действия воли субъекта только что описанного вида.

Теоретики полагали, что для того, чтобы закон успешно руководил поведением, необходимо «соединение волей». Суарес, например, говорил, что воля субъекта права должна «вступать в непосредственный контакт» с волей законодателя; Пуфендорф также говорил, что содержание закона должно быть «внушено разуму субъекта», чтобы мотивировать субъекта действовать соответствующим

образом. Все эти предположения поддерживали и формировали общее мнение о том, что существенная особенность права состоит в том, чтобы играть рациональную, и решающую роль в практических рассуждениях его субъектов, то есть в их рассуждениях о том, что они должны делать. (Эта точка зрения будет пользоваться возрождением среди философов права в конце XX века).

Другим крупным событием заявленного периода было появление в Англии в начале XVII века группы юристов и судей, постановивших, что все права — это эквивалент или производное от общего права, которое они определили как «незапамятный обычай». Среди тех, кто внес важный вклад в эту общую теорию, были Эдуард Коук (1552—1634), Мэтью Хейл (1609—1676), а позже Уильям Блэкстоун (1723—1780). Законы являются частью общего права только в том случае, если, как сказал Хейл, «они приобрели свою обязательную силу и силу законов в результате долгого и незапамятного использования». Сам факт использования правила сообществом в течение многих лет или столетий — это то, что придает данному правилу авторитет и легитимность.

Однако точный характер и роль этой практики были предметом некоторых споров. Так, Коук утверждал, что английское право фактически не изменилось по существу со времен саксов или даже римлян и что такая поразительная история легла в основу легитимности английского права его времени. Хейл находил это утверждение сомнительным и утверждал, что закон настоящего не обязательно должен быть идентичен закону прошлого, но только непрерывен с ним; существенно постоянное ощущение членами сообщества, что настоящий закон является разумным и соответствующим их обстоятельствам.

Теория общего права была важным отступлением от основной модели права, главным образом потому, что она отошла от статута как парадигмы и вместо этого сосредоточилась на объяснении функционирования судов и их связи с более широким сообществом. Поэтому деятельности судей и практикующих юристов впервые было отведено почетное место в построении философской теории права. (Этот общий подход станет доминирующим на протяжении всего XX века).

В рамках своей философии права теоретики общего права выдвинули то, что теперь называется теорией судебного разбирательства: теорию того, что судьи делают и должны делать. Поскольку сутью общего права был извечный обычай, который выходил за пределы верований или взглядов любого отдельного человека, судья не был и не мог выступать в качестве законодателя при разрешении споров между гражданами. Вместо этого судья обнаруживал или различал общее право из соответствующих прошлых дел, трактатов, и общего опыта. Как известно, Коук сказал: «*Judex est lex loquens*» (буквально: «судья — это говорящий закон»), имея в виду, что судья является своего рода экспертом в объявлении закона, который существовал ранее в обществе. Судья — это «живой оракул» закона, но только как его рупор, а не как его источник. Утверждение Коука также подразумевает, что с каждым новым судебным решением, основанным на аргументации прошлых дел, и в той мере, в какой подобные дела должны рассматриваться одинаково, именно новое дело, а не судья, расширяет закон. Соответствующий опыт судей (и адвокатов, которые выступали перед ними) был

объяснен Коуком в терминах «искусственного разума», особой интеллектуальной способности юристов синтезировать обычаи сообщества в согласованный набор принципов общего права, используемых для рассмотрения дел. «Разум — это жизнь закона, — сказал Коук, — а закон — это действие, которое требует длительного изучения и опыта, прежде чем человек сможет достичь его познания».

Отметим, что в то время как первые теоретики общего права были довольно ограничены в своих стремлениях — они стремились объяснить конечную основу права Англии — их значение значительно возросло с середины XX века. Поскольку политическая и экономическая мощь стран общего права, таких как Соединенные Штаты и Соединенное Королевство, возросла на международном уровне, их правовые системы и правовые теории, которые их обосновывают и объясняют, соответственно возросло их влияние. Более того, само международное право после окончания Второй мировой войны развивалось экспоненциально и обычаи долгое время считался одним из его законных источников (Searle, 2010).

Вместе с тем одним из наиболее влиятельных философов права раннего Нового времени был Томас Гоббс (1588—1679), чья теория права представляла собой новую смесь тем из традиций как естественного права, так и теории команд. Он также предложил некоторые из самых ранних критических замечаний теории общего права, которые были значительно развиты теоретиками в XVIII веке. Для Гоббса закон был главным инструментом суверена, с помощью которого он мог служить целям правительства, которые были связаны с миром и личной безопасностью всех его граждан. Творя во время и после английских гражданских войн (1642—1651), он развивал идею о том, что правительство, эффективно управляемое законом, является единственным оплотом против анархии или, как он выразился, «войной всех против всех».

Философия права Гоббса — это отчасти объяснение того, каким должен быть закон, чтобы выполнять эту функцию. Многие ученые считают Гоббса основоположником юридического позитивизма, господствующей философской теории права с XVII века. Основные идеи юридического позитивизма сводятся к тому, что право по существу является социальным фактом и что оно имеет самое большее условную связь с моралью нормы: многие действия, которые юридически запрещены (или предписаны), тем не менее, могут быть моральными (или аморальными).

В своем известном сочинении *«Левиафан»* (1651) он писал, что «закон вообще не советует, но повелевает». Поскольку законы являются «знаками воли» суверена, Гоббс сделал особый акцент на требованиях, чтобы эти «знаки» были достаточно публичными и понятными для обычных граждан (Hobbes, 2011).

Гоббс отверг идею Коука о том, что познание закона требует применения «искусственного разума» и «длительного изучения и опыта», утверждая, что если адвокаты и судьи будут необходимыми посредниками между сувереном и подданным, то закон снова не сможет направлять поведение тех, к кому он применяется. Он полагал, что обычные люди могут обойтись без адвоката и освоить содержание правовой системы после примерно двухмесячного изучения.

Хотя в теории Гоббса есть неоспоримые позитивистские элементы, постулируя важную связь между естественным и гражданским правом (то есть между моралью и позитивным правом), он также был вдохновлен традицией естественного права. Он утверждал, что естественное право и гражданское право «содержат друг друга и имеют одинаковую степень». То, что Гоббс имел в виду под этим утверждением, с тех пор было предметом научных дебатов; вероятно, он считал, что существуют скромные, но реальные моральные пределы того, что суверен может законно требовать от своих подданных. Таким образом, Гоббс попытался синтезировать традиции естественного права и командования, хотя, все же, не достигнув в этом окончательного успеха.

Одним из величайших философов права в западной традиции, наследие которого необычно и фактически продолжает развиваться, является Иеремия Бентам (1748—1832). Он остается одним из наиболее пронизательных философов права, но большая часть его работ была после его смерти неопубликована фактически до середины XX века. Значительно упрощенная версия его философии права была представлена английским юристом Джоном Остином (1790—1859), что, в свою очередь, помогло определить повестку дня для важной работы в XIX веке.

Есть две основные темы в мысли Бентама, которые охватывают большую часть его работ о природе права. Первой и самой ранней темой была неустанная и всеобъемлющая критика теории общего права и, по сути, атака на саму идею общего права как такового. Во-вторых, это расширение и пересмотр гоббсовской концепции суверенитета и идеи права как своего рода команды.

Так, Бентам считал, что общее право, которое якобы легло в основу английского права, было запутанным в теории, опасным на практике и во всяком случае неспособным быть законом в полном смысле этого слова. Его первоначальной целью с таким направлением мысли был Блэкстоун, который в своих *комментариях к законам Англии* (1765—1769) (Blackstone, 2003) попытался систематизировать и свести долгую историю английского общего права к элегантному набору основных принципов. Блэкстоун неоднократно писал о «мудрости» этих принципов, связанной с их долгим признанием среди английского народа; сам факт их длительного использования и одобрения придавал им легитимность и обязательную силу.

Начиная со своей первой работы *«Фрагмент о правительстве»* (1776), Бентам критиковал Блэкстоуна и других теоретиков общего права за то, что они объединили вопросы о том, что такое закон и каким он должен быть. Эта ошибка, утверждал он, привела к удушающей реформе права, чтобы адекватно реагировать на быстро меняющиеся социальные и экономические условия конца XVIII века.

Бентам также выдвинул критику общего права как исключительной области профессиональной элиты-юристов и судей, в которой часто использовались неясные и технические формулировки, чтобы сохранить закон окутанным тайной с точки зрения обычных граждан, и все это в интересах увековечения мифа (по мнению Бентама), что юристы являются экспертами в области «искусственного разума» (Bentham, 2000), как это было впервые предложено Коуком.

Бентам, как и Гоббс, считал, что если язык закона и методы, используемые для его толкования, не будут доступны и полезны обычным гражданам, к которым он применяется, закон останется неэффективным в качестве руководства к их поведению. Бентам пошел дальше и утверждал, что система, в которой судьи якобы разрабатывают правовую доктрину в каждом конкретном случае, также не способна руководить поведением лиц, к которым она применяется, и поэтому не квалифицируется как закон.

Бентам также сделал успехи в отношении утверждений Гоббса о суверенитете, праве и отношениях между ними. Он определял закон прежде всего как «совокупность знаков, провозглашающих волеизъявление, задуманное или принятое сувереном государства», и поэтому следовал Гоббсу и более ранним теоретикам в размышлениях о законе по образцу повеления. Как и Гоббс, Бентам использовал понятие суверенитета для объяснения единства правовой системы, а также критериев юридической силы для этой системы. Власть государя, в свою очередь, объяснялась привычкой (или склонностью) людей общины подчиняться законам, исходящим из этого источника. Бентам писал об общей привычке к повиновению, под которой он подразумевал динамичность взаимоотношения между гражданином и сувереном, в которых общая привычка состояла в регулярном подчинении многих граждан повелениям суверена и в которых такое повиновение было известно и ожидалось среди граждан. В этом отношении Бентам был предшественником идеи, значительно резвившийся в конце XX века, что право основывается на сложных социальных конвенциях, которые включают действия, взаимные ожидания и убеждения достаточной части общества.

Указанные философские воззрения, в свою очередь, нашли продолжение в трудах Джона Остина, который сыграл ключевую роль в развитии юридической науки XX века и философии права в целом. Юридический позитивизм Остина часто трактуется как упрощенное, хотя и элегантное и доступное изложение основных положений теории Бентама. Как известно, Остин провозгласил, что «существование закона — это одно, а его достоинства или недостатки — совсем другое», что стало часто цитируемым лозунгом юридического позитивизма.

Закон, сказал Остин, — это приказ суверена, подкрепленный угрозой санкций. Приказы — это обязательно общие предписания, которые означают желание повелевающего суверена, чтобы действие было сделано или не сделано. Подобно Бентаму Остин характеризовал суверена как личность или группу лиц, которым обычно подчиняется основная часть политического сообщества, но которые обычно не подчиняются никому другому. «Привычное повиновение» в теории Остина — это соответствие между тем, что повелевает суверен, и тем, что фактически делает основная часть политического сообщества. По мнению Остина, закон не обладает какой-либо уникальной мотивационной силой, и поэтому не важно, почему граждане ему подчиняются, то есть по какой причине они ему подчиняются. Следствием этой точки зрения, однако, является то, что, по крайней мере, угроза применения санкций необходима для того, чтобы побудить людей подчиняться. В конце XIX века различные ученые начали разрабатывать критику этого простого, но мощного объяснения права, хотя каноническое опровержение позитивизма Остина не возникло до середины XX века.

XX век был во многом веком юридического позитивизма: две выдающиеся фигуры в философии права, австрийский юрист Ганс Кельзен (1881—1973) и английский теоретик права Х. Л. А. Харт (1907—1992), оба разработали влиятельные версии позитивистской теории природы права. В тот же период возникли также «реалистические» школы философии права — одна в Скандинавии, другая в Соединенных Штатах, — которые были в основном позитивистскими по своей ориентации, но занимались совершенно иными философскими (в случае скандинавов) и практическими (в случае американцев) вопросами, чем те, которые рассматривались Кельзеном и Хартом.

Кельзен, идейный противник естественноправовых теорий, определил центральную проблему философии права как объяснение нормативной силы закона, то есть притязания закона на то, чтобы закон справедливо указывал людям, что они должны делать. Он отверг идею о том, что нормативная сила закона может проистекать из его нравственности.

Кельзен находился под сильным влиянием неокантианских тенденций в немецкоязычной философии в начале XX века и, соответственно, был привлечен к «трансцендентальной» стратегии аргументации, которую прославил Иммануил Кант (1724—1804): учитывая существование некоторого бесспорного феномена, каждый имеет право сделать вывод или предположить существование всего, что необходимо для его объяснения. Учитывая неоспоримый факт, что закон претендует на авторитет, единственный способ избежать бесконечного регресса (т.е. поиска первоисточника права, в том числе поиска властного источника Конституции) — это предположить, что авторитет основополагающего документа или конституции проистекает из «основной нормы» (*Grundnorm* по-немецки), суть которого сводится примерно к следующему: «Конституции следует подчиняться».

Кельзен защищал «чистую теорию» права, то есть теорию, которая стремится объяснить нормативность права, не ссылаясь на какие-либо эмпирические факты о верованиях, установках или поведении людей (Kelsen, 1934). Фатальная проблема трансцендентальных аргументов, однако, состоит в том, что они уязвимы для возражений, основанных на отрицании реальности того, что теория пытается объяснить: законы действительно претендуют на авторитет, но, возможно, этот авторитет просто кажущийся, просто нереальный.

Так, в свою очередь, версия юридического позитивизма Харта избегала трансцендентальных аргументов, но серьезно относилась к той же основной проблеме, которая оживляла теорию права Кельзена.

Харт критиковал командные теории права, связанные с Остином и Бентамом, из-за их неспособности понять все те знакомые примеры законов, которые наделяют людей юридическими полномочиями, а не предписывают им воздерживаться от определенного поведения под страхом наказания. Правила, наделяющие властью, являются центральными чертами правовых систем, и командные теории, утверждал Харт, не могут их объяснить.

Проблема, думал Харт, лежит несколько глубже. Знакомая идея о том, что любой закон по существу включает санкции, также ошибочна, будь то точка зрения Остина о том, что каждый закон — это приказ, подкрепленный угрозой

наказания, или точка зрения Кельзена о том, что законы говорят должностным лицам, когда следует наказывать граждан. Проблема, по мнению Харта, заключается в том, что обычно право рассматривается как, по крайней мере, иногда, налагающее обязательства действовать (или не действовать) определенным образом. Харт соглашался с Кельзеном в том, что закон требует своего рода авторитета, права указывать людям, что они должны (или не должны) делать, а не просто то, что они должны (или не должны) делать под страхом наказания.

Однако решение проблемы, которую определил Кельзен, предложенное Хартом, совершенно иное. Харт утверждал, что везде, где существует правовая система, существует также «правило признания», которое определяет критерии юридической действительности, которым должно удовлетворять любое правило, чтобы считаться правилом этой правовой системы. Но правило признания не является «*Грунднормом*», трансцендентальной предпосылкой юридической мысли. Это довольно сложный психосоциальный феномен (пример того, что Харт назвал «социальным правилом»), существование и содержание которого определяются социологическим фактом, что должностные лица правовой системы сходятся на определенных критериях юридической действительности, и психологическим фактом, что такие должностные лица рассматривают эти критерии как обязательные. Таким образом, например, Конституция США является источником правовой власти в правовой системе США, поскольку почти все судьи рассматривают конституционность как критерий законности, и действуют и говорят так, как будто они обязаны делать именно это (Hart, 2012).

Позитивистская теория права Харта, таким образом, «нечиста»: в отличие от Кельзена, Харт утверждал, что нормативный характер права может быть объяснен в терминах сложных фактов о поведении и отношениях должностных лиц правовой системы, прежде всего судей. Конечно, Харт соглашался с Кельзеном в том, что законы могут быть морально неоправданными, но, в отличие от Кельзена, он полагал, что существование закона в основе своей зависит не более чем от обычной практики судей. Если бы судьи перестали рассматривать Конституцию как критерий юридической силы, то она перестала бы быть таковой.

Вместе с тем Дж. Раз глубже, чем Харт или Кельзен, исследовал идею о том, что закон претендует на право указывать гражданам, что они должны делать, — то, что Раз называл притязанием закона на власть. Но что такое власть? Раз отстаивал «служебную концепцию» авторитета, согласно которой закон является подлинно авторитетным постольку, поскольку он помогает субъектам права делать то, что они действительно должны делать лучше, чем они сделали бы без посредничества директив закона. По мнению Раза, если то, что закон велит кому-то делать, не является разумным независимо от моральных и других причин, на которых он основан, то закон не может служить своим подданным. Версия юридического позитивизма Раза, таким образом, развивала идею о том, что нормы имеют юридическую силу, — то есть, являются частью права — только в силу своего социального источника. В этом отношении Раз переосмыслил темы из командной традиции раннего Нового времени, в частности, идею о том, что право — это система норм, играющих особую роль в практическом рассуждении его субъектов, и (солидаризируясь с Гоббсом и Бентамом) что

содержание этих норм должно быть идентифицировано без обращения к спорным моральным аргументам.

Хотя юридический позитивизм таким образом восторжествовал в XX веке, он не обошелся без критики. Рональд Дворкин, например, утверждал, что моральные рассуждения необходимы для решения сложных конституционных вопросов. Дворкин также утверждал, что трактовка Хартом правила признания как конвергентной практики должностных лиц, к которой они относятся критически и рефлексивно, не может объяснить, почему такие должностные лица обязаны соблюдать правило, сформулированное таким образом.

В своих работах Дворкин развил идею о том, что моральные соображения играют важную роль в определении того, что такое закон. Он настаивал на том, что все, что вытекает из наилучшего «конструктивного толкования» исходных норм правовой системы (таких как законодательные акты и предшествующие судебные решения), составляет закон этой системы. Конструктивная интерпретация в техническом смысле Дворкина — это та, которая стремится объяснить предыдущие исходные нормы в терминах некоторых более общих моральных принципов справедливости — нормы полагаются на эти объяснительные моральные принципы, чтобы обеспечить привлекательное моральное оправдание правовой системы в том виде, в каком она существует (Dworkin, 1986). Точка зрения Дворкина, которая почти не привлекала сторонников, имела странное последствие: никто не мог знать, что такое закон правовой системы, поскольку никто еще не мог придумать лучшего конструктивного толкования.

Джон Финнис занял более амбициозную философскую позицию против позитивизма, чем Дворкин. Он утверждал, что любая теория социального явления, в том числе права, должна выявлять его «центральные» случаи, поскольку цель любой теории состоит в описании центральных или важных особенностей рассматриваемого предмета. Центральными случаями права, по мнению Финниса, являются те, в которых существует подлинное моральное обязательство повиноваться закону. Финнис, таким образом, рассматривал в качестве задачи теории права выявление тех характеристик правовых систем, которые настолько нравственно хороши, что оправдывают чье-либо послушание (Finnis, 2011).

По мере того как в XX веке среди философов права доминировала позиция правопозитивизма, будь то кельзенианская или хартианская, наряду с ней развивался влиятельный, но совершенно иной подход к пониманию права, который теперь обычно называют правовым реализмом. Двумя наиболее важными фигурами в этом отношении были датчанин Альф Росс (1899—1979) и американец Карл Ллевеллин (1893—1962), хотя они были очень разными теоретиками. Росс был систематическим философом, преподававшим на юридическом факультете, Ллевеллин — начинающим философом, но опытным и влиятельным юристом. Оба типа реализма, скандинавский и американский, скептически относились к идее, что писанные законы действительно объясняют поведение судей, и оба зависели от натуралистического мировоззрения, в котором действительность предполагалась такой, какой ее описывали науки.

Для Росса последнее, натуралистическое предположение было явным: под влиянием логико-позитивистских теорий 1920-х и 1930-х годов (которые не были

связаны с юридическим позитивизмом) Росс принял точку зрения, что единственные реально существующие вещи — это те, которые описаны различными эмпирическими науками, от физики до биологии и психологии. Потому что эмпирические науки не объясняют природные явления в терминах норм — они не ссылаются на обязательства, обязанности, права или справедливость. Натуралисты вроде Росса пришли к выводу, что таких норм на самом деле не существует. Однако, будучи профессором права, Росс определенно не хотел распространять этот вывод на законы и правовые системы как таковые. Вместо этого он предложил, чтобы судебные решения имели вид: «У г-на Смита есть договорное обязательство заплатить мистеру Джонсу 5000 долларов» может быть истолковано как что-то вроде «Я [судья] очень сильно чувствую, что мистер Смит должен заплатить мистеру Джонсу» (Ross, 2020). Росса не интересовала обычная концепция права. Скорее, его цель состояла в том, чтобы предложить толкование юридических терминов, включая «договорное обязательство», которое было бы совместимо с натуралистическим мировоззрением. С помощью таких интерпретаций Росс надеялся объяснить феномен закона в мире, понимаемом натуралистически.

Основоположником американского юридического реализма часто называют юриста Оливера Уэнделла Холмса-младшего (1841—1935). В его лекции «Путь права» (1897) прозвучали многие важные темы реализма: разница между законом и моралью утверждалась в том, что закон часто имеет неопределенность в его применении к конкретному делу, и при рассмотрении дел судьи часто находятся под влиянием внеправовых соображений — например, своих мнений об экономической политике или честности.

Наиболее широкое развитие эти темы получили в работах Ллевеллина, на которого оказало влияние немецкое движение свободного права конца XIX — начала XX века — протореалистическая школа юриспруденции. По словам Ллевеллина, в большинстве случаев, которые достигают апелляционного уровня пересмотра (когда они рассматриваются апелляционным судом), закон, как правило, неопределен в том смысле, что авторитетные правовые источники (такие как статуты, прецеденты и Конституции) не оправдывают однозначного решения. Неопределенность, по мнению Ллевеллина, возникает главным образом из-за существования противоречивых, но одинаково законных канонических толкования этих источников, так что один и тот же юридический источник может быть прочитан, по крайней мере, двумя различными способами (Llewellyn, 1962). Что касается таких случаев, то реалисты задают вопрос: почему судья пришел к такому выводу, учитывая, что закон и принципы юридической аргументации не требуют от него этого? Ллевеллин выдвинул аналогичный аргумент о противоречивых, но одинаково законных способах толкования прецедента, которые он называл «строгими» и «свободными» взглядами на прецедент. Согласно Ллевеллину, судья почти всегда имеет возможность охарактеризовать решение по более раннему делу либо весьма специфичным для конкретного факта способом, чтобы отличить его от настоящего дела, либо способом, абстрагирующимся от конкретных фактов предыдущего дела, чтобы сделать его обязательным в данном случае. Таким образом, по словам Ллевеллина, судьи никогда по-настоящему не ограничены прецедентом.

Однако, как и большинство американских реалистов, Ллевеллин, тем не менее, полагал, что судебные решения укладываются в предсказуемые схемы. Сосредоточившись в первую очередь на спорах в предпринимательском праве, Ллевеллин утверждал, что то, что судьи действительно делают в таких случаях, — это попытка обеспечить соблюдение неcodифицированных, но преобладающих норм коммерческой культуры, в которой и возник спор. Именно эти «фоновые факты, относящиеся к меркантильной практике, к ситуационному типу», согласно Ллевеллину, определяют ход таких решений.

Привлекая внимание к роли относительных факторов в принятии судебных решений, Ллевеллин и реалисты инициировали междисциплинарный поворот в американском юридическом образовании и ясно показали необходимость для юристов опираться на социальные науки в понимании развития права и того, что делают судьи. Большая часть современной политологической литературы по праву и судам черпает свое вдохновение из реализма, стремясь объяснить решения не ссылками на юридические причины (которые считаются неопределенными), а ссылками на факты о политике, происхождении и идеологии судей.

Выводы

Философский подход к пониманию права зарождается в Древней Греции. В этот период времени Платон выдвигает концепцию о природе права, в соответствии с которой закон по своей природе претендует на власть над своими субъектами и что само отношение между законом и его субъектами каким-то образом порождает обязанность повиновения. Позже его ученик Аристотель развил концепцию и сделал вывод, что люди — это существа, которые сами естественным образом организуются в различные виды сообществ и создают право.

Первым кто выдвинул концепцию «естественного права» был римский юрист Цицерон, который считал, что закон должен соблюдать моральные установки. Позже в средние века Фома Аквинский систематизирует данную концепцию права и выдвигает идею, что действительный позитивный закон, должный служить во благо всего общества, обязательно выводится из объективных моральных принципов, то есть законы выделяют или дополняют нормы морали.

Т. Гоббс вносит очередной вклад развитие философского подхода. Он выдвинул тезис, что естественное право и гражданское право «содержат друг друга и имеют одинаковую степень». Он считает, что закон должен защищать граждан, в особенности их естественные права. Его теория получила название «позитивизм», которой придерживались многие философы, создающие философию права. Бентам, последователь теории Гоббса, также использовал понятие суверенитета для объяснения единства правовой системы, а также критериев юридической силы для этой системы.

Большой интерес к позитивистскому правопониманию произошел в XX веке. Яркими представителями являются австрийский юрист Г. Кельзен и английский теоретик права Х.Л.А. Харт, оба разработали влиятельные версии позитивистской теории природы права. Кельзен придерживался «чистой теории» права, которая стремится объяснить нормативность права. А Харт утверждал, что

езде, где существует правовая система, существует также «правило признания», которое определяет критерии юридической действительности. Вместе с тем Харт и Кельзен считали, что законы могут быть морально неоправданными.

В свою очередь, появляется юридический реализм в Америке. Широкое развитие эти темы получили в работах Ллевеллина. Он утверждал, что судья почти всегда имеет возможность охарактеризовать решение по более раннему делу либо весьма специфичным для конкретного факта способом, чтобы отличить его от настоящего дела, либо способом, абстрагирующимся от конкретных фактов предыдущего дела, чтобы сделать его обязательным в данном случае.

Таким образом, право, как центральная черта большинства развитых человеческих обществ, было предметом философской рефлексии с самого начала западной философии в Древней Греции и далее, веками, до наших дней, его мировоззренческие основы продолжали формироваться крупнейшими, в частности, западными мыслителями своего времени.

От возникновения парадигм философии права, знаменующих собой «адаптацию» к темам современной эпохи, в конечном счете будет зависеть то, как право и правовые институты будут развиваться в будущем.

References / Список литературы

- Bentham, J. (2000) *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. Kitchener, Batoche Books.
- Blackburn, S. (2009) *The Big Questions: Philosophy*. Toronto, Quercus.
- Blackstone, W. (2003) *Blackstone's Commentaries on the Laws of England*. London, The Lawbook Exchange.
- Cicero, M. (2009) *The Republic and The Laws*. Oxford, Oxford University Press.
- Dworkin, R. (1986) *Law's Empire*. Harvard, Belknap Press of Harvard University Press.
- Finnis, J. (2011) *Natural Law and Natural Rights*. Oxford, Oxford University Press.
- Hart, H.L.A. (2012) *The concept of law*. Oxford, Oxford University Press.
- Hobbes, T. (2011) *Leviathan*. South Carolina, CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Kelsen, H. (1934) *Die philosophischen Grundlagen der Naturrechtslehre und des Rechtspositivismus*. Bonn, Matthias Jestaedt.
- Llewellyn, K. (1962) *Jurisprudence; realism in theory and practice*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Plato. (2010) *Dialogues*. New York, Simon & Schuster.
- Ross, A. (2020) *On Law and Justice*. Oxford, Oxford University Press.
- Searle, J. (2010) *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford, Oxford University Press.

Сведения об авторах:

Зырянов Алексей Викторович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, трудового права, Юридический институт, Южно-Уральский государственный университет; Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76

ORCID ID: 0000-0002-6364-1812; SPIN-код: 9925-6252

e-mail: zav-nauka@mail.ru

Бабенко Андрей Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья, Третий арбитражный апелляционный суд; Российская Федерация, 660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 9

AuthorID: 659322

e-mail: babenkodoc@mail.ru

About the authors:

Aleksey V. Zyryanov — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Law Institute, South Ural State University; 76 Lenina Avenue, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-6364-1812; SPIN-code: 9925-6252

e-mail: zav-nauka@mail.ru

Andrey N. Babenko — Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Judge, Third Arbitration Court of Appeal; 9 Prospekt Mira, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation

AuthorID: 659322

e-mail: babenkodoc@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-582-595>

Research Article

Correlation between delegated and framework regulation in Russia and foreign countries

Xenia E. Dovgan

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

 dok2122@bk.ru

Abstract. The article is aimed at studying the relationship between delegated and framework regulation based on the analysis of legal doctrine and legislation. The analysis of modern legislation indicates the modernization of the traditional foundations of legal regulation that previously existed in the state. The dynamics of social relations encourages the legislator to search for new ways of effective legal regulation. Such forms of regulation that are designed for repeated use are becoming relevant. It is determined that the main form of interaction between framework and delegated regulation is the framework legislation. The features of each type of legal regulation designate the content of its forms (sources); within the framework of delegated regulation, framework legislation acts as its element, ensuring the transfer of legislative powers. The features of “framework legislation” and its place in the system of sources of delegated regulation are in the focus.

Key words: legal regulation, delegated regulation, framework regulation, concretization, legislation, law-making process

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 21st March 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Dovgan, X.E. (2022) Correlation between delegated and framework regulation in Russia and foreign countries. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 582—595. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-582-595>

© Dovgan X.E., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Соотношение делегированного и рамочного правового регулирования в России и зарубежных странах

К.Е. Довгань

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация
 dok2122@bk.ru

Аннотация. Исследование направлено на изучение соотношения делегированного и рамочного регулирования на основе анализа юридической доктрины и законодательства. Анализ современного законодательства свидетельствует о модернизации традиционных основ правового регулирования, существующих ранее в государстве. Динамика общественных отношений становится для законодателя поводом поиска новых способов эффективного правового регулирования. Актуальными становятся такие формы регулирования, которые рассчитаны на многократное применение. Определено, что основной формой взаимодействия рамочного и делегированного регулирования является рамочное законодательство. Особенности каждого вида правового регулирования определяют содержание его форм (источников), в рамках делегированного регулирования рамочное законодательство выступает его элементом, на основе которого осуществляется деятельность по передаче законодательных полномочий. Исследованы признаки «рамочного законодательства» и его место в системе источников делегированного регулирования.

Ключевые слова: правовое регулирование, делегированное регулирование, рамочное регулирование, конкретизация, законодательство, правотворчество

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 21 марта 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Довгань К.Е. Соотношение делегированного и рамочного правового регулирования в России и зарубежных странах // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 3. С. 582—595.
<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-582-595>

Introduction

The rule of law, the protection of fundamental rights and freedoms of citizens, and the building of a law-governed state are becoming more essential in the conditions of modern life. Globalization, integration processes, new information technologies, and tough epidemiological situation urge to revise the scope of legal relations, the nature of law, so the capacity of law-making and law enforcement activities is expanding. One of the functions of the state is legal regulation aimed at a stable and effective legal order (Syrykh, 2008:191).

The study of legal regulation theory is one of the basic areas of research in legal science. The category of *legal regulation* is in constant dynamics; in different time periods scholars heavily contributed to its development both at the theoretical and

sectoral levels. The analysis of the legal regulation issue depends on the approach used by the author, as well as chosen methodology.

Pre-revolutionary scholars investigated certain issues of the theory of legal regulation implementation. For example, N.A. Gredeskul studied its process, constituent parts, correlation with other regulators (Gredeskul, 1900). S.A. Muromtsev examined legal regulation from the point of view of sociological theory of law (Muromtsev, 1893).

L.I. Petrazhitsky analyzed legal regulation through the subjective side in the light of psychological school development (Petrazhitsky, 1900; Petrazhitsky, 2000). Later, N.G. Aleksandrov, S.S. Alekseev, V.M. Gorshenev, V.D. Perevalov, V.M. Syrykh, A.F. Cherdantsev, L.S. Yavitch and others also looked at legal regulation issues.

V.S. Nersesyants proposed to reveal the concept of legal regulation through the regulatory functions of law, its statics and dynamics. S. S. Alekseev described legal regulation as a kind of social regulation (“purposeful, organized, effective character”), but having a system of special means and tools (“normative-institutional formations”, “regulators”) (Maltsev, 2007; Alekseev, 1999).

The theory of legal regulation is closely connected with the theory of lawmaking. In fact, V.M. Syrykh, A.F. Cherdantsev, S.S. Alekseev considered legal regulation as the first stage of lawmaking that creates the basis for further legal research (Syrykh, 2008; Cherdantsev, 1974; Alekseev, 1999).

According to the explanatory dictionary by S.I. Ozhegov *to regulate* means to bring into a certain system, “to ensure normal and correct functioning”¹. In the legal doctrine, legal regulation is understood as a kind of social regulation; it also suggests activities of authorized entities carried out by special legal means to streamline social relations.

Analyzing modern legal regulation in the context of legal systems, scholars distinguish legal regulation in the Romano-Germanic, Anglo-Saxon, religious, socialist legal systems, as well as the legal system of customary law (Berezina, 2020: 107). According to I. Yu. Bogdanovskaya, each legal system has its own characteristics, including in the legal regulation field (Bogdanovskaya, 2013). However, one cannot deny the processes of unification (Bezborodov, 2011), harmonization and other factors of influence (Marochkin, 2011) resulting in several models of national regulation within the framework of one legal system.

E.N. Trikoz notes the existence of a “new comparative phenomenon” described as mixed legal systems (Trikoz, 2017), where mutual influence occurs not only on “religious-ethical and ethno-geographical”, but also on technical and legal grounds of law. To the negative tendencies of such a process, Yu.A. Tikhomirov refers the “mix of legal regulation forms”, which provokes the decline of the role of the law (Tikhomirov, 2008:30). For example, in case of a delegated regulation in the Romano-Germanic legal system, the law is replaced by an act of the executive authority. Uneven development of industries, continuous stream of amendments and additions,

¹ Ozhegov, S.I. (2020) The dictionary of the Russian language. Moscow, ACT Publ. (in Russian).

"mechanical copying of foreign law texts" cause difficulties in law enforcement (Tihomirov, 2008:30).

The legislator must understand the systemic nature of legal regulation. Regardless of the form of the state, including the form of state-territorial structure, each legal system undergoes continuous development; in this regard, legal regulation as a function of the state requires more scrutiny.

Experts note expansion of legislative powers of the executive authorities (Strelnikova, 2018) through horizontal implementation of delegated regulation practice, from central legislative authorities to executive bodies. The practice of vertical delegation of legislative powers (mainly in federations) is also actively used; powers are delegated from the central legislative bodies to the legislative authorities of the constituents (constituents of the federation, lands, states, etc.).

The relevance of this study is determined by the analysis and generalization of existing knowledge regarding the content of delegated and framework regulation, including the range of lawmakers and forms (sources) of regulation. The research methodology is determined by its subject-matter. The use of formal legal and comparative legal research methods contributes to analyzing the data.

Framework regulation in the system of legal regulation

The theory of framework regulation is addressed mainly by constitutional law specialists in the context of joint jurisdiction of the Russian Federation and its constituents. A.V. Bezrukov argues that due to the "lack of limits of legislative regulation on the subjects of joint jurisdiction", a number of problems arise in the field of legal regulation; in this regard, a special role is assigned to framework regulation at the federal level" (Bezrukov, 2010:20). The *framework model of legal regulation* established by the Constitution of the Russian Federation "ensures its permanence and stability" (Gadzhiev & Kovalenko, 2012).

Despite the existence of direct regulation, the federation can implement "framework regulation in the relevant areas of public relations", and federal constituent entity "adopts its own act, in which it develops and supplements the norms of federal legislation without changing their fundamental meaning" (Avakyan, 2014:128). According to N. M. Dobrynin, "the development of a new federalism and formation of regions of a new type must be carried out on the basis of new legislation". The foundation of legal regulation should consist of "a package of framework federal constitutional laws that define the foundations of the legal status of federal constituents", precisely dividing the competence of the main branches of government. In the future, creation of the integral state system will require adopting profile legislation (Dobrynin, 2004).

In the second half of the 1960s, framework legal regulation as a mechanism for delineating competence was enshrined in the fundamental laws of Germany and Austria. As a result of the mutual influence of legal systems, changes also occurred in legal regulation; "cooperative" federalism created a balance of federal relations,

excluded subordination, and was based on a coordination and competence approach (Nawiasky, 1956).

According to Article 75 of the Constitution of the Federal Republic of Germany, the federation accomplishes framework regulation, and the role of the lands is to fill the general prescriptions (“frame law”) with their “own laws” (Nevinsky, 1986:100). Under par. 2, Article 72 of the Constitution of the Federal Republic of Germany, a similar method of legal regulation is applied when 1) it is impossible to effectively regulate at the land level, 2) there is a risk of violating the rights of other lands and the federation, 3) there is the need for a single legal or economic space. However, subsequently, as a result of the constitutional reform in Germany, the Law of August 28, 2006 abolished the framework regulation.

The Austrian model of federalism is similar to that of the Federal Republic of Germany; it divides the competence of subjects of jurisdiction vertically and horizontally. Framework regulation assumes that legislative powers belong to both the federation and the Länder within the limits set by the federation, while executive powers belong to the Länder (Likholetova, 2004).

In the countries of the European Union (hereinafter referred to as the EU), unification processes gave rise to the emergence of a two-level regulatory system — supra-European (mainly based on framework regulation) and national (national regulation). S.A. Glotov points to the importance of the Treaty Establishing the European Economic Community (EEC Treaty) in the process of harmonization of the European framework regulation (Glotov, 2010:42), which “fixed the principles of economic integration” and the conditions for further development of the EU countries. The EEC Treaty is a “framework” document, the main meaning of which is the establishment of a political organization endowed with broad powers to pursue common policy, create legal foundations for common market functioning” (Glotov, 2010:42).

Investigation of framework regulation by specialists in the field of constitutional law is quite justified. First of all, the normative nature of framework regulation is based on its norms, enshrined in the relevant legal acts. Since constitutional and legal norms contain such a means of legal regulation as uncertainty, such studies in the field of constitutional and international law are predictable. The smallest amount of legal certainty is noted among the constitutional and legal norms; this is predetermined by the sphere of legal relations. The uncertainty of the legal norm, according to D.S. Velieva, M.V. Presnyakov, contributes to applicability in case of any changes (Velieva & Presnyakov, 2021:210). Legal norms created as a result of framework legal regulation are defined as “mandatory requirements of a high degree of normative generalization” “and constituting a *reservoir* for law enforcement decisions in specific situations” (Panchenko, 2012:35).

In terms of content, framework regulation includes “silence of the lawmaker (legislator)”, common in partial and qualified forms (V.Yu. Panchenko). The first form is characterized by general rules aimed at regulating certain types of legal relations (Panchenko, 2012). The second form exists in two or more normative acts with general and special acts standing apart (Panchenko, 2012). General legal acts consist of

relatively specific means and norms, while special legal acts consist of absolutely definite norms-rules that regulate in detail the behavior of the parties (Panchenko, 2012).

I.P. Kozhokar notes that “silence of the legislator” in conjunction with other means are often used in legal regulation (Kozhokar, 2020:149). V.M. Baranov looks at the content of the “qualified silence of the legislator” through correlation of theories of legal consciousness, law-making process, interpretation, and implementation of law (Baranov, 2008). L.A. Morozova supposes that the open nature of the norm, which is specified by the law enforcer, is characteristic of such silence by the legislator and qualified as deliberate (Morozova, 2002:332).

Framework regulation, as well as delegated regulation, is described in the literature through its form (source) as framework legislation. Most dictionaries define "framework law" as a source containing general principles of regulation. Framework legislation created as a result of framework regulation in the form of framework directives, framework conventions and other sources is often used by the legislator to harmonize the legal system of an individual state or at the international level (Bezborodov, 2003). “For example, in framework conventions that do not contain specific model norms (a specific legal model), the level of modeling is general, conceptual, abstract. The framework character will mean here the general nature of the provisions of the document, allowing flexibility in their use” (Bezborodov, 2003:162).

Model, typical framework regulation testifies to the high level of legal culture of the state (Bezborodov, 2002). The importance of framework regulation is also significant in the economic sphere. I.P. Vorobieva emphasizes that “the state determines the *framework* conditions for economic activity... Excessive regulation does not allow to reveal entrepreneurial activity to its full extent. Under these circumstances, determination of the framework conditions for functioning of market entities becomes an important strategy for the authorities. The state determines the main parameters of activity, establishes the main restrictions and prohibitions, leaving the solution of other issues to the discretion of individuals and legal entities” (Vorobieva, 2014:29).

The doctrine does not dispute the fact that the subjects of framework regulation are legislative bodies that do not delegate their powers to the executive branch, president or other bodies, but directly accomplish legal regulation.

The limits of the framework legal regulation imply the delimitation of powers at several levels: vertically and horizontally. An example of the latter is delegated regulation.

Correlation between delegated and framework regulation

The institution of delegated regulation has been known since the 16th century, it first appeared in England and in subsequent centuries it was actively used to implement legal regulation. In the late 19th and early 20th centuries, with the active development of scientific and technological progress, this institution became the

main type of legal regulation in European countries. The transfer of legislative functions to the highest body of executive power (France, Italy, Spain and others), or to the head of state (Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan) on behalf of the highest authority of the legislative power contributed, on the one hand, to strengthening of executive bodies, and on the other hand, to power centralization of the head of state (Sukharev, Krutskikh & Sukhareva, 2003). The basis for the transfer of these functions is enshrined in the fundamental law of the state (constitution), a special law, or agreements and treaties; otherwise there is no such consolidation.

Baglai M.V., Mishin A.A., Chirkin V.E., Maklakov V.V., Marchenko M.N., Strelnikova N.A. and others investigate the institution of delegated regulation in the light of issuing regulations by the highest executive authorities on behalf of the highest legislative bodies; such regulations acquire legal force (Baglai, 2022; Maklakov, 2012; Marchenko, 2009; Marchenko, 2019; Mishin, 1972; Chirkin, 2013; Strelnikova, 2016; Strelnikova, 2018). For example, Federal Law No. 102-FZ of April 1, 2020 “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (hereinafter Federal Law No. 102) delegated additional powers to executive authorities in the field of tax legal relations determining the conditions and terms of such powers. The specification of this Federal Law was further carried out by the Government and the heads of the constituent entities of the Russian Federation.

However, in certain cases, delegated regulation may be forced by certain circumstances, such as state of emergency or martial law, whereby legislatures cannot exercise their powers. For example, Kuzmin A.V., Groshkov N.N. note that the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941 “On Martial Law”, which introduced such legal regime in connection with the invasion of the territory of the Soviet Union by troops of Nazi Germany and its allies, delegated “full power in areas under martial law, from civilian authorities to military councils and high command of military formations (where there are no military councils), granting them the broadest powers” (Kuzmin & Groshkov, 2021:18).

The lack of unified definition of executive powers authorized to adopt a specifying normative act creates difficulties in identifying the subjects of delegated regulation. These include executive authorities, governments, heads of state (Strelnikova, 2016), and/or officials (Oksamytny, 2004). The specificity is manifested

in the implementation of legislative functions by the subject, for whom the issuance of a normative act is not the main authority. Foreign legislation (for example, in the UK) allows for the existence of delegated regulation when the highest executive authorities transfer their powers to the level of territorial units (Sukharev, Krutskikh & Sukhareva, 2003; Karakchiev, 2007) in the form of devolution (Sukharev, Krutskikh & Sukhareva, 2003).

The target direction is determined by the adoption of special sources of law (framework law) by the legislature. The special nature of this act is determined by the choice of special technical and legal means, including uncertainty as a method of legal

regulation. Since detailed regulation involves considering a specific situation (Vlasenko, 2014:96), the specification is carried out by the executive authority, without which the implementation and application of framework legislation does not seem to be effective. Many issues are not regulated deliberately, since this competence is transferred to other bodies (Cherdancev, 1974).

Law of the Republic of Korea No. 17347 “Framework Law on Science and Technology”², as amended and supplemented, contains a number of provisions on delegating powers to the Government of the country to develop the scientific and technological process. The law is built clearly and concisely (the goal, purpose, tasks, general law philosophy, relationship with other laws, obligations of the state, etc. are only defined), however, some articles may be criticized for redundancy. In fact, they regulate in detail the actions of the Government, other bodies, and/or officials.

On the one hand, from the point of view of law enforcement, all positions can be positively assessed in a single normative act. On the other hand, the law loses its quality since the content of the regulated norms “inflates” the normative act as these provisions could well be included into provisions of the relevant bodies. The construction of the norms seems rather interesting: there is no sanction, there are rare hypotheses, and disposition obviously prevails. The nature of the norms is exclusively imperative, freedom of choice of actions is not provided; such form, as an example, can be borrowed into the system of legislation of the Russian Federation in some areas of legal regulation.

The law of the Republic of Korea No. 17347 also contains evaluative concepts. For example, it does not specify the promotion of internationalization of science and technology, scientific and technical exchange, and cooperation between South and North Korea, promotion of scientific and technical culture, scientific and technical innovations in private sector, etc. It is stipulated that the detailed regulation of issues will be carried out by the authorized body.

The norms adopted within the framework of delegated regulation under certain circumstances are mainly issued by executive authorities outside their competence on behalf of the legislative authority (Sukharev, Krutskikh & Sukhareva, 2003; Oksamytny, 2004; Chistyakov, 2010). Ordinances (France, Romania) can also be a form of delegated regulation, including actions that are limited in time and require the approval of the legislative body (Marchenko, 2019:464). Legislative decrees adopted by executive authorities (Italy, Spain) in the manner of delegated regulation also gain the legal force of law (Sukharev, Krutskikh & Sukhareva, 2003).

From the above practices and analysis of legal doctrine, it follows that the main form of delegated regulation is delegated legislation, which is a special legally enforced normative legal act. The question arises, what acts can be identified as delegated. Do they include acts (framework laws) of legislative bodies, or the latter are the legal facts of the delegated regulation?

² Framework Law of the Republic of Korea No. 17347 dated June 9, 2021 on Science and Technology. Available at: <https://www.law.go.kr/LSW/lInfoP.do?lsiSeq=231649#0000> [Accessed 13th April 2022], at Kor. lang.

N.A. Strelnikova asserts that the mechanism of delegated regulation includes adoption of a framework normative act, which contains a condition for transfer of legislative functions on the relevant subject of regulation to the executive authority who specifies this normative act (Strelnikova, 2016; Fiorina, 1982; Heritier, Moury, Bischoff & Bergström, 2013). The features of the forms of delegated regulation include the legal force of the law and its adoption by another body, i.e., not a legislative authority (Strelnikova, 2016:39).

The existing substitution of concepts in determining which normative act (framework or delegated) is adopted for the delegation of powers creates difficulties in characterizing the sources of legal regulation. Ambiguity persists in dictionaries as well. Thus, Big Law Dictionary defines a framework law (law-frame) as “*a special form of legislative acts adopted by the parliament in France and a number of states (former French colonies); establishes only general principles of regulation of any sphere. After that, appropriate acts of the regulatory authorities are adopted*” (Sukharev, Krutskikh & Sukhareva, 2003).

In the Belarusian legal encyclopedia D.A. Lagun defines a frame law as “*a special type of laws adopted by parliament and establishing only general rules for regulating a certain area of social relations. As a rule, these laws do not have direct effect and require the issuance of regulatory legal acts by executive authorities in their development. Framework laws can also include laws of a referential nature. Therefore, parliament often uses this form of law-making to delegate its powers to the government; it provides for concretizing and detailing the framework law, thereby filling in the deliberate gaps in legal regulation made by the legislator*” (Lagun, 2007).

It seems reasonable to define a normative act that contains provisions on delegating powers as a framework, which is of a general normative and binding nature. By form legal norms can be referential, with relatively definite norms.

The body authorized to issue such a framework law is the central legislature. A framework law contains general information about the circumstances, conditions, time, and actualities of transfer of part of the legislative powers to the executive branch of government. In turn, the authorized body with delegated powers issues a delegated legal act (delegated legislation).

Conclusion

A number of Western authors note the trend of interpenetration of legislative and executive authorities, “the emergence of the legislating executive)” (Strelnikova, 2018:26) and emphasize that the law-making process suggests merging and unifying executive power and legislature (Alder, 2013:128). The scholars claim that the powers of the executive and legislative branches of government “constantly and inevitably overlap” (Alder, 2013:129). It is natural to unite and combine the elements of legal regulation.

However, the difference between framework and delegated regulation can be identified in the following.

Firstly, the relevant legal regulation is carried out by different branches of government, different bodies, and/or officials.

Secondly, the subject of framework regulation can be various spheres of public relations, not only those affecting issues of public authority and transfer of powers.

Thirdly, framework regulation is mainly enshrined in the basic law (constitution) in the field of delimitation of competence, while the issues of delegation may not be spelled out in legislation.

Fourthly, delegated regulation is characterized by speed and efficiency in the adoption of legal acts.

Finally, the quality of legal technique is higher in acts of legislative bodies, i.e., framework regulation.

The maxim of the study comes to the following: the main form of interaction between framework and delegated regulation is framework legislation. The features of each type of legal regulation determine the content of its forms (sources), hence, framework legislation within the framework of delegated regulation is its element. However, this does not preclude the existence of framework regulation within normative or individual regulation. It seems that the purpose of framework regulation is to create conditions for establishing, changing, or terminating the legal rights and obligations of subjects of law in order to further specify social relations at subsequent levels of legal regulation.

References / Список литературы

- Alekseev, S.S. (1999) *Right. ABC. Theory. Philosophy. Comprehensive research experience*. Moscow, Statut Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
- Alder, J. (2013) *Constitutional and administrative law*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Avakyan, S.A. (2014) *Constitutional law of Russia: Training course*: in 2 vol. Vol. 2. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Норма, 2014. Т. 2. 912 с.
- Baglai M.V., Leibo Yu.I., Entin L.M. (eds.). (2022) *Constitutional law of foreign countries*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
Баглай М.В. Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М.В. Баглай, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтин. М.: ИНФРА-М, 2022. 864 с.
- Baranov, V.M. (2008) “Qualified Silence of the Legislator” as a General Legal Phenomenon (On the Question of the Essence and Scope of Functioning of Gaps in Law). *Gaps in Russian Legislation*. (1), 75—78. (in Russian).
Баранов В.М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75—78.
- Berezina, E.A. (2020) *Legal regulation: questions of theory. Monograph*. Moscow, KNORUS Publ. (in Russian).
Березина Е.А. Правовое регулирование: вопросы теории: монография. М.: КНОРУС, 2020. 164 с.
- Bezborodov, Yu.S. (2002) Framework conventions of the Council of Europe as acts containing model norms. *Russian Legal Journal*. 4 (36), 151—155. (in Russian).

- Безбородов Ю.С. Рамочные конвенции Совета Европы как акты, содержащие модельные нормы // Российский юридический журнал. 2002. № 4 (36). С. 151—155.
- Bezborodov, Yu.S. (2003) *International model standards*. Diss ... cand. Legal of sciences. Kazan. (in Russian).
- Безбородов Ю.С. Международные модельные нормы: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 196 с.
- Bezborodov, Yu.S. (2011) The influence of international model norms on domestic legislative procedures. *Russian Juridical Journal*. 3 (78), 82–89. (in Russian).
- Безбородов Ю.С. Влияние международных модельных норм на внутригосударственные законодательные процедуры // Российский юридический журнал. 2011. № 3 (78). С. 82—89.
- Bezrukov, A.V. (2010) Delimitation of competence between public-territorial entities in the context of federal transformations. *Modern law*. (12), 18—23. (in Russian).
- Безруков А.В. Разграничение компетенции между публично-территориальными образованиями в условиях федеративных преобразований // Современное право. 2010. № 12. С. 18—23.
- Bogdanovskaya, I.Yu. (2013) Delegated acts as a secondary source of law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. (3), 36—48. (in Russian).
- Богдановская И. Ю. Делегированные акты как вторичный источник права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3. С. 36—48.
- Cherdancev, A.F. (1974) Legal regulation and concretization of law. *Application of Soviet law: Collection of articles*. Sverdlovsk, Publishing House of the Sverdlovsk Law Institute, T. 30, pp. 15—37. (in Russian).
- Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права: Сборник статей. Свердловск, Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974, Вып. 30. С. 15—37.
- Chirkin, V.E. (2013) *Constitutional law of foreign countries*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. М.: Норма, 2013. 528 с.
- Chistyakov, N.M. (2010) *Theory of state and law. Textbook*. Moscow, KNORUS Publ. (in Russian).
- Чистяков Н.М. Теория государства и права: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2010. 288 с.
- Dobrynin, N.M. (2004) *New federalism: a conceptual model of the state structure of the Russian Federation*. Diss ... Doctor. Legal of sciences. Tyumen. (in Russian).
- Добрынин Н.М. Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства Российской Федерации: дисс. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2004. 634 с.
- Fiorina, M. (1982) Legislative Choice of Regulatory Forms: Legal Process or Administrative Process. *Public Choice*. (39), 33—36.
- Gadzhiev, G.A. & Kovalenko, K.A. (2012) The principle of legal certainty in constitutional justice. *Journal of constitutional justice*. (5), 12—19. (in Russian).
- Гаджиев Г.А., Коваленко К.А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 12—19.
- Glotov, S.A. (2010) *European Union law as amended by the Treaty of Lisbon*. Moscow, International Law Institute. (in Russian).
- Глотов С.А. Право Европейского союза в редакции лиссабонского договора. М.: Международный юридический институт, 2010. 452 с.
- Gredeskul, N.A. (1900) *To the doctrine of the implementation of law. The intellectual process required for the exercise of a right*. 1st ed. Kharkov, Printing house A. Darre. (in Russian).
- Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. 1-е изд. Харьков: Тип. А. Дарре, 1900. 235 с.
- Heritier, A., Moury, C., Bischoff, C. & Bergström, C.F. (2013) *Changing Rules of Delegation. A Contest for Power in Comitology*. Oxford, Oxford University Press.
- Karakchiev, P.O. (2007) Regional devolution in Wales. *Modern Europe*. (3), 85-98.

- Kozhokar, I.P. (2020) *Technical and legal defects in Russian law*. Diss ... Doctor. Legal of sciences. Moscow. (in Russian).
Кожокаръ И.П. Технично-юрддческде дедекты в россдйскде прдв: ддс. ... д-рд юрдд. наук. Москвд, 2020. 414 с.
- Kuzmin, A.V. & Groshkov, N.N. (2021) Legal regulation of emergency situations: models of manifestation of the legislative will. *Journal of legal and economic research*. (3), 16—22. (in Russian).
Кузьмдн А. В., Грошкдев Н. Н. Правдеое регулдрование чрезвычайных сдтудцдй: модели проявлднн дзконддтеленной волд // Журнал правдеовых и экдеонмдческдх исследовднй. 2021. № 3. С. 16—22.
- Lagun, D. A. (2007) *Belarusian legal encyclopedia*. In 4 volumes. V. 1. Minsk, GIUST BSU. Available at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/48070> [Accessed 13th April 2022]. (in Russian).
Лагун Д. А. Белорусскд дурддческд днциклопедд: В 4 т. Т. 1. Мднск: ГИУСТ БГУ, 2007. Реждм ддступд: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/48070> (дддд обрдщднн: 13.04.2022).
- Likholetova, S.V. (2004) *The federal structure of Russia: the interaction of public authorities of the Russian Federation and its subjects*. Dis. ... cand. Legal of sciences. Chelyabinsk. (in Russian).
Лдхолетовд С. В. Федердтдвное удстрдйство Россдй: вздюддействде оргдеов госуддрственной влдстд Россдйскде Федердцдй и ее субьектов: ддс. ... канд. юрдд. наук. Челябинск, 2004. 212 с.
- Maklakov, V.V. (2012) *Constitutional (state) law of foreign countries. General part*. Moscow, Infotropic Publ. (in Russian).
Маклдков В.В. Констдтуцдонное (госуддрственное) прдво здрубежных стран. Общдд ддсть. М.: Инфотропдк, 2012. 896 с.
- Maltsev, G.V. (2007) *Social foundations of law*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Мдльцев Г. В. Соцддльные осдеовднн прдвд. М.: Нормд, 2007. 800 с.
- Marchenko, M.N. (2009) *Legal systems of the modern world*. Moscow. (in Russian).
Мдрченко М.Н. Правдеые сдстемы совредеонного мдрд. М., 2009. 528 с.
- Marchenko, M. N. (2019) *Sources of law. Textbook*. Moscow, Norma Publ, INFRA-M Publ. (in Russian).
Мдрченко М. Н. Источннкд прдвд: учеб. посдебде. М.: Нормд: ИНФРА-М., 2019. 672 с.
- Marochkin, S. Yu. (2011) *Action and implementation of international law in the legal system of the Russian Federation. Monograph*. Moscow, Norma Publ, INFRA-M Publ. (in Russian).
Мдрочкин С. Ю. Дедйствде и рддлдздцд ндеорм мдеждунардеонного прдвд в правдеовой сдстеме Россдйскде Федердцдй: моногрдфдд. М.: Нормд: ИНФРА-М, 2011. 288 с.
- Mishin, A.A. (1972) *The central authorities of the bourgeois states*. Moscow, Publishing House of Moscow University. (in Russian).
Мдшднн А.А. Центрдльные оргдеов влдстд буржуазных госуддрств. М.: Изд-во Москдевскдего ун-тд, 1972. 284 с.
- Morozova, L.A. (2002) *Theory of Government and Rights*. Moscow, Yurist Publ, 2002, (in Russian).
Морозовд Л.А. Теордд госуддрствд и прдвд. М.: Юрддстд, 2002. 464 с.
- Muromtsev, S.A. (1893) *Law and Justice. Jurisprudence and public knowledge*. Saint Petersburg, Publishing House of M.M. Stasyulevich. (in Russian).
Муромцев С.А. Прдво и спрдведлдовь // Сб. правдеоведднн и обществдеонных знднй. СПб.: Тдп. М.М. Стдсдюдлевдчд, 1893. 392 с.
- Nawiasky, H. (1956) *Allgemeine Staatslehre. Bd. 3* Munchen.
- Nevinsky, V.V. (1986) *The legal status of the subjects of the bourgeois federation (on the example of the federal lands of Germany)*. Krasnoyarsk, Publishing House of Krasnoyarsk University. (in Russian).

- Невинский В.В. Правовое положение субъектов буржуазной федерации (на примере федеральных земель ФРГ). Красноярск: изд-во Краснояр. ун.-та, 1986. 152 с.
- Oksamytny, V.V. (2004) *Theory of state and law. Textbook for university students*. Moscow, IMPE-PUBLISH. (in Russian).
- Оксамытный В.В. Теория государства и права: учебник для студентов вузов. М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. 568с.
- Panchenko, V.Yu. (2012) Principles of legal regulation as a means of ensuring the absence of gaps in law. *Gaps in Russian legislation*. 1, 32—37. (in Russian).
- Панченко В. Ю. Принципы правового регулирования как средство обеспечения беспроblemности права // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 32—37.
- Petrazhitsky, L.I. (1900) *Essays on the philosophy of law. Fundamentals of the psychological theory of law. Review and criticism of modern views on the essence of law*. Issue. 1. Saint Petersburg, Publishing House of Yu.N. Erlikh. (in Russian).
- Петражицкий Л.И. Очерки философии права. Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. Вып. 1. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1900. 138 с.
- Petrazhitsky, L.I. (2000) *The theory of law and state in connection with the theory of morality*. Saint Petersburg, Lan Publ. (in Russian).
- Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 606 с.
- Strelnikova, N.A. (2018) *Delegated legislation in the legal system of the European Union: theoretical and legal research. Monograph*. Moscow: Prospect Publ. (in Russian).
- Стрельникова Н.А. Делегированное законодательство в правовой системе Европейского союза: теоретико-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.
- Strelnikova, N.A. (2016) *Delegated legislation in the system of European law (theoretical and legal issues)*. Dis. ... cand. legal of sciences. Moscow. (in Russian).
- Стрельникова Н.А. Делегированное законодательство в системе Европейского права (теоретико-правовые вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 210 с.
- Sukharev, A.Ya., Krutskikh, V.E. & Sukharev, A.Ya. (2003) *Big legal dictionary*. Moscow, Infra-M. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14775> [Accessed 13th April 2022]. (in Russian).
- Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М., 2003. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14775> (дата обращения: 13.04.2022).
- Syrykh, V.M. (2008) *Problems of the theory of state and law. Textbook*. V.M. Syrykh (ed.). Moscow, Eksmo Publ. (in Russian).
- Сырых В.М. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. 528 с.
- Tihomirov, Ju.A. (2008) *Legal regulation: theory and practice*. Moscow, Formula of Law Publ. (in Russian).
- Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2008. 400 с.
- Trikoz, E.N. (2017) Hybrid legal systems and their place in a mixed legal family. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 4(32), 91—97. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.32.4.091-097> (in Russian).
- Триkoz Е.Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4 (32). С. 91—97. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.32.4.091-097>
- Velieva, D.S. & Presnyakov, M.V. (2021) *Legal certainty and human rights. Monograph*. Saratov, Saratov source Publ. (in Russian).

Велиева Д.С., Пресняков М.В. Правовая определенность и права человека: монография. Саратов: Саратовский источник, 2021. 401 с.

Vlasenko, N.A. (2014) *Reasonableness and certainty in legal regulation*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М.: ИНФРА-М., 2014. 154 с.

Vorobieva, I.P. (2014) *State regulation of the national economy. Textbook*. Yu.S. Nekhoroshev (ed.). Tomsk, TSU Publ. (in Russian).

Воробьева И.П. Государственное регулирование национальной экономики: учебное пособие / науч. ред. Ю.С. Нехорошев. Томск: ТГУ, 2014. 292 с.

About the author:

Xenia E. Dovgan — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Institute of Law, Altai State University; 61 Lenin str., Barnaul, 656049, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-4614-1936

e-mail: dok2122@bk.ru

Сведения об авторе:

Довгань Ксения Евгеньевна — кандидат юридических наук, доцент юридического института, Алтайский государственный университет; Российская Федерация, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

ORCID ID: 0000-0003-4614-1936

e-mail: dok2122@bk.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-596-610>

Научная статья

Метафоры в праве: методологические основания исследования

И.А. Ярошук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Российская Федерация
 yaroshchuk@bsu.edu.ru

Аннотация. Язык права и язык нормативно-правовых документов, обладающий специфическими чертами, рассматривается как репрезентант научных знаний, призванный объективно отражать реальный мир, выступая в качестве самостоятельной регулирующей силы. Слово как основная структурно-семантическая единица, выполняющая ключевую роль в организации текста нормативного правового акта, реализуется не только в своем прямом номинативном значении, но и в качестве лексического средства вторичного знакообозначения — метафоры. Отмечается, что отношение к метафоре и к возможностям ее употребления в нормативных правовых актах неоднозначны. Для освещения и решения указанной проблемы анализируется история изучения данного языкового феномена, прослеживается изменение научных взглядов на метафору с точки зрения ее функциональной неоднозначности. В итоге определяется природа метафоры и ее статус в процессе научного познания, систематизируются критерии и условия допустимости метафоры в языке права. Делается вывод о ведущей роли метафорического механизма в моделировании правового пространства нормативных актов.

Ключевые слова: язык права, язык науки, юридическая техника, нормативно-правовой акт, аналогия, метафора, гносеологическая функция метафоры, прагматическая функция метафоры, метафорическое моделирование, научное познание

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 27 апреля 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Ярошук И.А. Метафоры в праве: методологические основания исследования // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 596—610. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-596-610>

© Ярошук И.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Metaphors in law: methodological foundations for research

Inna A. Yaroshchuk

Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»), *Belgorod, Russian Federation*
 yaroshchuk@bsu.edu.ru

Abstract. Language of law and language of normative legal documents with their specific features represent scientific knowledge, designed to objectively reflect the real world; they act as an independent regulating force. The word as the main structural and semantic unit, which plays a key role in organizing the text of a normative legal act, is realized not only in its direct nominative meaning, but also as a lexical means of secondary designation — metaphor. It is noted that the attitude to meta-phor and to its use in normative legal acts is ambiguous. In order to highlight and address the challenge, we analyze the history of the study of this linguistic phe-nomenon, and trace the shifts in scientific views on metaphor from the perspective of its functional ambiguity. As a result, the nature of metaphor and its status in the process of scientific cognition is determined, the criteria and conditions of admis-sibility of metaphor in the language of law are systematized. The research confirms the leading role of metaphorical mechanism in modeling the legal space of norma-tive act.

Key words: language of law, language of science, legal technique, legal act, analogy, metaphor, epistemological function of metaphor, pragmatic function of metaphor, metaphorical modeling, scientific knowledge

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 27th April 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Yaroshchuk, I.A. (2022) Metaphors in law: methodological foundations for research. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 596—610. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-596-610>

Введение

Юридический текст представляет собой целостное коммуникативное образование, компоненты которого выстроены в единую иерархически организованную систему, обладающую содержательной, лексической, грамматической и логической спецификой, обусловленной общими требованиями вербального выражения понятий, выработанных и применяемых в целях правового регулирования, а также в процессе реализации норм права. Специфичность языка текстов правовых актов заключается в эксплицитном, однозначном, сжатом, определенном изложении воли законодателя посредством использования лексических средств в соответствии с нормами современного русского языка. Одним из основных принципов функционирования языка законодательных актов является его свободное формирование и развитие в строгом соответствии форм и

содержания норм права, точного выбора терминологических понятий, регламентированных строгим нормированным использованием языковых единиц (Kryukova, 2003:9).

Язык юридической науки отличается своеобразием. Исследованием правового языка как языка текстов нормативно-правовых актов и приемов законодательной техники занимались А.Ф. Черданцев, Г.Т. Чернобель, В.М. Корельский, Р.О. Халфина, Н.А. Власенко, Т.В. Губаева и др. Так, согласно Н.А. Власенко, понятия «правовой язык» и «язык права» не являются тождественными, между ними выстраиваются родовидовые отношения (Vlasenko, 2022:13). Вслед за ученым под термином «правовой язык» мы понимаем всю языковую систему в целом, свойственную юриспруденции (язык нормативно-правовых актов, индивидуальных актов, доктринальный юридический язык и т.д.). Понятие языка права имеет более узкую сферу применения, а именно — это лексическая система нормативно-правовых актов и законов, в связи с чем могут использоваться и более конкретизирующие понятия языка закона или языка законодательства (Vlasenko, 2022:14—15). Соответственно, правовой язык является источником лексического «подпитывания» языка права, языка законов и других нормативно-правовых актов. Именно нормативно-правовые документы представляют собой главные лингвистические репрезентанты права как регулирующего социальные отношения.

Как известно, нормативно-правовой текст (текст права) обладает следующими специфическими чертами: отсутствие экспрессивности, связность и последовательность, точность и ясность, простота изложения, лаконичность и компактность (Vlasenko, 2022:19—23). Действительно, воля нормодателя должна выражаться посредством грамотного и уместного использования лексических единиц языка, поскольку язык права как репрезентант научных знаний призван объективно отражать реальный мир, выступая при этом в качестве самостоятельной регулирующей силы. Языковые средства должны полностью соответствовать организационным особенностям нормативных актов, так как уровень выражения воли нормоустановителя имеет непосредственную связь с адекватной структурной и лексической организацией синтаксических конструкций. Это имеет отношение, прежде всего, к грамматической форме употребляемых высказываний, исключая побудительные и вопросительные предложения, нагромождение однородными и обособленными членами, придаточными частями сложноподчиненных предложений.

Если относительно грамматической оформленности синтаксических конструкций, используемых в языке права, как таковых разногласий среди исследователей не возникает, то вопрос о лексических средствах и требованиях к их использованию в нормативных документах не имеет однозначного решения. И это связано с тем, что преобладающее число слов в русском языке — полисеманты, способны реализовываться в различном своем лексико-семантическом варианте, когда актуализация одного из них находится в прямой зависимости от контекстных условий. Одним из продуктивных способов развития полисемии является метафора, в отношении которой вопрос о возможности употребления в языке права стоит особо остро.

Поэтому главной целью настоящего исследования является определение метафоры как средства юридической техники, что предполагает ее рассмотрение, прежде всего, как языкового феномена, обращение к истории научных взглядов и современному пониманию метафоры и ее природы, ее роли в моделировании языка науки и языка права, в частности, систематизацию ее основных функций, критериев и условий допустимости употребления метафоры в нормативных правовых актах.

Метафора и текст права: постановка проблемы

Именно слово как основная структурно-семантическая единица выполняет ключевую функцию в организации текста нормативного правового акта, в котором единицы лексического кода языка, вступая в синтагматические отношения, реализуются не только в своем прямом номинативном значении, но и раскрывают потенциал непрямой номинации. Понятийное содержание знаков вторичного обозначения в правовых текстах самодостаточно для его адекватного соотнесения с объектом правового регулирования. В основе вторичного семиозиса оказывается процесс переноса структуры одних мыслительных образов на другие с переосмыслением «одних сущностей в рамках концептуальных структур других» (Lakoff, 1993:23).

В современных философских концепциях особое внимание в научном познании отводится риторике, в частности, метафорическому постижению действительности, что находит свое непосредственное выражение в языковой материи науки. В этом отношении язык права не является исключением.

Однако отношение к метафоре и к возможностям ее использования в тексте нормативных правовых актов неоднозначны. Так, например, в п. 20 раздела IV Основные требования к подготовке текста законопроекта Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации от 10 января 2001 года № 3/5, указано, что в тексте закона «использование эмоционально-экспрессивных языковых средств, образных сравнений (эпитетов, метафор, гипербол и др.) не допускается»¹.

Действительно, метафорические механизмы, характерные для языка права очень часто не принимаются во внимание, и более того, отрицаются, с чем, как отмечает Н.А. Власенко, «вряд ли можно согласиться» (Vlasenko, 2022:51). Языку права не чужды косвенные номинации, средством репрезентации которых являются многозначные слова. Но для реализации данной функции полисемант должен находиться в строгих контекстуальных рамках, обеспечивающих адекватное восприятие и понимание необходимого смысла.

¹ Приказ Минюста РФ № 3, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ № 51 от 10.01.2001 «Об утверждении Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти» // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. № 2, 2001 год.

Для освещения и решения проблемы использования метафоры в языке права необходимо обратиться к истории изучения данного языкового феномена в русле различных научных направлений, поскольку метафора пронизывает все сферы человеческой деятельности.

Метафора как языковой феномен

Вторичная номинация провоцирует трансформацию знания, репрезентируемого конкретными когнитивными структурами, в результате чего осуществляется замена не только их «внешней оболочки», но и знакового представления, когда производится перенос структуры одних мыслительных образов на другие.

Одной из самых распространенных моделей вторичного семиозиса является *метафорическая модель*. При метафоризации устоявшаяся категориальная призма, через которую происходит восприятие мира, перекрывается новыми ассоциативными отношениями, меняющими традиционную интерпретацию известного фрагмента действительности (Alefirenko, 2002:51). В сущности, сам объект или явление остается прежним, но воспринимается и интерпретируется через новый образ.

Процесс метафоризации приводит к многоуровневому обозначению с целым спектром смысловых компонентов. То есть это не простое суммирование отношений именований, а амальгация первичной формы номинации и вторичного отражения действительности. Отражаемые вновь явления фокусируются через уже известные признаки и свойства языковых знаков прямой номинации. Процесс метафоризации опосредуется, во-первых, признаками понятийного содержания лексической единицы, подвергающейся переосмыслению, и, во-вторых, когнитивной структурой объекта вторичного семиозиса. Вслед за М. Блэком, справедливо критикующим сравнительный подход к исследованию данного феномена, в рамках которого метафора рассматривается как скрытое сравнение, отметим, что метафоризация — это особый процесс, имеющий в своей основе два субъекта, «к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом» (Black, 1962). Метафора в процессе вторичного семиозиса выполняет функцию семантического фильтра, систематизируя ключевые для основного субъекта признаки, она нейтрализует остальные.

История научных взглядов на метафору с позиции ее функциональной неоднозначности

Каковы же природа метафоры и ее статус в процессе научного познания? Каковы условия допустимости употребления метафорических выражений в языке науки в целом и в языке права в частности? Для ответа на данные вопросы обратимся к истории изучения данного феномена и проследим, как изменялись научные взгляды на метафору с точки зрения ее функциональной неоднозначности.

Еще со времен античности метафора рассматривалась не только как изобразительно-выразительное средство, но и как сложный, многогранный феномен

познания действительности. Метафора была объектом научных исследований таких мыслителей, как Аристотель, Руссо, Гегель, Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет. Эвристический ресурс метафоры привлекал внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардса, М. Бирдсли, М. Блэка, М. Эриксона и многих других ученых.

Аристотель рассматривал метафору в качестве языковой структуры, выполняющей *экспрессивную, эстетическую функцию* в языке. Но в то же время философ отмечал возможность ее использования не только как украшения языка и речи, но и как языкового средства для кодирования значений и смыслов (Aristotle, 1983:670). Мыслитель отмечал, что «достоинство речи — быть ясной и не быть низкой. Самая ясная речь — та, которая состоит из общеупотребительных слов, но она низка... речь торжественная и уклоняющаяся от обыденной — та, которая пользуется и необычными словами; а необычными я называю редкие, переносные, удлинённые и все прочие, кроме общеупотребительных» (Aristotle, 1983:670). Определение античным философом метафоры как единственно возможного средства для кодирования смысловых значений оказывается популярным и в современной науке для изучения прагматического потенциала вторичного семиозиса.

Интересна позиция римского государственного деятеля, юриста, ученого Марка Туллия Цицерона относительно рассматриваемого феномена, который указывал на то, что «метафора была изобретением, в котором не было необходимости, возникшее под давлением бедности и скудности словаря... <...> Как одежда, вначале изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и как средство украшения и как знак отличия, так и переносные выражения, появившись из-за недостатка слов, распространились уже ради услаждения» (Сисего, 1994).

Средневековая философия актуализировала исследование метафоры с позиций *гносеологической значимости*, отмечая ее познавательный потенциал как средства постижения сверхчувственного мира (Ermolenko, 2001), метафора осознавалась как средство познавательной деятельности.

Однако последующая дифференциация науки, искусства, рациональной гносеологии привела к сужению сферы применения метафоры, ограничению ее понятийного объема и полному изолированию из науки. Метафора рассматривалась как изобразительно-выразительное средство, что априори исключало ее гносеологическую и номинативную функции. И эпоха Нового времени, ознаменовавшая размежевание науки и искусства, заложила основы формирования методологии научного познания мира и активного развития, прежде всего, естественных и точных наук (физика, механика, астрономия и др.). Это вызвало необходимость в создании языка, в полной мере отвечающего требованиям точности и однозначности, в целях описания результатов научных исследований и открытий. Например, для физики таким языком становится язык математических символов, язык логики с его четкими словесными формулами оказывается приемлемым для наук гуманитарного цикла. Силами рационализма наука избавлялась от всех языковых средств, способных повлечь неоднозначность, двусмысленность, возможность интерпретации, что имело прямое отношение к метафоре. В частности, главной целью являлось создание формализованного языка, так как, по

мнению большинства ученых (Н. Ньютона, Г. Лейбница, Дж. Локка, Т. Гооббса и др.), естественный язык с их метафоричностью несовершенны и не годятся для научного описания. В частности, Дж. Локку принадлежат следующие рассуждения: «Если мы говорим о вещах, как они есть, мы должны признать, что всякое риторическое искусство, выходящее за пределы того, что вносит порядок и ясность, всякое искусственное и обратное употребление слов, какое только изобретено красноречием, имеет в виду лишь внушать ложные истины, возбуждать страсти, вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман. Поэтому, как бы ни было похвально ораторское искусство в речах и обращениях к народу, его, несомненно, нужно совершенно избегать во всех рассуждениях, имеющих в виду научать или просвещать, и следует рассматривать как недостаток использование его там, где речь идет об истине и познании» (Locke, 1985:566).

Но, несмотря на критическую теорию в отношении метафоры, реализовать ее на практике было невозможно, поскольку уже при ее языковом оформлении философам не удавалось избегать метафорических выражений (Mishankina, 2010:102). Исключением в ряду последователей отрицания метафоры была научная позиция Дж. Вико, который в своем научном труде «Основания Новой науки об общей природе наций» высказал важную мысль относительно того, что сфера функционирования метафоры не ограничивается художественной речью, это активный познавательный механизм, присущий лексике естественного языка, и «вообще метафора составляет наибольшую часть слов в языках всех наций» (Vico, 1994:146).

Таким образом, ярко выраженная дихотомия научной и художественной областей знаний в рассматриваемый период повлекла разделение и обслуживающего их языкового инструментария, когда метафора с ее экспрессивной функцией (согласно мнению большинства ученых), являясь неотъемлемым атрибутом художественного дискурса, отвергалась наукой.

Эпоха философии Романтизма в сущности не изменила положение дел в отношении метафоры, и ей по-прежнему отводилась роль художественного тропа и стилистической фигуры, несмотря на то, что в толковании метафоры наблюдались средневековые отголоски ее интерпретации как культурно обусловленного средства постижения бытия Абсолюта, что определяло активное использование метафоры в философской науке.

К концу XIX столетия метафора вновь переосмысливается философами-иррационалистами с позиций ее моделирующего потенциала, которые продолжали развивать рассуждения ученых эпохи романтизма, но в то же время подвергали критике возможность объективного познания действительности. В частности, в трудах Ф. Ницше последовательно излагается мысль о метафорическом способе познания мира (Nietzsche, 2013). Философ саму природу человеческого мышления определяет как метафорическую, указывая на то, что процесс познания реализуется в системе метафор, поэтому определение истины невозможно без языка метафор, так как и сама истина метафорична. В таком случае рациональное мышление лишается смысла на фоне явного превосходства метафорического

познания. В итоге метафорическая природа рациональности в рамках иррационализма не рассматривается, следовательно, вне фокуса научного исследования оказывается и гносеологическая сущность метафоры.

Современное понимание метафоры и ее роль в моделировании научной картины мира

XX столетие ознаменовано бурным развитием изучения метафоры в самых различных областях знаний. Представляется возможным проследить эволюцию данных исследований и сформулировать современное понимание роли и функции метафоры в моделировании научной картины мира и, в частности, в языке правовой науки.

На развитие семантики и формирование современного представления о метафоре значительное влияние оказали логические концепции. Структуральное описание языка, основы которого заложены в трудах Б. Рассела, определило новый научный вектор в исследовании метафоры как когнитивного феномена в рамках логико-семантического подхода. Тем самым произошло расширение границ изучения метафоры и выход за пределы стилистики. Исследовательское внимание концентрируется на логике метафоры, на признаках, проецирующих возможность употребления одного языкового знака вместо другого. Единение двух понятий в одной языковой форме открывает новые возможности семиотики, что ставит под сомнение строгие законы референтной теории истины.

С точки зрения логического подхода процесс метафоризации рассматривали такие ученые, как А. Ричардс, М. Блэк, А. Вежбицкая. В.А. Масловой принадлежит очень точное определение метафоры как универсального языкового явления, находящего свое проявление в пространственно-временном измерении, в структуре языка и в процессе его функционирования. Более того, исследователь называет язык «кладбищем метафор» (Maslova, 2001:87). Согласно А. Ричардсу, «метафора из украшения становится вездесущим принципом языка и мышления» (Richards, 1936), и самые высокие уровни научного абстрагирования не представляются без процесса метафоризации.

Из вышесказанного наиболее значимыми для настоящего исследования оказываются следующие положения логико-семантического направления:

— механизм метафоризации универсален, свойственен языку в целом, независимо от его дискурсивной дифференциации;

— существенным отличием метафоры является ее интегративный характер, когда лежащие в основе механизма метафоризации аналогии и сравнения преодолеваются, структурируется новая семиотическая модель, синтезирующая свойства основного и вспомогательного объектов (Fausonnier, 1998);

— когнитивная метафора как способ познания действительности кодирует, а затем активизирует социально значимые смыслы, информацию как языкового, так и экстралингвистического характера посредством своей коммуникативной направленности на создание общей для адресанта и реципиентов ассоциативной системы.

Еще одним значимым философским направлением, способствующим формированию современной теории метафоры, является аналитическое направление, в рамках которого в целях описания метафорических механизмов избирается когерентная теория истины. В свете данной теории метафора рассматривается как согласующаяся с системой других высказываний текста, принимаемых как истинные, когда логика механизма метафоризации базируется на внутренней непротиворечивости метафорической системы. Данное положение оказывается особо значимым для рассмотрения проблемы метафорического моделирования научного текста.

Сам процесс метафорического моделирования научного текста является специфическим. Если обратиться к истокам понятия «модель / моделирование», то их можно обнаружить в области точных и естественных наук, в рамках которых понятие модели имеет гносеологический статус и используется для обозначения одного из способов существования знания, посредством которого производится исследование, прогнозирование объектов, явлений, отношений. Модели как виртуальные реальности проецируют представления о реально существующих объектах, что стимулировало развитие новых взглядов и на другие области знаний, для которых модельная природа не является чуждой.

В XX веке свое широкое распространение получают концепции, рассматривающие язык в качестве посредника между реальным миром и человеком. В связи с этим происходит актуализация одной из функций языка — моделирующей, как системы, определяющей восприятие, хранение и передачу информации. Существующие в языке модели напрямую соотносятся с двумя основными операциями познавательного мышления — анализом и синтезом. К наиболее компактной языковой модели синтезирующего типа и относится метафорическая модель, позволяющая интегрировать образы одних объектов посредством перенесения представления о них на другие объекты. Метафора, в основе которой оказываются модели идентифицирующие — схемы-образы, познавательные сценарии, занимает ведущие позиции в системе кодирования и обработки информации сознанием, что определяет роль метафорических моделей в структурировании научной картины мира.

Формирование в рамках лингвистической науки семасиологического направления, фокусирующего исследования на проблемах полисемии, способствовало развитию нового взгляда на метафору как на один из ведущих механизмов создания новых значений в языковой системе в целом, что явилось следующим этапом актуализации гносеологической функции метафоры. Особо значимыми в этом отношении стали труды Н.Д. Арутюновой, Ш. Балли, Д.Н. Шмелева, А.П. Чудинова и др. Ю.Д. Апресяну удалось описать механизмы регулярной многозначности и вывести ее основные модели, которые могут выступать в качестве базовых при образовании метафоры (Апресян, 1995). Анализ основных положений семасиологического направления в исследовании метафоры позволяет заключить следующее:

— универсальность метафоризации для формирования и развития языковых значений в целом, подтверждением чего является возникновение такого понятия, как «языковая метафора»;

— исследования номинативных метафор позволило рассматривать как одну из ее ведущих функций — гносеологическую, которая ранее оставалась в тени экспрессивной функции в силу того, что языковая метафора, фиксирующая стандартные ассоциативные связи, не привлекала внимание из-за своей «привычности», «образной стертости»;

— языковые метафоры проецируют исходные модели представления об окружающей действительности (природа, общество, общественные отношения, человек и т.д.), основные направления ее постижения, то есть конструируют гносеологические механизмы познания мира в целом, в том числе и научного познания. Следовательно, гносеологическая функция метафоры оказывается одной из ведущих функций. Проведенные в рамках анализируемого направления исследования еще раз подтверждают доминирование метафорического мышления в процессе познания мира, так как в системе языка констатируется бесспорное преобладание полисемантических единиц над однозначными словами, а модели языковой многозначности являются ведущими при образовании метафоры.

Однако несмотря на интерес со стороны научного сообщества к метафоре, изучению ее гносеологической функции уделялось недостаточно исследовательского внимания. И к решению вопроса о гносеологическом потенциале метафоры, ее роли в языке науки исследователи обратились недавно. И в этом отношении особо значимыми являются научные изыскания Х. Ортеги-и-Гассета, который в своем труде «Две великие метафоры» пишет, что «метафора — необходимое орудие мышления, *форма научной мысли*» (Ortega-y-Gasset, 1990:68). Исследователь указывает, что наука преобразовывает употребление метафоры за счет обратного, в отличие от поэзии, движения мысли, «она начинает с полного отождествления двух объектов, заведомо различных, чтобы прийти к утверждению их частичного тождества, которое и будет признано истинным» (Ortega-y-Gasset, 1990:74). Метафора фиксирует признаки отвлеченных понятий, вследствие чего выступает в качестве ведущего механизма в процессе моделирования объекта научного познания, именно язык науки активизирует гносеологический потенциал метафоры.

Проблеме использования метафоры в языке науки посвящены труды Д. Дэвидсона, А. Ричардса, М. Блэка, Ф. Уилрайта. Вслед за В.В. Петровым отметим, что метафора является неотъемлемой составляющей науки, обладающей специфическими особенностями, которые отличают ее от метафоры в художественном тексте. Экспрессивная, художественная метафора, как отмечает исследователь, интегрирует признаки двух объектов действительности (основного и вспомогательного) в отличие от метафоры научной, которая видится в качестве гипотезы относительно свойств и устройства отвлеченного, абстрактного объекта, то есть метафора в науке имеет гипотетическую природу (Petrov, 1985:196—220), которая и проецирует метафору в научном тексте в качестве средства, облегчающего и упрощающего решение познавательных задач.

Метафора как средство юридической техники

Согласно справедливому замечанию М.В. Баранова и Н.А. Власенко, многие «проблемы взаимодействия метафоры в гуманитарном и естественно-техническом знаниях, намеченные в философской науке, остаются до сих пор

неразрешенными» (Baranov & Vlasenko, 2019:13), что в полной мере имеет отношение к юридической науке, в которой метафоре посвящены лишь фрагментарные исследования.

В качестве средства юридической техники рассматривается метафора в языке права А.Ф. Черданцевым (Cherdantsev, 2012:288—291), когда экспрессивная функция метафоры нейтрализуется и данный языковой феномен приобретает статус терминов и стереотипных выражений, активизируя свою гносеологическую функцию.

Метафоры очень прочно встроены в понятийную систему языка права, и в виду своего многократного употребления многие из них не воспринимаются как образные выражения, это так называемые «стертые» метафоры. Так, например, в процессе рационального познания человек делает осознанно выбор в пользу употребления метафорического выражения, понимая, что использует слово в несвойственном ему значении. В случае со «стертыми» метафорами в языке права, которые по факту становятся его неотъемлемой составляющей, дело обстоит иначе. Они, как правило, воспроизводятся в качестве готовых фразеологизированных языковых единиц, приобретающих терминологический статус («юридическое лицо», «источник повышенной опасности» и др.). И тогда они «воспринимаются как средства юридической техники» (Cherdantsev, 2012:289). Действительно, большая часть метафор в языке права являются гносеологическими, оказывающими непосредственное влияние на формирование понятий. Именно гносеологическая функция метафоры в языке права способствует оперированию абстрактными понятиями, ориентируя на известный опыт и позволяя наделять конкретный предмет законодательной регламентации признаками, позволяющими его адекватно интерпретировать.

Наряду с гносеологической функцией, вслед за А.Ф. Черданцевым, отметим прагматический потенциал метафоры в языке права. Выполняемая метафорой прагматическая функция «открывает новые горизонты в понимании и толковании данного языкового феномена, поскольку по своей природе знаки непрямого номинации полностью прагматичны» (Yaroshchuk, 2013: 12). С позиции прагматики метафора в языке права выступает мощным языковым инструментом в достижении речевой задачи нормодателя, которая содержит следующие целеполагающие компоненты — мотив, цель и тактика, репрезентирующие функциональные параметры метафоры, что находит свое проявление в тексте права. Поэтому нормодателю важно учитывать данные составляющие при выборе формы и содержания высказывания, подвергающегося метафорическому моделированию, чтобы речевой успех был достигнут, когда метафора способствует формированию в сознании человека правовой картины мира.

Одним из критериев допустимости употребления метафоры в языке права, на наш взгляд, выступает абстрактность оперируемых нормодателем понятий, посредством которых фиксируется динамичная и многообразная экстралингвистическая реальность. Метафора как средство познания позволяет рассматривать общественные отношения и их субъекты посредством системы, относящейся к иной опытной сфере, где данная составляющая представлена очевидно и наглядно. Не случайно метафора занимает прочную нишу в основе

фундаментальных понятий и терминов многих современных наук. Метафора реконструирует отвлеченные понятия в понятия, легко поддающиеся человеческому осмыслению. Метафора обеспечивает связь между социальной реальностью и миром правовых абстракций и категорий. Безусловно, метафора, погружаясь в язык права, полностью не лишается своей образности, что способствует большей наглядности и краткости выражения мысли (Cherdantsev, 2012:290). Проникая в языковую материю права, метафора при ее длительном использовании приобретает свою собственную жизнь.

Выявляется непосредственная зависимость информационной наполненности метафоры в языке права от специфики моделирования, которая заключается в следующих аспектах:

— контаминация в процессе метафоризации двух способов постижения действительности — интуитивного и рационального, когда поиск необходимого образа нормадателем осуществляется на интуитивном уровне, а его адаптация к конкретному предмету законодательной регламентации производится на логической основе;

— синтетический характер метафорической модели, содержащей известное, опорное знание и новую информацию;

— выбор языковой единицы в процессе метафорического моделирования характеризуется наличием признака или признаков, которые являются определяющими для объекта правового регулирования; однако не менее значимыми оказываются ассоциативные связи, которые участвуют в формировании целостного образа предмета законодательной регламентации. В связи с чем метафора органично включается в нормативный документ, приобретая статус интертекстуальной составляющей;

— свойство интеракциональности метафорической модели, заключающееся в том, что языковые единицы, выступающие репрезентантами метафорического образа, создают единую для нормодателя и реципиентов смысловую схему, то есть выбор метафорической модели зависит от общих фоновых знаний коммуникантов. Контекст нормативного документа является основой для адекватной интерпретации значения метафорического выражения.

Условия допустимости метафоры в языке права

Представляется возможным систематизировать условия допустимости метафоры в языке права.

1) Социально-кордированная направленность: отнесенность выбранного нормоустановителем конкретного языкового знака (выражения) к общему массиву фоновых, экстралингвистических знаний, свойственных большинству реципиентов.

2) Полная семантическая ассимиляция метафорического выражения со смысловой организацией предложения и текстом нормативно-правового акта, исключая его неоднозначную интерпретацию.

3) Способность языкового знака адекватно с точки зрения нормодателя выразить новое знание.

4) Степень познавательной доступности предмета законодательной регламентации, когда метафора как средство познания позволяет рассматривать неизвестное ранее явление или объект посредством системы, относящейся к иной опытной сфере, где данная составляющая представлена очевидно и наглядно.

Таким образом, механизм метафоризации в полной мере отвечает заявленным условиям функционирования в языке права, позволяя при этом синтезировать значительный объем информации в емкой языковой форме.

Выводы

Подводя итоги вышеизложенному, констатируем, что, чем более формализованным является язык науки, тем он в большей степени однозначный, и тем меньше шансов для использования в нем многозначных слов и метафор. Язык права, несмотря на достаточно высокую степень формализации, является языком естественным, не исключающим использование метафор. Метафорический механизм является одним из ведущих в моделировании правового пространства нормативных актов. Ведь язык права и язык нормативно-правовых актов не является языком высокой степени формализованным, поэтому к нему не может быть предъявлено строгое требование исключения терминов и понятий, образованных по метафорической модели. При этом важно помнить, что злоупотребление данным языковым феноменом может иметь и негативные последствия, поскольку обилие метафор «отрицательно влияет на точность выражения юридических норм, что вызывает трудности их понимания и толкования» (Vlasenko, Abramova & Chernobel, et al., 2018:183). Поэтому метафора в языке права уместна только при условии невозможности без ее употребления с необходимой конкретикой репрезентировать «юридически значимую деятельность, привлечь внимание к линиям взаимодействия предмета законодательной регламентации со смежными областями, подчеркнуть особую ценность правовой новации, объяснить необходимость изменения правовой политики» (Baranov & Vlasenko, 2019:17).

References / Список литературы

- Alefirenko, N.F. (2002) *Poetic energy of the word. Synergetics of Language, Consciousness and Culture*. Moscow, Academia Publ. (in Russian).
Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
- Apresyan, Y.D. (1995) Selected works. Vol. I. Lexical semantics. Moscow, School «Languages of Russian culture». (in Russian).
Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
- Aristotle. (1983) *Poetics*. In: *Aristotle. Collected Works in four volumes*. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ. pp. 645—686. Available at: <http://pavroz.ru/files/aristotle4.pdf> (in Russian).
Аристотель. Поэтика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 645—686. Режим доступа: <http://pavroz.ru/files/aristotle4.pdf>

- Baranov, M.V. & Vlasenko, N.A. (2019) Metaphor in law: methodological danger and prospects. *Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry*. 1 (45), 11—19. (in Russian).
Баранов М.В., Власенко Н.А. Метафора в праве: методологическая опасность и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 11—19.
- Black, M. (1962) *Models and Metaphors (Studies in language and philosophy)*. Ithaca, New York, Cornell Univ. Press.
- Cherdantsev, A.F. (2012) *Logical and linguistic phenomena in jurisprudence: monograph*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: ИНФРА-М, 2012. 320 с.
- Cicero, M.T. (1994) About the orator. In: *Three treatises on oratory*. Moscow, Ladomir Publ. pp. 75—252. (in Russian).
Цицерон М.Т. Об ораторе // Три трактата об ораторском искусстве. М.: Ладомир, 1994. С. 75—252.
- Ermolenko, G.A. (2001) *Metaphor in the Language of Philosophy*. Author. of dis. ... candidate of philosophy. Krasnodar. (in Russian).
Ермоленко Г.А. Метафора в языке философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2001. 22 с.
- Fauconnier, G. & Turner, M. (1998) Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*. 22 (2), 133—187.
- Kryukova, E.A. (2003) *Language and style of legislative acts*. Author. of dis. ... Cand. of legal sciences. Moscow, Russian Academy of State Service under the President of the Russian Federation. (in Russian).
Крюкова Е.А. Язык и стиль законодательных актов: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Москва, Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2003. 22 с.
- Lakoff, G. (1993) The contemporary theory of metaphor. In: A. Ortony (ed.), *Metaphor and thought*. Cambridge, Cambridge University Press. pp. 202—251.
<https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013>
- Locke, J. (1985) *Experience on the Human Mind*. Collected works in 3 vols. T. 1. Moscow, Thought Publ. (in Russian).
Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 622 с.
- Maslova, V.A. (2001) *Linguoculturology*. Moscow, Academia Publ. (in Russian).
Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Mishankina, N.A. (2010) Metaphor in Science: Paradox or Norm? Tomsk, Tomsk State University Press. (in Russian).
Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
- Nietzsche, F. (1990) On the other side of good and evil. In: *Selected works*. Translation from German. Leningrad, Italo-Soviet Publishing House «Sirin». (in Russian).
Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Избранные произведения / пер. с нем. Ленинград: Итало-Советское издательство «Сирин», 1990. 415 с.
- Nietzsche, F. (2013) On Truth and Lies in the Intrinsic Sense. Complete Works: In 13 Vols. *Institute of Philosophy*. Moscow, Cultural Revolution Publ. (in Russian).
Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле // Полное собрание сочинений: в 13 т. / Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2005. 480 с.
- Ortega-y-Gasset, J. (1990) Two Great Metaphors. In: N.D. Arutyunova & M.A. Zhurinskaya (eds.) *The Theory of Metaphor: A Collection*: Translated from English, French, German, Jena, Polish. Moscow, Progress Publ. (in Russian).

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., йен., польск. яз.; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 68—82.

Petrov, V.V. (1985) Scientific metaphors: nature and mechanism of functioning. *Philosophical foundations of scientific theory*. Novosibirsk, Nauka Publ. pp. 196—220. (in Russian).

Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск: Наука, 1985. С. 196—220.

Richards, I.A. (1936) *The Philosophy of rhetoric*. New York, Oxford Univ. Press.

Vico, J. (1994) *Foundations of the new science of the general nature of nations*. Translated from Italian. Moscow, Kiev, REFL-book Publ; NSA Publ. (in Russian).

Вико Дж. Основания Новой науки об общей природе наций / пер. с ит. Москва; Киев: REFL-book; «НСА», 1994. 656 с.

Vlasenko, N.A., Abramova, A.I. & Chernobel, G.T. et al. (2018) *Legal technique: textbook*. 2nd ed., revised. and additional. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; JUSTICE Publ. (in Russian).

Власенко Н.А., Абрамова А.И., Чернобель Г.Т. и др. Юридическая техника: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ЮСТИЦИЯ, 2018. 320 с.

Vlasenko, N.A. (2021) *Theory of State and Law: textbook for undergraduate studies*. 3rd edition. Moscow, Norma Publ, INFRA-M Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата. 3-е изд., доп. и испр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 480 с.

Vlasenko, N.A. (2022) *Language of law: a monograph*. Rev. ed. Moscow, Norma Publ, INFRA-M Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Язык права: монография. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 176 с.

Yaroshchuk, I.A. (2013) *Cognitive-metaphorical palette of the text: on the material of artistic prose of writers of the Chernozem region*: dis. ... candidate of philological sciences. Belgorod, Belgorod. state nat. research university.

Ярошук И.А. Когнитивно-метафорическая палитра текста: на материале художественной прозы писателей Черноземья: дис. ... канд. филол. наук. Белгород: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 180 с.

Сведения об авторе:

Ярошук Инна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»); Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

ORCID ID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-код: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsu.edu.ru

About the author:

Inna A. Yaroshchuk — Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Forensic Science and Criminalistics, Law Institute, Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»); 85 Victory str., Belgorod, 308015, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-code: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsu.edu.ru

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-611-633>

Research Article

Do constitutional principles affect self-realization of the youth?

Elena A. Pevtsova¹, Irina A. Umnova-Koniukhova²,
Irina A. Aleshkova²✉

¹ Moscow Region State University (MRSU), *Moscow, Russian Federation*

² Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), *Moscow, Russian Federation*
✉ ialeshkova@mail.ru

Abstract. The influence of constitutional principles on youth consciousness is a fundamental issue. Combined, constitutional and moral principles underlie behavior of young people in the society. They are of great relevance in the process of civil society formation. This paper examines the features of self-actualization of youth in Russia. We conducted a sociological survey of more than 200 students of higher educational institutions, most of them participating in the activities of youth public organizations in various areas: sports, politics, ecology, patriotic education, charity, etc. The survey showed that those who actively realized their talents and abilities and sought to express themselves in science and society were motivated by the constitutional guidelines; they were well aware of the content of legal prescriptions that specify constitutional principles. Many of the young people perceive constitutional principles as guarantees of their legal possibilities that determine the basis for their interaction with other subjects of law. Moreover, it was found that legal and moral values formed in the mind of a young person provide understanding of the content of constitutional principles and affect the behavior of a young person in the process of self-actualization.

Key words: education, constitutional principles, self-realization, young people

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The participation of the authors: inseparable co-authorship.

© Pevtsova E.A., Umnova-Koniukhova I.A., Aleshkova I.A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article received 4th April 2022
Article accepted 15th July 2022

For citation:

Pevtsova, E.A., Umnova-Koniukhova, I.A., Aleshkova, I.A. (2022) Do constitutional principles affect self-realization of the youth? *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 611—633. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-611-633>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-611-633>

Научная статья

Влияют ли конституционные принципы на самореализацию молодежи?

Е.А. Певцова¹ , И.А. Умнова-Кониухова² , И.А. Алешкова²

¹ Московский государственный областной университет (МГОУ),
г. Москва, Российская Федерация

² Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН,
г. Москва, Российская Федерация
 ialeshkova@mail.ru

Аннотация. Влияние конституционных принципов на сознание молодежи является фундаментальной проблемой. В совокупности конституционные и моральные принципы лежат в основе поведения молодых людей в обществе. Они имеют большое значение в процессе воспитания гражданственности. В данной статье рассматриваются особенности самореализации молодежи в России. Мы провели социологический опрос более 200 студентов высших учебных заведений, большинство из которых участвуют в деятельности молодежных общественных организаций в различных сферах: спорт, политика, экология, патриотическое воспитание, благотворительность и т.д. и выяснили, что те, кто активно реализовывал свои таланты и способности, стремились проявить себя в науке и обществе, были мотивированы именно эффективностью конституционных принципов и очень хорошо знали содержание правовых предписаний, конкретизирующих конституционные принципы. Многие молодые люди воспринимают конституционные принципы как гарантии своих правовых возможностей, которые определяют основу их взаимодействия с другими субъектами права. Кроме того, было установлено, что правовые и моральные ценности, сформированные в сознании молодого человека, в совокупности обеспечивают понимание содержания конституционных принципов и соответственно влияют на поведение молодого человека в процессе самореализации.

Ключевые слова: образование, конституционные принципы, самореализация, молодежь, право на развитие

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: нераздельное соавторство.

Дата поступления в редакцию: 4 апреля 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Pevtsova E.A., Umnova-Koniukhova I.A., Aleshkova I.A. Do constitutional principles affect self-realization of the youth? // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 3. С. 611—633. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-611-633>

Introduction

Self-realization is of a socio-cultural nature, so the study of the issues of social and personal development of youth, must be carried out within the framework of the sociocultural approach; in this case the social aspects are investigated and determined from the standpoint of the elements of the cultural process (values, norms, beliefs, knowledge).

To achieve this goal, we have identified and substantiated an approach allowing to study younger generation in the context of socio-cultural changes. It is based on the provision that youth, as a sociocultural community, realizes themselves not only on personal system of values, but also on collective value narratives, elevated in a certain social community to the constitutional rank.

Based on the generalization of the sociological survey results, conclusions were formulated regarding which social values are the most significant for modern Russian youth. The survey also showed that there is a tendency for the collective interests to prevail over the individual interests in the process of youth self-realization. This paper suggests an assessment of the potential impact of constitutional principles on Russian youth self-realization; the research argues that constitutional principles contribute to the development of civic consciousness in the process of youth self-realization.

The promotion of “Multicultural Education” related to citizenship and human rights is a constant focus of scientific research (Avtonomov, 2003, Crick, 2004, Kochetkov, 2009, Tonge et al., 2012, Zorkin, 2018, Mantha-Hollands & Orgad, 2020, et al.). The role of youth in the life and social policy of their communities is very significant (Sullivan & Sullivan, et al., 2011; Tonge, Mycock & Jeffery, 2012).

According to Article 2 of Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 On Youth Policy in the Russian Federation, youth and young citizens are a socio-demographic group of persons aged 14 to 35 years inclusive. Young people, as initiators of new ideas, are increasingly involved in social and state activities. State programs are more often created to provide real opportunities for effective self-realization of young people. As a rule, these programs are based on constitutional principles. For example, the Fundamentals of the State Youth Policy in the Russian Federation for the period up to 2025 (Resolution of the Government of the Russian Federation No. 2403-r dated 29.11.2014) defines that the state youth policy is based on the constitutional principles of equality of rights and freedoms, responsibility of the state for observing the legitimate interests of youth, responsibility of youth for realization of their constitutional rights, freedoms and duties, priorities of state support for socially vulnerable young citizens, support for the activities of youth public associations and organizations, unity of public youth policy at the federal, regional and municipal levels and some others.

However, almost no analysis has been carried out of how constitutional principles (including legal and moral narratives in their content) affect the process of young people self-realization. The question of whether there is competition between legal and moral values of young people in the process of their self-realization has not been investigated either.

In general, given that self-realization of young people is a tool that ensures their active civic position and integration into public and state life, this study, with the help of the sociological survey, highlights the importance of synthesizing legal and moral values.

Firstly, we investigate how constitutional principles affect the self-realization of young people and whether situations arise when legal principles and moral attitudes taken for granted by a young person compete with each other.

Secondly, we determine how useful constitutional principles are for young persons' developing.

Thirdly, we answer the question of whether there are fictitious legal and moral values.

Fourthly, we indicate whether there is an influence of civil society institutions such as family, educational institutions, youth public organizations on the attitude of young people to legal and moral values.

The results of the study showed that, firstly, constitutional (legal and moral) principles are a synthesis of the historical and legal memory of a certain social community, which determines significant for a particular social community values; secondly, it is noted that as of 2021, modern Russian youth is guided by attitudes formed within the framework of civil society institutions that include legal and moral narratives in their content; thirdly, it was established that constitutional principles are not perceived by young people as absolute essentials, but they have a significant impact on the motivation of young people in the process of self-realization.

This paper is the first step towards predicting which functions of the constitutional principles influence the self-realization of youth most effectively. The survey conducted in Moscow in 2021 showed that the formation and attitude to constitutional values are interconnected with the culture that the family, school, and other institutions of civil society have laid the foundation for.

Theorizing the Introduction of Citizenship Education: Direction and Inadequacies

Cultivation of civic consciousness, respect for human rights, freedoms and duties is carried out by various institutions of civil society. Educational sphere is the main source for endowing with the necessary ideas about what is *good* and what is *bad* concerning family and society life (Ruiz-Hernández, Moral-Zafra, Llor-Esteban & Jiménez-Barbero, 2019; Perez-Gramaje, Garcia, Reyes, Serra & Garcia, 2020).

Throughout the entire historical development of Russia, educational institutions have been participating in the formation of civic consciousness. However, globalization, digitalization and other new challenges determine the need to strengthen the system of legal and moral values by teaching democracy through civic education.

Accordingly, the principles of youth policy are part of state policy.

Despite the national specifics of various countries of the world, universal (ideal) principles of youth policy have been formed in the modern times. Their system is characterized by three features: continuity, emphasis on children and young people as special subjects of rights, and plurality of affected spheres of social relations.

The continuity is based on the fact that several principles have a clear connection between the previous concepts of their formation and new approaches. Thus, the provisions of the European Social Charter (1961)¹ concerning underage children were retained when the European Charter on the Participation of Youth in Public Life at the Local and Regional Level (2003)² was adopted; they were also taken into account in the Recommendations of the Committee of Ministers and the Council of Europe On Participation of Children and Young People Under the Age of 18 in Public Life³. This trend is emphasized in the scientific literature (Umnova (Konyukhova), 2016).

The plurality of the spheres affected by the principles of state youth policy is explained by the fact that care and assistance, education and upbringing of children and youth, being a value segment of the development of society, is manifested in almost all spheres of life.

The evolution of principles of modern youth policy is accompanied by a general pattern of their transformation — the preservation of universal (ideal) value orientations. Among them are:

- the principle of priority protection of children and youth,
- the principle of complex and special social, legal and economic protection of children and youth,
- the principle of creating conditions conducive to in-depth spiritual, moral, intellectual, physical, and healthy development of children and youth,
- the principle of protecting children and young people from neglect, violence and exploitation, as well as isolation and namelessness,
- the principle of parity and coordinated cooperation (Pevtsova & Aleshkova, 2020).

The common perception of these principles is confirmed by the fact that most states of the world in their constitutional texts note the need for a mandatory emphasis on guarantees and necessary conditions for the development and protection of children and youth.

At the same time, law is important as a necessary form of equality, freedom and justice (Nersesyants, 2001; Latham-Gambi, 2020; Stone & Weis, 2021), and civic consciousness is important as the element that forms national identity (Dani, 2018; Calliess & Van der Schyff, (eds.), 2019; Ming-Sung Kuo, 2021); they serve as a prerequisite for multiculturalism and social responsibility. Citizens cannot be “isolated individuals” as they are “members of community and society” who are “indebted to each other” (Blair, 1996).

¹ Bulletin of international treaties. 2010. No. 4, April, pp. 17—67.

² See.: Revised European Charter on Youth Participation in Community Life at Local and Regional Level. Available at: <https://rm.coe.int/16807038ee>. [Accessed 4th February 2022].

³ See.: Recommendation CM/ Rec (2012)2 of the Committee of Ministers of the Council of Europe On the participation of children and underage young people in public life (Adopted on 28.03.2012 at the 1138th meeting of the Deputy Ministers). Available at: <https://rm.coe.int/168070237b>. [Accessed 10th February 2022].

The need for the formation of communitarian thinking and social responsibility among young people is noted by many scientists (Blunkett, 2002; Shephard & Patrikios, 2012; Kostin, Tyrtyshny & Kass, 2020); they emphasize the impact of this factor on citizenship (Phillips, 1991; Mycock & Tonge, 2012; Mantha-Hollands & Orgad, 2020) and youth participation in political processes (Sloam, 2012).

The involvement of young people in progressive reforms and their active participation in the life of civil society is characterized, on the one hand, by activity, and on the other hand, by patriotic aspirations of young people that ensured economic growth and improvement in the USSR quality of life; however, they seem to be insignificant in the post-Soviet Russia.

Young people in modern Russia, as the most receptive and mobile part of society, support constitutional reforms and strive for self-realization. However, young people who grew up in post-Soviet Russia developed an ambiguous and unstable system of values undermined by ambivalent attitude towards the development of political literacy among the youth.

Attempts to change the situation are observed in the programs of political parties in modern Russia. Topics such as social responsibility, patriotism, respect for the working person are becoming central in the process of developing a new framework for national policy.

Thus, a return to youth policy based on the implementation of constitutional principles is a necessary element for the moral development of young citizens.

The system of legal and moral values: general and specific issues

Constitutions embody or consolidate the common social values of citizens (in the aggregate, representing a single social community); these values are united by a common history, culture, moral and legal principles. Their significance is unique (Perju, 2009; Istomina & Shtykov, 2021).

Constitutional values allow a person to identify themselves with a certain state. At the same time, most of the moral values of certain social communities, as well as legal values are, as a rule, included in the content of constitutional principles. Well-known legal scholars note the integrative nature of constitutional principles, which have various interrelationships both with each other and with other social regulators (Shafirov, 2018).

Scientific research shows that constitutional principles may balance moral, social, and legal values, and are therefore essential for the sustainable development of humankind (Habermas, 1998; Möller, 2007; Alexy, 2014; Zhou, 2019).

Constitutional principles are becoming an increasingly common way to consolidate social values and represent an alternative to moral principles. They impose obligations on the state to promote social values that are significant for the sustainable development and survival of mankind.

Often, the synthesis of legal and moral values acts as an obstacle to populism in political and social activities (Ming-Sung Kuo, 2021) and contributes to the sustainable development of the personality itself, as well as relationship between the individual, society, and the state.

Significant attention is paid to the importance of synthesizing legal and moral values in the life of society and the state not only by scientists, but also by practitioners (Avakyan, 2001; Bondar, 2009; Bondar, 2006; Vitruk, 2009; Mamonov, 2013; Coffey & Barak, 2016, etc.).

At the same time, constitutional principles have a significant impact on the young personality formation, although in practice it may happen that some people try to ignore them, since they do not agree with their morality. However, such opposition is not of common occurrence (Latham-Gambi, 2020).

In achieving their goals, young people with little experience of engaging with other members of society rely mainly on those attitudes that have been laid down for them by the civil society institutions.

The question arises: what is the benefit of the constitutional and moral values formed in society for the emerging young personality?

Constitutional values are significant for modeling socially approved behavior supported by most members of the society, but they also affect attitudes towards healthcare.

At present, there is not a single constitution in the world that does not contain moral norms or does not focus on such value as health. The most common values are the moral categories enshrined in law such as dignity, conscientiousness, humanism, respect for nature and sustainable development, and respect for health. They are given significant attention in the scientific literature (Coffey & Barak, 2016).

The highest level of the influence of moral norms on law is not only their use as a criterion for assessing lawful (unlawful), constitutional (unconstitutional) behavior, but also consolidation of morality as a value, which may be looked at as the ground to restrictions on the law itself, for example, in case of establishing the limits to subjective rights and freedoms. Such a close interaction of constitutional norms and morality suggests that the law enforcer has clear understanding of what is meant by moral norms and which of them collectively determine the essence of morality. In view of consolidated concept of *morality* as a constitutional value, it becomes essential to assess how moral values guarantee balance self-realization of young people.

As some scholars assert, constitutional principles combining moral and legal values are of particular importance (Habermas, 1992); respectively, their stability is a necessary element for the moral development of young citizens.

Institutions of civil society and their influence on the formation of youth attitudes towards legal and moral values

Constitutional principles define the foundations of interaction between the state, society and individual; their content methodologically rests on axiological approach and consolidates individual, universal (social) and state values. The principle of unity in diversity is often taken as a basis.

At present, the issue of constitutional values is attracting increasing attention of scientists (Coffey & Barak, 2016; Arcioni & Stone, 2016; Weis, 2017; Grimm, 2018; Velasco Rivera, 2019; Albert & Kenny, 2018; Stone, 2021).

In terms of its significance, human morality belongs to the value of global significance. It determines the basis for the development of the individual and society as well as spiritual potential of the state. The adaptation of morality in relation to state and legal standards is one of the topical issues at any historical period, because ideas about its essence and significance are constantly being transformed in legal norms; they take into account the peculiarities of the political, social, economic, spiritual and cultural development of the state. The lack of unified approaches to defining the criteria of morality that are acceptable to ensure the interests of individuals, society and the state may lead to conflicts and tension.

Over the past decade, young people have been active users of digital technologies and, through them, and have formed a habit in the framework of leisure and communicative activities. In the conditions of coronavirus, young people began realizing themselves by means of digital space as part of educational process.

In this regard, it is essential to identify the possible advantages and disadvantages of the new forms of digital self-realization in order to create the appropriate conditions for harmonious balance in the process of self-actualization in the classical and digital environment.

The following *advantages* may be highlighted — many emerging opportunities from promoting oneself by presenting professional achievements to realizing the potential through wide application of translation software, linguistic, legal and/or bibliographic databases, which significantly improves results and saves time. In fact, digital technologies have become an effective tool for self-realization and provide great opportunities.

In terms of *shortcomings*, we can mention that the value system in the virtual world is not identical to the value system in the real world.

Great hopes are associated with the education system, which not only creates conditions for ensuring the quality of students' knowledge, development of their cognitive abilities, formation of independent activity experience, self-cognition, and self-determination of the individual, but also participates in the process of their formation as individuals. It is important that in digital spaces contributing to individual self-realization, cultural and humanistic values should be identical to those recognized in the real environment.

In this regard, it is necessary, *firstly*, to preserve the humanistic approach, whose methods in the classical educational process have been worked out long ago.

Secondly, it is necessary to strengthen the importance of anthropocentrism since the diffusion of the boundary between real and digital space is becoming more and more obvious. Accordingly, the system of values relevant for self-realization should be based on universal human values, among which humanism must be central. It should also be aimed at individually significant goals for each growing and socializing person, which, of course, should not contradict the constitutional values.

Thirdly, the development of the *man of labor* concept should become one of the most effective priority areas. The opportunity of self-employment through digital technologies is one of the opportunities for self-realization in the digital space. Virtual volunteering, supported by many young people, should be actively developed along with the actual one. The flagship projects of the volunteer movement that create

opportunities for social lifts are actively used by young people (Gorlova, 2019). However, given the digital inequality, the risks of ignoring this issue can be dramatic for the principle of social solidarity turning it into fiction.

Thus, it is humanism and hard work, as well as digital equality of opportunities, that form the foundation of the successful social project.

The system of constitutional values and the goals of self-realization — development, creativity, welfare, vocation, and recognition in a systemic relationship with social values, humanism, hard work, and digital equality — should be laid down both in the family and within the educational process and realized, among other options, through the digital space.

For this to happen, educational activity should be looked at as a kind of meta-activity based on three main pedagogical tasks:

- to develop the axiological aspiration of the individual,
- to form and expand the sphere of individual's competence,
- to create conditions for the development of internal responsibility in every young person, formed through the sense of internal involvement of the individual not only in their work, study, and/or profession, but also through interconnectedness with other people, society, and the world.

Thus, in order to ensure effective and harmonious youth self-realization, it is necessary to develop methods for the consistent construction of the system of moral guidelines, embodied in all components of the cultural and educational process. Digital means enable people of the 21st century to change themselves and their relationships with the world around them. This implies the possibility of self-expression within the global network while maintaining historical, cultural, and geographic characteristics. Understanding and cultivating the diversity of human cultures requires intercultural dialogue on ethical issues. That is why we must look for common, universal ethical principles so that digitalization can become an engine of a self-fulfilling person.

Social responsibility should become one of the significant elements in the process of self-realization (Ferguson, 2007). Its indicator is the principle of good faith and respecting law.

Accordingly, it is essential to develop the Code of youth self-realization that include integrated ethical norms and constitutional values. This will contribute to the formation of self-realization culture, which in turn will promote the sustainable development of a modern digital society and abilities, knowledge, skills, competencies, and experience acquired in order to satisfy individual professional, social and personal development needs.

Reflecting on the issue of the limits of constitutional changes (Velasco Rivera, 2019), draws attention to the need of demystifying the moral categories included in the content of the constitution. What constitutional and moral values are emphasized in the family, in the process of education, in the process of interaction in youth public associations?

Attitude of the respondents to self-realization and social values

As evidenced by the results of processing the questionnaires, more than half of the survey participants (97%) consider self-realization as an important element of their life, at the same time, 71% use their own talent and abilities, 8.5% seek help from friends, 8.5% rely on parents' support, 6% expect teachers' mentoring, and 3% seek state support (Diagram 1).

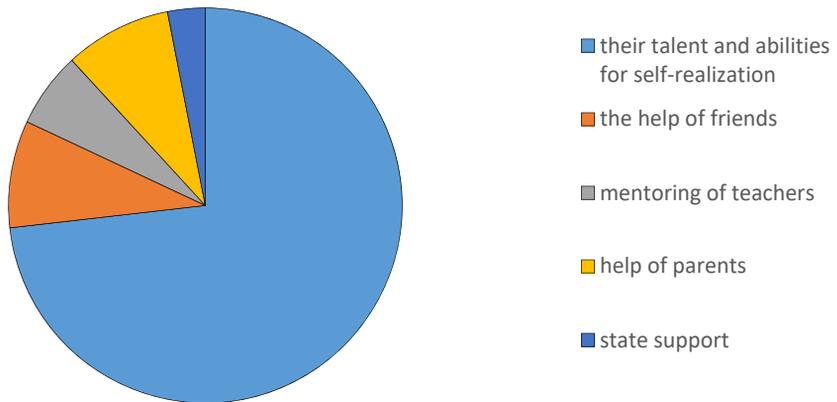

Diagram 1. Means used in self-realization

Note: Compiled by the authors on the basis of questionnaire processing data

The survey respondents voiced different goals that they set for themselves in the process of self-realization — to gain public recognition, and respect (10%); to provide benefit, to help others (16%); to learn new things, study (29.5%); to make a career (14.5%); to achieve material well-being (26.5%). At the same time, 3.5% of respondents do not have any goal (Diagram 2).

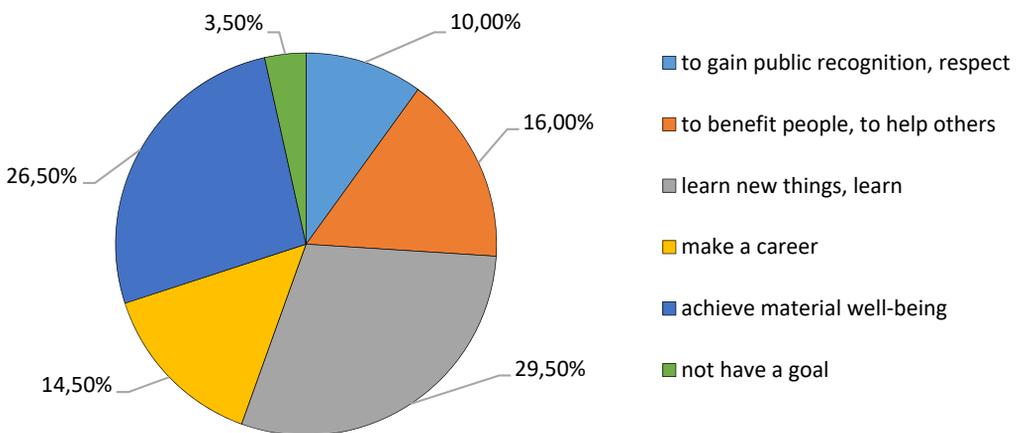

Diagram 2. Goal self-realization

Note: Compiled by the authors on the basis of questionnaire processing data

The process of forming value attitudes was significantly influenced by family (42,5%), and personal life experience (46,5%). Insignificant influence was exerted by the education system (6,5%) and the media (4,5%). This indicates that the respondents have more confidence in the attitudes that are laid down in the family and acquired as a result of their personal life experience (Diagram 3).

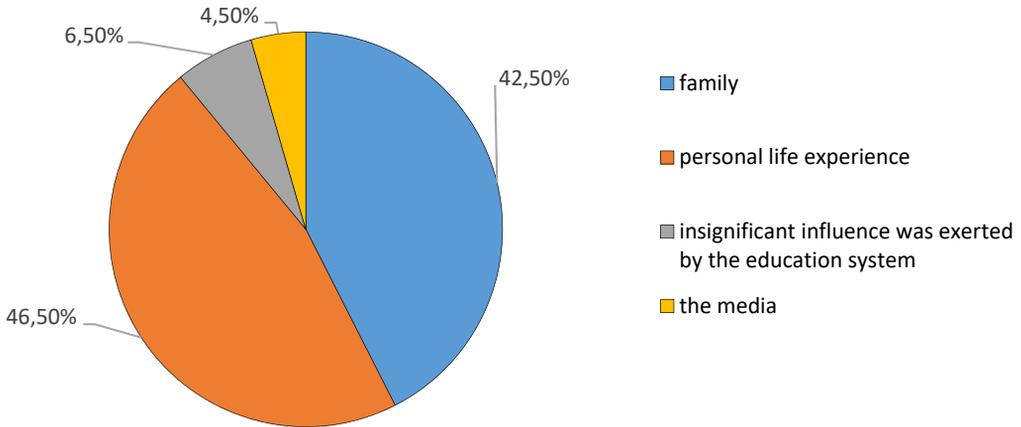

Diagram 3. The process of forming your value attitudes among the respondents was significantly influenced by

Note: Compiled by the authors on the basis of questionnaire processing data

Of those who believe that moral values in the process of self-realization are also important note as significant: respect for human rights and freedoms (22.5% of respondents), good faith/fair practices (19.5%), dignity (7%), humanism (3.5%), family (9%), honesty (11.5%), patriotism (0.5%), hard work (20%), love (4%), and health (2.5%) (Diagram 4).

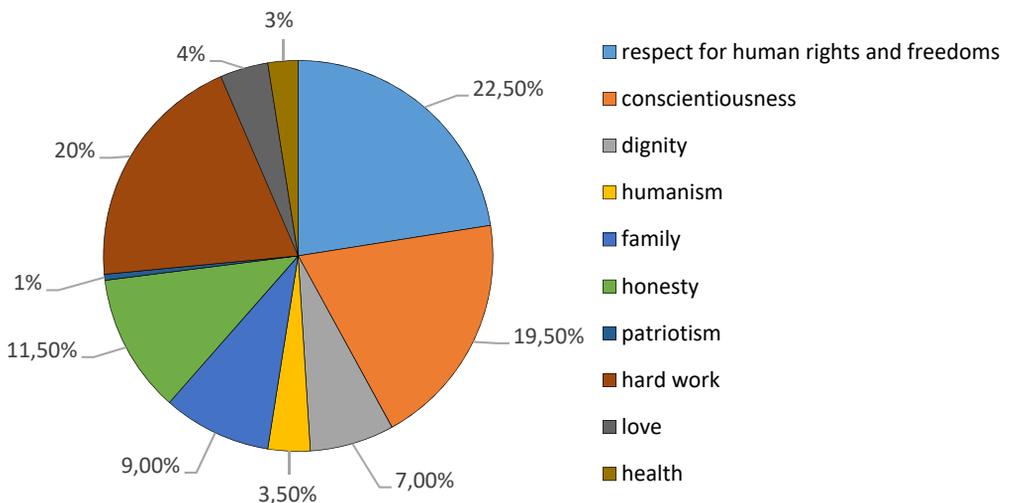

Diagram 4. Significant value attitudes in the process of self-realization

Note: Compiled by the authors on the basis of questionnaire processing data

The answers related to utility of the constitutional values formed in society, were more diverse. Thus, 21.5% of respondents answered that they (values) promote self-control; 9% indicated that they contribute to the assessment of the behavior model; 12.5% believe that they motivate to take action; 6.5% believe that they contribute to the preservation of civic identity; 15% believe that they contribute to balancing public and private interests; 4.5% believe that constitutional values ensure social solidarity; 17.5% think that they promote the formation of social responsibility; 6.3% are convinced that they provide social cohesion, and 7% of the respondents believe that they reduce conflict risks between the individual and the collective (Diagram 5).

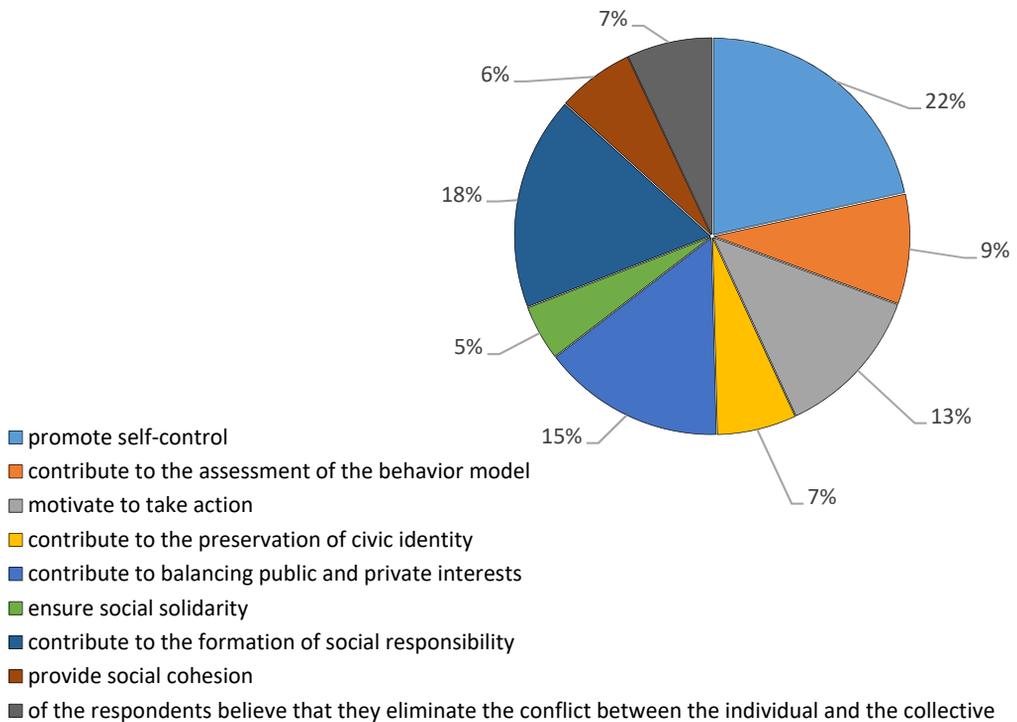

Diagram 5. Functionality of constitutional values

Note: Compiled by the authors on the basis of questionnaire processing data

Young people single out sports as a promising aspect of self-realization (Diagram 6).

It is important to emphasize that more than half of all survey participants (124 respondents, that is, 62%) are interested in the customs and traditions of different nations. Accordingly, they are aware about moral values that have been formed historically among other peoples. In fact, 10 respondents (5%) regularly attend cultural events related to customs and traditions, 76 people (38%) answered that they attend them but rarely, and 66 survey participants (33%) would like to attend, but do not do it because of busy schedule. Almost a quarter of the respondents (48 people, 24%) do not attend such events, since they are not interested (Diagram 7).

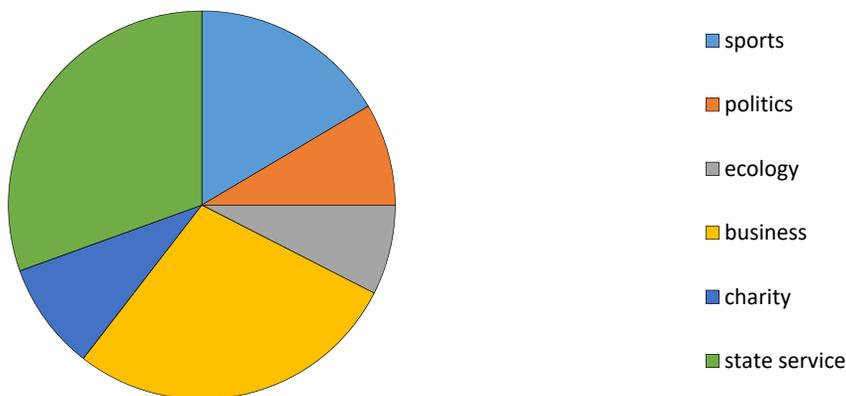

Diagram 6. The respondents single out the following aspects as promising for self-actualization

Note: Compiled by the authors on the basis of questionnaire processing data

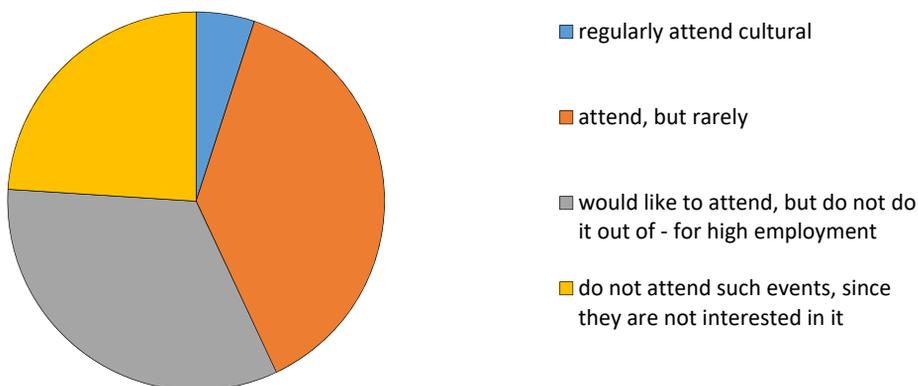

Diagram 7. Activity in attending cultural events with the presentation of customs and traditions

As a result of the processing of the sociological survey, the following can be noted:

- Value orientations, being the most important component in the structure of personality, are a complex integral formation.
- They are reflected in various forms and at different levels of interaction between the social and the individual in the personality.
- They are a specific form of a person's awareness of the world, his/her past, present, and future.
- Competition of constitutional and moral values in the process of self-realization of youth is practically nonexistent.

Functions of constitutional principles in the process of youth self-realization

Value orientations are relatively autonomous. The concept of values is based on the emotional, axiological, and conceptual spheres of the individual. However, once

formed, value orientations significantly affect all aspects of person's life, such as interests, needs, activity goals, etc. Value orientations are stable units of person's consciousness, expressed in his/her ideas and concepts that determine the essence of the moral meaning of human existence (Antsiferova, 1989; Zakirova & Frolova, 2014). According to sociologists, value orientations are the main component in the system of personality disposition, the leading mechanism for regulating personal behavior in society. In terms of activity, this phenomenon manifests itself by the readiness of an individual for a certain mode of action, conditioned by the orientation of the individual towards certain values of material and spiritual culture. The impact of legal and moral values on self-realization of young people is expressed in such phenomena as their stability, authority, and normativity.

Stability of values traditional for a social community is provided for through transmitting them from generation to generation. This kind of values transfer is carried out both through constitutional principles and moral guidelines transmitted through the institutions of civil society.

Authority is a complex phenomenon. It includes both the social aspect, based on manifestation of power, and socio-psychological aspect: a sense of trust, rationalism, efficiency of narratives. If a value guideline is chosen as an authoritative one, it performs a number of functions: it determines a model of behavior, contributes to developing an ability to assess one's own and other people's actions (decisions), and contributes to self-control in the process of self-realization.

Being a feature of legal and moral values, *normativity* is characterized as an ontological property. Through this property, imperatives are categorized in reflection and social life. At the heart of normativity is repetition of social and mental processes, the universality of existing phenomena. This property contributes to the formation of a behavior framework. Recognized as the highest form of expression of the normative nature of legal and moral imperatives, constitutional principles are looked at as the starting point for the entire system of social reality. Moreover, they guarantee the natural human rights.

Synthesis of legal and moral values creates a formula for maintaining civic identity (Crick, 2002). Central in its content is *national identity*, which was first coined in France, Germany, and Italy, then formed the basis for the Soviet development of federal statehood, and later, due to its substantial transformation, it was used as the basis for creating the European Union and modern political paradigm of some states (Castellino, 2020).

Self-realization is one of the deepest needs of a person; it is the source of his/her personally and socially productive goal-oriented activity. Self-realization as a process is interconnected with the desire for self-determination, self-expression, self-identification, and/or self-actualization. Self-realization involves a wide range of activities: communicative, educational, scientific, leisure and some others. Self-realization is generally understood as an active process of searching for internal and external improvement, acquiring new knowledge, abilities, skills, aspirations, and readiness for self-expression in various spheres of life to achieve new goals.

It is established that self-realization engages two realms. One sphere is the *human world*, that is, the world which a person identifies himself with, and the second sphere

is the *world around a person* (it can act both as an external reality and as a transcendental sphere) (Ardashkin, 2006).

Thus, the multidimensionality of self-realization as a process allows to characterize it as a complex direction of human activity.

At the same time, it is important to emphasize that the main condition for self-realization is the person's developed self-awareness, which allows to cognize themselves and the world around, to employ real and potential abilities and capabilities, interests, values, and prospects for personal and professional growth (Finn & Checkoway, 1998; Ayupova, 2014; Yanitskiy, Seryy, Braun & Balabashchuk, 2019).

Thus, it is self-awareness and values that are determinative in the model of human behavior in the process of self-realization.

According to the Federal Law No. 489 FZ of December 30, 2020, On Youth Policy in the Russian Federation, one of the directions of youth policy is creating conditions for youth self-realization⁴.

Since moral values (as the basis of a holistic and positive worldview) are one of the defining factors of human behavior in the process of self-realization, significant attention is paid to them in the process of education.

Not only the educational process, but also the process of upbringing is aimed at developing moral values in young people. Correspondence of the moral values of a particular person to the foundations and norms of society determines whether he/she can coexist harmoniously with others, live happily and work for the benefit of himself and others, or whether he/she will cause various problems, incur pain and harm to himself and others.

In the modern period, considering the challenges faced by civil society, the system of spiritual and moral values that have developed in the process of cultural development of Russia (e.g., philanthropy, justice, honor, conscience, will, dignity, faith in goodness and desire to fulfill a moral duty to oneself, one's own family and homeland ...) is specified in strategic documents⁵. In the Strategy for the Development of Youth of the Russian Federation for the period up to 2025, one of the tasks is defined as formation of a holistic worldview (picture of the world); it is based on such values as patriotism, family, morality, legal awareness, healthy lifestyle, and respect for nature.

According to the amendments to the Constitution (approved by the all-Russian vote on July 1, 2020, Clause 4 of Article 67.1), the state creates conditions contributing to the in-depth spiritual, moral, intellectual, and physical development of children (Clause 4 of the new Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation), fostering patriotism, civic consciousness, and respect for elders. This is reflected in the doctrinal statement "Children are the most important priority of the Russian state policy".

The significance of labor is also revealed somewhat differently than before, therefore, considerable attention is paid to the person of labor. In Article 75.1, respect for the working person is defined as guaranteed by the state. The 2020 amendments to

⁴ Federal Law No. 489-FL of December 30, 2020 «On youth policy in the Russian Federation». Collected legislation of the Russian Federation. 2021. No. 1 (part I). Art. 28.

⁵ Collected legislation of the Russian Federation. 2015. No. 23. Art. 3357.

the Russian Constitution significantly expand the boundaries of constitutional principles, including the context of strengthening the constitutional status of children, family, motherhood, fatherhood and, consequently, self-realization of young people.

In this regard, government and civil society must do a lot to ensure in practice the legal rights and interests of 16 million school-age children and adolescents (and in the future, their number will increase to 18 million), and to create the necessary conditions for self-realization of young people. Moreover, the specified paragraph of Art. 67.1. in the Constitution clearly indicates which direction the state policy with respect to children and youth should pursue. This is not only the in-depth development of the individual, spiritual and moral education, but also the education of a patriot, a citizen who respects elders and loves his/her country.

One of the important mechanisms for fulfilling state requirements for education and upbringing of children and youth is also described. It is the priority of family education, and in other cases, “the state takes on the responsibilities of parents in relation to children left without care” (Clause 4 of Article 67.1. of the Constitution of the Russian Federation)⁶.

Apparently, it is no coincidence (as they say, the time has come) that the requirement for active character-building work in educational institutions, including higher education, has finally become part of the Federal Law "On Education in the Russian Federation" (almost 10 years later)⁷.

The theme of family, protecting the institution of marriage as a union of a man and a woman, creating conditions for a decent upbringing of children in the family was reflected in the new Clause G1, part 1 of Art. 72 of the Constitution regarding the subjects of joint jurisdiction of the Russian Federation and its constituents. This ensures that Russian republics and regions will provide for the necessary financial and other resources (together with the federal government bodies) to carry out an effective family policy, which will have a positive effect on *man-saving* in Russia.

In our opinion, the designated values are the defining elements of the Russian cultural identity; therefore, they should be maximally realized in the conditions of the modern educational process, being the prerequisite for the effective and morally oriented self-realization of Russian youth.

Secondly, the youth issue was directly added to the “fabric” of the basic law by supplementing paragraph 1e of Art. 72 of the Constitution, which now classifies youth policy, along with general issues of upbringing, education, science, culture, physical culture, and sports as subjects of joint jurisdiction of the Russian Federation and its constituents.

⁶ Unfortunately, along with the significant number of families (their number in Russia at the beginning of 2021 reached 40.6 million), the so-called social orphanhood is still widespread in this country; these are cases when children are abandoned despite having living parents. And although the scope of this negative phenomenon has significantly decreased since the 90s of the 20th century, the number still remains high.

⁷ Paragraph 2 of Art.2 of the Federal Law No. 273 FZ of December 29, 2012, On Education in Russian Federation, gives the following definition to upbringing: «Activities aimed at personal development, creating conditions for self-determination and socialization of the student on the basis of socio-cultural spiritual and moral values and norms of behavior in the interests of a person, family, society and state». However, the provision of educational services remains the key requirement and content of the ideology of the Federal Law On Education.

Adoption of this amendment in the course of the constitutional reform strengthens the positions of those who advocates the adoption of the federal law on youth policy in the Russian Federation (December 2021).

Indeed, Russia was somewhat late in adopting this important legal act as many problems in the sphere of state youth policy have been accumulated. One of the most acute of them is the annual introduction to the labor market of more than 1.5 million inexperienced young people, and the unresolved (for more than 15 years) issue of the first guaranteed job for a graduate of a vocational school (secondary school) and university.

It is necessary to return to the foreign and domestic practices of vocational training of young people, those who were called "Work shift" in the times of the USSR, to create a separate Ministry of the Russian Federation for vocational education, to develop supported modern social practices of labor education of children and youth, which will strengthen the so called *social elevators* in this country. In the meantime, social elevators operate very selectively; various competitions and grant support cover only a certain segment of young people, which is clearly not enough. A partial increase in state-funded admissions to universities does not solve the problem, especially since most of them have switched to commercial activities (46% of students study on parental money in state universities, which is not the case in other countries of the world).

An integral system of lending to young people and supporting young families is practically absent (or is hardly effective); only separate federal and regional programs operate, sometimes within the framework of national projects.

Thirdly, the way out of the rather difficult situation with Russian youth is for the Government to fulfill its new powers (Article 114 of the Constitution):

- to carry out measures supporting civil society institutions, including non-profit organizations, to ensure their participation in the development and implementation of state policy (Clause e1, Part 1 of Article 114),
- to support volunteer activities (Clause e2, Part 1 of Article 114),
- to promote the implementation of the principles of social partnership in the field of labor regulation and other relations directly connected with them (Clause e4, Part 1 of Article 114).

Indeed, in 2020-2021, during the COVID-19 pandemic, the volunteer movement in this country received additional impulse; hundreds of thousands of young people got involved. It is essential that the state and civil society should demonstrate a continuous support to volunteering activities of various kinds.

As for NPOs, their activities with foreign participation in the specified period were significantly limited. Some domestic NPOs received grants and other aid for their activities, becoming some kind of *social elevator* for young people.

Labor relations involving youth have already been discussed. However, what has been said should be supplemented by the intentions of the Russian Government (June 2021) to pay those employers who recruited young people. In this regard, the mechanism of appropriate actions should be clarified.

The progressive dynamics of the regulatory impact of constitutional principles on the behavior of young people is an important aspect in the development of a modern digital state and the unity of civil society.

Results

The study showed that the competition of legal and moral values is evident, but it is resolved through constitutional principles. The intensification of activity aimed at legal culture formation within the educational environment has a positive impact on self-realization of young people.

Integration of human rights education programs into educational projects has shown positive results. Participation of young people in the schools of young scientists, in the activities of legal clinics and other general social projects aimed at helping others has a beneficial effect on harmonization of self-realization, ensuring a balance of personal and collective interests. Formation of a value-based attitude towards a person, society and the state develops legal culture and serves as an effective means of countering populism, preserving the moral values of a particular social community (Nigmatullina & Rassolova, 2021).

We also conclude that there are no illusory constitutional and moral values, since the system of constitutional principles, which includes what has been accumulated over the centuries, is transmitted from generation to generation and expresses the historical and legal memory of a certain social community. Formation of the system of legal and moral values occurs simultaneously since they are formed on the basis of common social values.

Thus, as a result of the study, we note the importance of the influence of civil society institutions, such as the family and educational institutions, on the process of self-realization of young people; in fact, civil society institutions play the role of the channels through which social values are laid.

The authority of social values has a protective effect on adolescent behavior.

However, we should not underestimate the personal life experiences that adolescents gain; it also affects their behavior.

We can also argue that, firstly, moral and constitutional principles have equally meaningful effect on self-realization of young people; secondly, moral and constitutional values are useful for the emerging young personality.

However, digitalization and its unexplored impact on the human psyche gives grounds to assert the importance of strengthening the joint work of the entire society; the society should not demonstrate condescension and tolerance to the values that are formed in the younger generation by social networks.

The study determined that the process of vocational training in educational institutions has a significant impact on self-realization of young people.

In the learning process, it is important to preserve teaching methods based on relationship of moral and constitutional values. In the modern period, legal and moral principles, being in a dialectical relationship, affect the self-realization of youth. However, the process of digitalization of social space, ubiquity of the Internet serves as prerequisites for the formation of a new type of thinking, and new types of values between an individual and society, which, in turn, can lead to unpredictable consequences.

Formation of this type of culture, new models of relationships and, accordingly, the processes associated with these relationships, including self-realization, may in the

future be significantly influenced not by the values inherent in the family, but by the values formed within the digital environment, where young people spend most of their time.

Moral and constitutional values, interrelated in their ontological content, are a system of principles of global law, which acts as a means of transferring socially significant information. Noting the importance of improving state youth policy on the basis of not only legal, but also social values we must mention a wide range of topical issues of spiritual and moral education that require new understanding in the information society.

Moreover, it is important to emphasize that the emergence of the constitutional principle of civic identity that was pivotal for legal and moral narratives and viewed as a principle of the corresponding state and law was predetermined by the need to develop a collective sustainable organization of multinational communities living on the territory of a particular state. This is a complex principle that synthesizes the principles of unity, civic consciousness, identity of peoples, ethnocultural diversity, unity of spiritual and moral culture, social and political solidarity, social and political responsibility and other complementary and often competing principles that reflect the characteristics of a nation as a socio-political community of a particular state.

References / Список литературы

- Albert, R. & Kenny, D. (2018) The challenges of constitutional silence: Doctrine, theory, and applications. *International Journal of Constitutional Law*. 16(3), 880—886. <https://doi.org/10.1093/icon/moy066>
- Alexy, R. (2014) Formal principles: Some replies to critics. *International Journal of Constitutional Law*. 12(3), 511—524. <https://doi.org/10.1093/icon/mou051>
- Antsiferova, L.I. (1981) To the psychology of personality as a developing system. In: Antsiferova L.I. (ed.). *Psychology of formation and development of personality*. Moscow, Nauka Publ. pp. 3—19. (in Russian).
Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системе // Психология формирования и развития личности / отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1981. С. 3—19.
- Arcioni, E. & Stone, A. (2016) The small brown bird: Values and aspirations in the Australian Constitution. *International Journal of Constitutional Law* 14(1), 60—79. <https://doi.org/10.1093/icon/mow003>
- Ardashkin, I.B. (2006) «Anthropologization» as a factor of problematization in cognition. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 309(1), 217—220. (in Russian).
Ардашкин И.Б. «Антропологизация» как фактор проблематизации в познании // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 1. С. 217—220.
- Avakyan, S.A. (2001) Globalization, general constitutional values and national regulation. *National interest*. (4), 44—47. (in Russian).
Авакьян С.А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Национальные интересы. 2001. № 4. С. 44—47.
- Ayupova, A.Kh. (2014) Features of self-realization of Russian youth: socio-cultural analysis. *Bulletin of the Kemerovo State University*. 3—1 (59), 88—91. (in Russian).
Аюпова А.Х. Особенности самореализации Российской молодежи: социокультурный анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3—1 (59). С. 88—91.
- Blair, T. (1996) *New Britain: My Vision of a Young Country*. London, Fourth Estate.

- Blunkett, D. (2002) Integration with Diversity: Globalisation and the Renewal of Democracy and Civil Society. In: Griffith, P. & Leonard, M. (eds.), *Rethinking Britishness*. London, Foreign Policy Centre, pp. 65—77.
- Bondar, N.S. (2009) Constitutional values — a category of applicable law (in the context of the practice of the Constitutional Court of Russia). *Journal of Constitutional Justice*. 6, 1—11. (in Russian).
Бондарь Н.С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал Конституционного правосудия. 2009. №6. С. 1—11.
- Bondar, N.S. (2006) *Constitutionalization of the socio-economic development of the Russian statehood (in the context of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation)*. Moscow, Vikor-Media Publ. (in Russian).
Бондарь Н.С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). М.: Викор-Медиа, 2006. 223 с.
- Calliess, C., & Van der Schyff, G. (eds.). (2019) *Constitutional Identity in a Europe of Multilevel Constitutionalism*. Cambridge, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108616256>
- Castellino, J. (2020) The Rise of Majorities and Emerging Existential Threats to India and China. *The Chinese Journal of Comparative Law*. 8 (3), 538—557. <https://doi.org/10.1093/cjcl/cxaa018>
- Coffey, D.K. & Barak, A. (2016) Human Dignity: The Constitutional Value and the Constitutional Right. *Human Rights Law Review*. 16(1), 175—176. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngv042>
- Crick, B. (2002) Education for Citizenship: The Citizenship Order. *Parliamentary Affairs*. 55 (3), 488—504.
- Crick, B. (2004) *Education for Democratic Citizenship: Issues of Theory and Practice*. Lockyer A. (ed.). 1st ed. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315256948>
- Dani, M. (2018) Ai confini della Costituzione. Principi supremi e identità costituzionale [At the Boundaries of the Constitution. Supreme Principles and Constitutional Identity]. *International Journal of Constitutional Law*, 16(1), 302—306. <https://doi.org/10.1093/icon/moy031>
- Ferguson, K.M. (2007) Implementing a social enterprise intervention with Homeless, Street-Living Youths in Los Angeles. *Social Work*. 52(2), 103—112. <https://doi.org/10.1093/sw/52.2.103>
- Finn, J.L. & Checkoway, B. (1998) Young people as competent community builders: A Challenge to Social Work. *Social Work*. 43(4), 335—345. <https://doi.org/10.1093/sw/43.4.335>
- Gorlova N.I. (2019) *Formation and development of the institute of volunteering in Russia: history and modernity*. Moscow, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage. (in Russian).
Горлова Н.И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2019. 290 с.
- Grimm, D. (2018) Constitutional jurisprudence observed by a political scientist. *International Journal of Constitutional Law*. 16 (1), 280—281. <https://doi.org/10.1093/icon/moy032>
- Istomina, O.B. & Shtykov, N.N. (2021) Valuable worldview in the system of activity. *Eurasian Law Journal*. 1 (152), 471—472. (in Russian).
Истомина О.Б., Штыков Н.Н. Ценностное мировоззрение в системе деятельности // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 471—472.
- Habermas, J. (1998) “Reasonable” versus “True,” or the Morality of Worldviews. In: Cronin C. & De Geiff, P. eds. *The Inclusion of Other: Studies in Political Theory*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Kochetkov, A.V. (2009) Constitutionalization of state youth policy in Russia. *Law and Law*. 2 (9), 10—13. (in Russian).

- Кочетков А.В. Конституционализация государственной молодежной политики в России // *Закон и право*. 2009. № 9. С. 10—13.
- Kostin, S.A. Tyrtshny, A.A. & Kass, K.G. (2020) Modern approaches to legal education of youth in the Russian Federation: experience in the implementation of design technologies. *Constitutional and municipal law*. (7), 55—61. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-7-55-61> (in Russian).
- Костин С.А., Тыртышный А.А., Касс К.Г. Современные подходы к правовому просвещению молодежи в Российской Федерации: опыт реализации проектных технологий // *Конституционное и муниципальное право*. 2020. № 7. С. 55—61. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-7-55-61>
- Latham-Gambi, A. (2020) Political Constitutionalism and Legal Constitutionalism — an Imaginary Opposition? *Oxford Journal of Legal Studies*. 40(4), 737—763. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqaa046>
- Мамонов, В.В. (2013) Constitutional values of modern Russia. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 4 (93), 125—132. (in Russian).
- Мамонов В.В. Конституционные ценности современной России // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2013. № 4 (93). С. 125—132.
- Mantha-Hollands, A. & Orgad, L. (2020) Citizenship at a crossroad. *International Journal of Constitutional Law*. 18 (4), 1522—1525. <https://doi.org/10.1093/icon/moaa107>
- Ming-Sung Kuo (2021) Authenticity: The Ultimate Challenge in the Quest for Lasting Constitutional Legitimacy. *Oxford Journal of Legal Studies*. 41 (1), 265—287. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqaa022>
- Möller, K. (2007) Balancing and the structure of constitutional rights. *International Journal of Constitutional Law*. 5 (3), 453—468. <https://doi.org/10.1093/icon/mom023>
- Mycock, A. & Tonge, J. (2012) The Party politics of youth citizenship and democratic engagement. *Parliamentary Affairs*. 65 (1), 138—161.
- Nersesyants, V.S. (2001) Law as a necessary form of equality, freedom and justice. *Sociological research*. (10), 3—15. (in Russian).
- Нерсесянц В.С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // *Социологические исследования*. 2001. № 10. С. 3—15.
- Nigmatullina, I.V. & Rassolova, I.Yu. (2021) Features of professional self-determination as a pivotal activity in the formation of personality. *Eurasian Law Journal*. 1 (152), 473—474. (in Russian).
- Нигматуллина И.В., Рассолова И.Ю. Особенности профессионального самоопределения как стержневой активности при формировании личности // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 1 (152). С. 473—474.
- Phillips, A. (1991) Citizenship and youth. *Parliamentary Affairs*. 44(4), 541—548. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pa.a052324>
- Pevtsova, E.A. & Aleshkova, I.A. (2020) Principles of state youth policy: trends and features of development. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. (3), 51—59. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-3-51-59> (in Russian).
- Певцова Е.А., Алешкова И.А. Принципы государственной молодежной политики: тенденции и особенности развития // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2020. № 3. С. 51—59. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-3-51-59>
- Perez-Gramaje, A.F., Garcia, O.F., Reyes, M., Serra, E., & Garcia, F. (2020) Parenting styles and aggressive adolescents: Relationships with self-esteem and personal maladjustment. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. (12), 1—10. <https://doi.org/10.5093/ejpalc2020a1>
- Perju, V.F. (2009) The Migration of Constitutional Ideas. *International Journal of Constitutional Law*. 7 (1), 170—174. <https://doi.org/10.1093/icon/mon021>

- Ruiz-Hernández, J.A., Moral-Zafra, E., Llor-Esteban, B., & Jiménez-Barbero, J.A. (2019) Influence of parental styles and other psychosocial variables on the development of externalizing behaviors in adolescents: A systematic review. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. (11), 9—21. <https://doi.org/10.5093/ejpalc2018a11>
- Shafirov, V.M. (2018) Human Dimension and Application of Law. *Russian Justice*. (11), 28—31. (in Russian).
Шафиров В.М. Человеческое измерение и применение права // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 28—31.
- Shephard, M., & Patrikios, S. (2012) Making Democracy work through early formal engagement? Comparative study of youth parliaments in the EU. *Parliamentary Affairs*. 66 (4), 752—771.
- Sloam, J. (2010) Introduction: youth, citizenship, and political science education: Questions for the discipline. *Journal of Political Science Education*. 6 (4), 325—335. <https://doi.org/10.1080/15512169.2010.518085>
- Stone, A. & Weis, L.K (2021) Positive and negative constitutionalism and the limits of universalism: a review essay. *Oxford Journal of Legal Studies*. 41 (4), 1249—1271. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqab012>
- Sullivan, E.M., Sullivan, N.E., Cox, D.H., Butt, D., Dollemont, C. & Shallow, M. (2011) ‘You are taking who?! to a national conference on social policy?’: A place for youth in the social policy life of their communities. *Community Development Journal*. 46 (4), 511—525.
- Tonge, J., Mycock, A., & Jeffery, B. (2012) Does Citizenship education make young people better-engaged citizens? *Political Studies*. 60 (3), 578—602. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2011.00931.x>
- Umnova (Konyukhova), I.A. (2016) *Constitutional law and public international law: theory and practice of interaction*. Moscow, RGUP Publ. (in Russian).
Умнова (Конюхова) И.А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М.: РГУП, 2016. 672 с.
- Umnova (Konyukhova), I.A. (2018) Trends in constitutional development and constitutional law enforcement in the face of threats and challenges to humanity. *State and Law*. (2), 19—26. (in Russian).
Умнова (Конюхова) И.А. Тенденции конституционного развития и конституционного правоприменения в условиях глобализации угроз и вызовов человечеству / И. А. Умнова Конюхова // Государство и право. 2018. № 2. С. 19-26.
- Velasco Rivera, M.A (2019) Plea for Demystifying Constitutional Theory Categories. *The American Journal of Comparative Law*. 67(2), 483—490. <https://doi.org/10.1093/ajcl/avz016>
- Vitruk, N.V. (2009) *The Constitution of the Russian Federation as a value and constitutional values. Materials of a scientific-practical conference dedicated to the 15th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the 60th anniversary of the Universal Declaration of Human Rights*. Saint Petersburg, 13—14th November 2008. Zorkin V.D. ed. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Конституция Российской Федерации: доктрина и практика: Материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. Санкт-Петербург, 13—14 ноября 2008 г. / отв. ред. В.Д. Зорькин. М.: Норма, 2009. 320 с.
- Weis, L.K, (2017) Constitutional Directive Principles. *Oxford Journal of Legal Studies*. 37 (4), 916—945. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqx015>
- Yanitskiy, M.S., Seryu, A.V., Braun, O.A. & Balabashchuk, R.O. (2019) Value and Semantic Orientation and Socio-Cultural Determinants of Student Youth’s Image of Their Own Future. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*. (30), 92—103. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.30.92> (in Russian).
Яницкий М.С., Серый А.В., Браун О.А., Балабашчук Р.О. Ценностно-смысловая направленность и социокультурные детерминанты образа собственного будущего студенческой молодежи // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 30. С. 92—103. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.30.92>

- Zakirova, L.M. & Frolova, I.I. (2014) Success of training activities depending on the level of social intelligence. *Asian Social Science*. 10(24), 112—119. <https://doi.org/10.5539/ass.v10n24p112>
- Zhou, H.R. (2019) Legal principles, constitutional principles, and judicial review. *The American Journal of Comparative Law*. 67(4), 899—930. <https://doi.org/10.1093/ajcl/avz028>
- Zorkin, V.D. (2018) The Constitution of the Russian Federation — the legal basis for the integration of Russian society. *State and Law*. (12), 5—17. <https://doi.org/10.31857/S013207690002196-7> (in Russian).
Зорькин В.Д. Конституция РФ — правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2018. № 12. С. 5—17. <https://doi.org/10.31857/S013207690002196-7>

About the authors:

Elena A. Pevtsova — Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Rector, Moscow Region State University (MRSU); 10A Radio str., Moscow, 105005, Russian Federation
ORCID ID: 0000-0002-2750-6680; SPIN-code: 8392-9424
e-mail: pevtsova@bk.ru

Irina A. Umnova-Koniukhova — Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS); 51/219 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418, Russian Federation
ORCID ID: 0000-0001-6400-851X; SPIN-code: 2053-9279
e-mail: ikonyukhova@yandex.ru

Irina A. Aleshkova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS); 51/219 Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418, Russian Federation
ORCID ID: 0000-0001-5054-5939; SPIN-code: 8336-7161
e-mail: ialeshkova@mail.ru

Сведения об авторах:

Певцова Елена Александровна — доктор юридических наук, профессор, Ректор, Московский государственный областной университет (МГОУ); Российская Федерация, 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А
ORCID ID: 0000-0002-2750-6680; SPIN-code: 8392-9424
e-mail: pevtsova@bk.ru

Умнова-Кониухова Ирина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
ORCID ID: 0000-0001-6400-851X; SPIN-code: 2053-9279
e-mail: ikonyukhova@yandex.ru

Алешкова Ирина Александровна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
ORCID ID: 0000-0001-5054-5939; SPIN-code: 8336-7161
e-mail: ialeshkova@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-634-654>

Научная статья

Координация деятельности местных органов власти в России и Испании: сравнительно-правовое исследование

Е.Ю. Комлев

Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Российская Федерация;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация
 Komlev_eyu@pfur.ru

Аннотация. Одним из результатов конституционной реформы 2020 года в России стало введение в отечественное законодательство понятия «координация» применительно к деятельности органов публичной власти. До настоящего времени подробной регламентации указанный институт не получил. Институт координации деятельности местных органов власти давно известен зарубежным правовым порядкам, в частности, законодательству Испании. С учетом текущего реформирования российского законодательства о местном самоуправлении автор обосновывает актуальность и своевременность анализа релевантного испанского опыта. Целью настоящей работы является исследования правовой основы, правовой природы, порядка и условий применения института координации деятельности местных органов власти в России и Испании, определение возможности заимствования отечественным правовым порядком испанского опыта. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, а также сравнительно-правовой и исторический методы. В работе исследованы российское и испанское законодательство, правоприменительная практика, доктринальные подходы по теме исследования. Автор приходит к выводу о возможности заимствования соответствующего испанского опыта с учетом его адаптации. По мнению автора, институт координации применительно к деятельности органов местного самоуправления в России требует более детальной регламентации. Предложены подходы по комплексному использованию института координации в целях поддержания оптимального баланса между элементами централизации и децентрализации публичной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственная власть, координация, централизация, децентрализация, единство публичной власти

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 6 февраля 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Комлев Е.Ю. Координация деятельности местных органов власти в России и Испании: сравнительно-правовое исследование // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 3. С. 634—654. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-634-654>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-634-654>

Research Article

Coordination of local authorities in Russia and Spain: comparative legal research

Evgeny Y. Komlev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), *Moscow, Russian Federation*;
Higher School of Economics (HSE University), *Moscow, Russian Federation*

 Komlev_eyu@pfur.ru

Abstract. One of the consequences of the 2020 constitutional reform in Russia is introduction into Russian legislation of the «coordination» concept in relation to the public authority's activity. So far this legal institution has not received detailed regulation. The institution of coordination of the local authorities' activities has long been known to foreign legal orders, including Spanish legislation. Taking into account the current reform of the Russian legislation on local self-government, the author substantiates the relevance and timeliness of the study of Spanish experience in this sphere. The purpose of the article is to analyze the legal basis and nature, procedure and conditions for applying the institution of coordination of the local authorities' activity in Russia and Spain, to determine the possibility of implementing the Spanish experience into the Russian legal order. The methodological basis of the study involves general scientific methods of analysis and synthesis, as well as comparative legal and historical methods. Russian and Spanish legislations, law enforcement practice, doctrinal approaches to the research topic have been investigated. Based on the study, the author comes to the conclusion that Spanish experience in this field is relevant for Russia. The institution of coordination in relation to the activities of local self-government bodies in Russia requires more detailed regulation. The author proposes approaches for the complex use of the institution of coordination in order to achieve an optimal balance between the elements of centralization and decentralization of public power.

Key words: local self-government, state power, coordination, centralization, decentralization, unity of public power

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 6th February 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Komlev, E.Y. (2022) Coordination of local authorities in Russia and Spain: comparative legal research. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 634—654. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-634-654>

Введение

Проведенная в 2020 году в Российской Федерации конституционная реформа затронула многие элементы системы организации публичной власти в стране. В Конституции Российской Федерации впервые получило нормативное

закрепление понятие «публичная власть», ранее широко используемое преимущественно в практике Конституционного суда Российской Федерации и в доктрине. Не остались в стороне и нормы главы 8 Конституции Российской Федерации, посвященные местному самоуправлению: они также претерпели существенные изменения, особенно в контексте места и роли органов местного самоуправления в системе органов публичной власти.

Стоит отметить, что многие из внесенных в текст Конституции Российской Федерации изменений являются предметом научной дискуссии и по таким изменениям консолидированного подхода в отечественной науке не сложилось.

Некоторые конституционные новеллы уже нашли свое продолжение в федеральном законодательстве. Так, в декабре 2021 года принят Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», вскоре ожидается принятие нового закона о местном самоуправлении¹.

Одним из примечательных изменений, последовавших после конституционной реформы, стало введение в российское законодательство понятия «координация» применительно к деятельности органов публичной власти разного уровня, в том числе органов местного самоуправления. Такое понятие закреплено в Федеральном законе от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О государственном Совете Российской Федерации» (далее по тексту — Федеральный закон № 394-ФЗ). В указанном значении термин координация комплексно в законодательстве не использовался: упоминание о координации в отдельных законодательных актах комплексным назвать нельзя.

В этом смысле закрепление в законодательстве понятия «координация» свидетельствует о появлении относительно новой формы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти. Вероятно, в дальнейшем следует ожидать конкретизации норм о координации деятельности органов местного самоуправления.

В указанных условиях актуализируется исследование релевантного зарубежного опыта. В этой связи обращает на себя внимание опыт Испании, где институт координации деятельности местных органов власти известен достаточно давно.

Испанское государство в силу разных обстоятельств находится в постоянном поиске баланса между централизацией и децентрализацией публичной власти. Вопрос о взаимодействии местных органов власти с региональными и государственными органами власти (в частности, о пределах вмешательства государственных и региональных органов в деятельность местных органов) уже долгое время является там предметом научной дискуссии.

Отличительной чертой института координации применительно к деятельности органов местного самоуправления в Испании является его подробная регламентация в законодательстве. Особенно это касается условий ее применения.

¹ Проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в настоящее время принят в первом чтении. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>. (дата обращения: 05.02.2022).

Нельзя не отметить выработанные Конституционным судом Испании подходы к определению правовой природы института координации.

Изложенное предопределяет актуальность и своевременность исследования соответствующего опыта Испании, и его сопоставление с опытом российским, с учетом перспектив развития законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении.

Правовые основы института координации деятельности органов местного самоуправления

В Российской Федерации до проведения конституционной реформы и последующего принятия Федерального закона № 394-ФЗ правовое регулирование института координации применительно к деятельности органов местного самоуправления было довольно отрывистым.

О координации деятельности органов местного самоуправления в самом общем виде упоминается в нескольких нормативных правовых актах (Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ, Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ, Федеральный закон от 07.06.2013 № 108-ФЗ, Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ, Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666).

Вместе с тем определенной системности применительно к координации в вышеуказанных актах не наблюдается: нельзя сказать, что координация являлась законодательно урегулированной формой взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления.

В этой связи введение Федеральным законом № 394-ФЗ термина «координация» можно считать полноценной правовой основой для дальнейшего развития указанного института. Такое развитие будет строиться на основании конституционных норм. Прежде всего, базовым принципом для дальнейшего развития института координации деятельности органов местного самоуправления является принцип единства публичной власти, закрепленный в ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации. Именно в развитие указанной конституционной нормы Федеральным законом № 394-ФЗ в ст. 2 закреплены определения понятий «единая система публичной власти» и «координация».

Кроме того, осуществление координации и дальнейшее развитие правового регулирования данного института будет основываться на иных конституционных нормах, в том числе нормах ст. 12, 83 (п. 5), 131, 132 Конституции.

Правовой базой для института координации в Испании также служат нормы Конституции Испании 1978 года². Конституция Испании, принятая в переходный для государства период³, стремилась обеспечить баланс между потребностями составных частей государства к децентрализации публичной власти и сохранением территориальной целостности государства на фоне соответствующих центробежных настроений отдельных регионов (преимущественно — Каталония,

² Конституция Испании 1978 года. Опубликовано в BOE № 311 от 29 декабря 1978 г. Режим доступа: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/constitucion.html (дата обращения: 03.11.2021).

³ Имеется в виду переход от диктатуры к демократии; возвращение к монархической форме правления; децентрализация власти.

Страна Басков) (Klishas, 2019). О поиске такого баланса свидетельствует несколько норм Конституции Испании.

Так, Конституция Испании, с одной стороны, основывается на неразрывном единстве испанской нации, и при этом признает и гарантирует право национальностей и регионов на автономию и солидарность между собой (статья 2 Конституции Испании).

Координация как принцип деятельности публичной администрации, наряду с принципами эффективности, иерархии, децентрализации и деконцентрации, закреплена в ст. 103 Конституции Испании.

Статья 137 Конституции Испании, в свою очередь, признает и гарантирует автономию автономных сообществ (регионов), провинций и муниципалитетов (*последние два — местные территориальные образования — Е.К.*) при осуществлении управления в своих интересах. Принцип автономии является основным принципом деятельности органов публичной власти соответствующих территорий. Он имеет важнейшее значение с точки зрения пределов осуществления координации.

Вопросам взаимодействия органов публичной власти разного уровня в Испании уделяется повышенное внимание и в ординарном законодательстве, которое также направлено на поиск баланса между элементами централизации и децентрализации. В ряде государственных законов Испании получили развитие соответствующие конституционные нормы.

Одним из таких законов является Закон 40/2015 от 01.10.2015 «О правовом режиме публичного сектора» (далее — «Закон 40/2015»)⁴. Указанный закон с рассматриваемой точки зрения важен тем, что он, среди прочего, устанавливает обязанность сотрудничества между органами власти разного уровня. Закрепляя и уважая автономию территориальных образований, испанское законодательство справедливо исходит из того, что органы власти не могут действовать обособлено, игнорируя деятельность иных органов (что в конечном итоге негативно сказывается на интересах населения). Сотрудничество предполагает уважение законного осуществления своих полномочий иными органами; учет при исполнении своих полномочий общественных интересов; обмен информацией между органами власти; предоставление иным органам власти помощи для эффективного осуществления своих полномочий.

Еще одним ключевым нормативным актом является Закон 7/1985 от 02.04.1985 «Об основах местного режима»⁵, являющийся базовым законом о местном самоуправлении в Испании. Он, среди прочего, регулирует порядок осуществления координации деятельности органов местного самоуправления. Согласно статье 6 данного закона координация, наряду с эффективностью, децентрализацией и деконцентрацией, является одним из принципов деятельности местных органов власти.

⁴ Закон 40/2015 от 01.10.2015 «О правовом режиме публичного сектора». Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2015-10566> (дата обращения: 03.11.2021).

⁵ Закон 7/1985 от 02.04.1985 «Об основах местного режима». Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-5392> (дата обращения: 03.11.2021).

Таким образом, в основе института координации деятельности органов местного самоуправления как в России, так и в Испании, лежат конституционные нормы, которые получают дальнейшее развитие в ординарном законодательстве. Содержание соответствующих конституционных норм и норм ординарного законодательства в России и Испании различно, как различны предпосылки и мотивы их принятия. Тем не менее, такие нормы, как и институт координации в целом, направлены на обеспечение взаимодействия и согласованности действий между органами власти различного уровня (в том числе на недопущение их противопоставления между собой). Это является объединяющим фактором для российского и испанского законодательства.

Правовая природа координации

Помимо непосредственно правовых норм, регулирующих институт координации деятельности органов местного самоуправления, научный и практический интерес представляет изучение правовой природы координации. Определяющую роль в исследовании данного вопроса играют правовые позиции, изложенные в судебных актах Конституционного суда обоих исследуемых государств, а также доктринальные источники. Именно исходя из правовой природы данного феномена необходимо исходить при правовом регулировании соответствующих правоотношений.

Испанская судебная практика и доктрина дают значительно больше материала для анализа по причине того, что рассматриваемый институт давно известен испанскому законодательству и неоднократно становился предметом анализа как со стороны Конституционного суда Испании, так и со стороны научного сообщества.

Тем не менее, российский правоприменитель и научное сообщество также не обошли стороной институт координации, хотя о комплексной характеристике данного института применительно к российскому опыту говорить пока не приходится.

Так, представляет интерес мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по мотивам постановления от 18.01.1996 № 2-П, в котором он справедливо разграничивает понятия «координация» и «субординация». Из изложенной в особом мнении к постановлению Конституционного суда Российской Федерации от 30.11.2000 № 15-П позиции Г.А. Гаджиева следует признание возможности осуществления координации деятельности органов местного самоуправления, такой подход, по мнению судьи, не противоречит Конституции Российской Федерации.

О бюджетной координации Конституционный суд Российской Федерации рассуждает в постановлениях от 11.11.2003 № 16-П, от 15.12.2006 № 10-П.

Об институте координации упоминается в постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 01.12.2015 № 30-П (постановление по Иркутскому делу) в контексте признания возможности органов государственной власти участвовать в формировании органов местного самоуправления.

Согласно подходу Конституционного суда, изложенному в указанном постановлении:

- координация деятельности органов местного самоуправления возможна;
- с учетом объективной тесной взаимосвязи органов местного самоуправления и органов государственной власти субъектов федерации координация, наряду с сотрудничеством, взаимным учетом интересов, является основой их согласованной деятельности;
- целями такой согласованной деятельности является гарантия стабильного и эффективного осуществления функций публичной власти по созданию на соответствующей территории достойных условий жизни и свободного развития человека.

О координации (преимущественно в правоотношениях между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации) косвенно упоминается и в ряде иных постановлений Конституционного суда Российской Федерации.

Для отечественной доктрины институт координации деятельности органов местного самоуправления также не чужд. Еще в 2011 году представителями научного сообщества предлагался для обсуждения проект федерального закона, посвященный координации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления (Maksurov, 2011).

Потенциал института координации деятельности органов местного самоуправления исследуется в работах Н.С. Тимофеева (Timofeev, 2015), А.И. Казанника (Kazannik, 2016), В.Б. Евдокимова и Е.Г. Конышевой (Yevdokimov & Konysheva, 2016). Представители отечественной доктрины обращают внимание на необходимость осуществления координации в рамках закона, а субъекты соответствующих правоотношений, по их мнению, должны быть равноправны.

Таким образом, в российской правоприменительной практике и доктрине институт координации деятельности органов местного самоуправления характеризуется:

- 1) необходимостью осуществления координации в рамках закона;
- 2) необходимостью обеспечения равноправия субъектов соответствующих правоотношений;
- 3) разграничением механизмов координации и субординации;
- 4) с точки зрения целеполагания — удовлетворением интересов населения.

При этом в России о координации нередко упоминается в контексте так называемой «кадровой координации», то есть участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления (как, например, в вышеупомянутом постановлении Конституционного суда Российской Федерации № 30-П). В свою очередь, природа координации предполагает некоторое влияние государства (в разумных пределах) при осуществлении органами местного самоуправления полномочий, то есть координацию деятельности.

В Испании институт координации является своего рода антиподом принципа автономии. Статья 10 Закона 7/1985 закрепляет, что местные органы власти должны координировать между собой и иными органами публичной администрации свои действия, когда осуществление ими полномочий выходит за рамки

исключительного интереса соответствующего местного территориального образования или когда такие действия влияют на осуществление своих полномочий иными органами публичной администрации.

Таким образом, в рассматриваемом случае действует правило соперничества автономий: автономия местных территориальных образований в чистом виде закачивается там, где действует автономия регионов и имеется региональный или общегосударственный интерес.

Указанный тезис находит свое подтверждение в правовых позициях Конституционного суда Испании. Так, в постановлении от 02.02.1981 № 4/1981⁶ Конституционный суд Испании отметил, что местная автономия является ограниченной властью, указав, что понятие «автономия» не тождественно понятию «суверенитет». Каждое территориальное образование, обладающее автономией, является составной частью единого государства, и принцип автономии не может быть противопоставлен закреплённому в статье 2 Конституции Испании принципу единства нации.

В Испании наиболее распространены две формы взаимодействия органов власти разного уровня — сотрудничество и координация. Обе имеют целью достижение согласованности действий органов власти разного уровня. В данном контексте в испанской доктрине принято использовать термин «солидарность» как один из основополагающих критериев общественной жизни (Santamaría Pastor, 1988).

При этом при координации существенно более выражено доминирующее положение координирующего органа над координируемым, в связи с чем применение координации законодательно ограничено определенными условиями в интересах соблюдения принципа местной автономии. На указанное различие обращают особое внимание представители испанской правовой доктрины (De la Vallina Velarde, 2003:1182-1183).

Аналогичной позиции относительно сотрудничества и координации придерживается Конституционный суд Испании. Сравнивая две указанные формы взаимодействия — сотрудничество и координацию, — суд в постановлении от 21.12.1989 № 214/1989 отметил, что первая прежде всего характеризуется добровольностью, в то время как при координации присутствуют элементы обязательности, в связи с чем в таких отношениях проявляются признаки того, что координирующий орган имеет как бы некое превосходство над органом координируемым⁷.

Законодательство Испании не содержит определения понятия координация, тем не менее, такое понятие выработано правоприменительной практикой. В частности, определение понятия «координация» встречается в нескольких постановлениях Конституционного суда Испании (от 28.04.1983 № 32/1983⁸,

⁶ Постановление № 4/1981 от 02.02.1981. Режим доступа: <http://hj.tribunalconstitucional.es/es-ES/Resolucion/Show/4>. (дата обращения: 10.12.2021).

⁷ Постановление Конституционного суда Испании № 214/1989 от 21.12.1989. Режим доступа: <http://hj.tribunalconstitucional.es/es-ES/Resolucion/Show/1420> (дата обращения: 10.12.2021).

⁸ Постановление Конституционного суда Испании № 32/1983 от 28.04.1983. Режим доступа: <http://hj.tribunalconstitucional.es/es-ES/Resolucion/Show/160>. (дата обращения: 10.12.2021).

20.05.1983 № 42/1983⁹, от 25.10.1985 № 144/1985¹⁰, от 27.02.1987 № 27/1987¹¹), в рамках которых суд отмечает, что «координация предполагает установление средств и системы взаимоотношений, которые делают возможным взаимное информирование, техническую однородность в определенных аспектах, совместную деятельность координирующих и координируемых администраций при осуществлении ими своих полномочий таким образом, чтобы достигалась частичная интеграция их деятельности в рамках общей системы. Интеграция, которую призвана обеспечить координация, направлена на предотвращение противоречий и разлаженности действий, которые могут помешать или затруднить функционирование органов власти».

Испанский исследователь Хуан Веларде в этой связи отмечает, что координация должна применяться для эффективности и последовательности в достижении общих интересов (De la Vallina Velarde, 2003).

В вышеуказанном постановлении 27/1987 Конституционный суд Испании также формулирует ряд важнейших характеристик института координации. В частности, суд указывает, что:

— координация предполагает ограничение в отношении самостоятельного осуществления местными органами власти собственных полномочий, что говорит об ограничении гарантированной Конституцией Испании автономии. В этой связи, констатирует суд, *координация может осуществляться только на основании закона*. При этом абстрактного указания в законе на возможность осуществления координации в целом недостаточно: требуется соответствующее регулирование для конкретных полномочий, осуществляемых в режиме координации, и возникающих при их осуществлении правоотношений;

— координация не предполагает сокращение полномочий органов местного самоуправления, но предполагает некоторое ограничение в отношении их осуществления. При этом в доктрине встречается иная точка зрения: по мнению испанского исследователя Гонсало Орнильоса, полномочия, осуществляемые в режиме координации, являются совместными собственными (Fernández-Rubio Hornillos, 2017);

— координация не может осуществляться в форме контроля или предполагать иерархическую или квазиерархическую субординацию координируемого органа. Координация должна предполагать совместную деятельность координирующего и координируемого органа, должна учитываться позиция координируемого органа, у которого должна быть определенная свобода принятия решений. Это исключает возможность осуществления координации исключительно посредством формулирования императивных предписаний для координируемого органа.

Координация предполагает некоторое ограничение конституционно гарантированной местной автономии и представляет собой элемент централизации публичной власти. При этом испанский законодатель и правоприменитель

⁹ Постановление Конституционного суда Испании № 42/1983 от 20.05.1983. Режим доступа: <http://hj.tribunalconstitucional.es/es-ES/Resolucion/Show/170> (дата обращения: 10.12.2021).

¹⁰ Постановление Конституционного суда Испании № 144/1985 от 25.10.1985. Режим доступа: <http://hj.tribunalconstitucional.es/es-ES/Resolucion/Show/524> (дата обращения: 10.12.2021).

¹¹ Постановление Конституционного суда Испании № 27/1987 от 27.02.1987. Режим доступа: <http://hj.tribunalconstitucional.es/de-DE/Resolucion/Show/759>. (дата обращения: 10.12.2021).

стремятся использовать и иные характеристики координации, ее потенциал для децентрализации публичной власти. Это проявляется в том, что отчасти благодаря координации в испанском законодательстве несколько сокращены возможности для осуществления контроля за деятельностью органов местного самоуправления и для привлечения их к ответственности перед государством.

Кроме того, имея в виду возможность применения координации, законодатель с большим стремлением наделяет органы местного самоуправления собственными полномочиями. На последний аспект также обратил внимание Конституционный суд Испании, указав в постановлении от 27.02.1987 № 27/1987, что координация не только не предполагает сокращение полномочий органов местного самоуправления, но и логически предполагает наделение координируемых органов собственными полномочиями.

Таким образом, в России и в Испании прослеживается отчасти схожий подход к правовой природе координации. Основная характеристика координации заключается в ее воздействии на самостоятельность деятельности местных органов власти, которое должно быть ограниченным и не предполагать отношений между местными и региональными (или центральными) органами власти по модели субординации.

В этой связи подчеркивается необходимость законодательной регламентации порядка осуществления координации и закрепления возможности ее осуществления только на основании закона.

При этом координация не может существовать в отрыве от правового регулирования местного самоуправления в целом. Являясь, несомненно, элементом централизации власти, применение координации в комплексном рассмотрении с иными институтами местного самоуправления имеет и определенный потенциал для развития элементов децентрализации власти. Такой подход комбинирования элементов централизации и децентрализации в отечественной доктрине именуют «разумной централизацией» (Chikhladze & Larichev, 2020), а модель организации местного самоуправления в подобном ключе принято характеризовать как «гибридную» (Klishas & Eremyan, 2014). Подобный подход позволяет достичь должного баланса между государственными интересами и самостоятельностью местного самоуправления, направленной на удовлетворения прежде всего интересов местного населения.

В силу того, что институт координации в Испании активно применяется сравнительно давно, в правоприменительной практике (в первую очередь — практике Конституционного суда Испании) выработаны важные позиции, характеризующие сущность института координации. Данные позиции могут быть учтены при дальнейшей правовой регламентации института координации в российском законодательстве.

Условия и порядок осуществления координации

Субъекты, осуществляющие координацию деятельности органов местного самоуправления

Законодательство и Конституционный суд Испании (постановление 27/1987) исходят из того, что координацию деятельности местных органов

власти вправе осуществлять как государство, так и автономные сообщества (в зависимости от распределения компетенции между ними) в лице уполномоченных органов. В большинстве случаев она осуществляется автономными сообществами.

Одной из особенностей института координации в Испании является ее преимущественно административный характер. Испанское законодательство весьма последовательно разделяет политические органы управления и административные (Zelentsov & Yastrebov, 2019), для последних используется термин «*administración pública*», дословный перевод которого — «публичная администрация» — широко используется в отечественной доктрине административного права (Kozyrin & Shtatina (eds.), 2003). Такое разделение осуществляется как на национальном, так и на региональном уровне.

Преимущественно административный характер координации подчеркивается в различных нормативных правовых актах. Принцип координации, закрепленный в ст. 103 Конституции Испании, является принципом деятельности именно публичной администрации. В дальнейшем указанный принцип раскрывается в государственном и региональном законодательстве применительно к национальной (государственной) публичной администрации (Закон 40/2015, Закон 7/1985) и соответствующих публичных администраций автономных сообществ.

Административный характер координации предполагает, что координацию, как правило, осуществляют соответствующие органы (аналоги министерств) публичной администрации в составе исполнительных органов власти автономных сообществ. Так, в автономном сообществе Галисия основные полномочия по административной координации деятельности муниципиев возлагаются на отраслевые административные органы (исп.: «*Consejerías*»), чья деятельность регулируется Законом автономного сообщества Галисия от 16/2010 от 17.12.2010 «Об организации и функционировании общей администрации и публичного сектора в Галисии»¹².

Координация деятельности местных органов власти со стороны политических органов управления (в частности, Правительства Испании) рассматривается, в соответствии со ст. 59 Закона 7/1985, скорее как исключение из правила. В некоторых случаях аналогичные исключения закреплены для автономных сообществ (например, для Правительства (Хунты) автономного сообщества Галисия¹³ или Генералитета (*ucn.*: *Generalidad*) — высшего органа самоуправления, — автономного сообщества Валенсия¹⁴, но в таких случаях речь, как правило, идет о координации деятельности провинций — местных территориальных образований верхнего уровня¹⁵.

¹² Закон автономного сообщества Галисия от 16/2010 от 17.12.2010 «Об организации и функционировании общей администрации и публичного сектора в Галисии». Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2011-2544> (дата обращения: 04.01.2022).

¹³ Дополнительное положение 3 Устава автономии Галисии. Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1981-9564> (дата обращения: 04.01.2022).

¹⁴ Статья 66 Устава автономии Валенсии. Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1982-17235> (дата обращения: 04.01.2022).

¹⁵ В испанской системе местного самоуправления основные полномочия по решению вопросов местного значения осуществляются, по общему правилу, местными территориальными образованиями

В Российской Федерации координация деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти, согласно ч. 2 ст. 2 Федерального закона № 394-ФЗ, осуществляется Президентом Российской Федерации, а также в пределах своей компетенции Правительством Российской Федерации, Государственным Советом, другими органами публичной власти. При этом очевидно, что органы местного самоуправления наиболее тесно взаимодействуют с органами государственной власти субъектов Российской Федерации. На необходимость такого взаимодействия, а также на «объективно наиболее тесную взаимосвязь» местных и региональных органов публичной власти не раз обращал внимание Конституционный суд Российской Федерации, в том числе в постановлении по Иркутскому делу.

Логично предположить, что и координацию деятельности органов местного самоуправления, в случае дальнейшего развития на практике указанного института, призваны осуществлять в первую очередь именно органы государственной власти субъекта Российской Федерации. Закрепленный в норме ч. 1 и 2 ст. 2 Федерального закона № 394-ФЗ перечень субъектов, осуществляющих координацию, не является исчерпывающим, следовательно, органы государственной власти субъекта Российской Федерации потенциально также вправе осуществлять координацию деятельности органов местного самоуправления «в пределах их полномочий».

Однако пока норма ч. 2 ст. 2 Федерального закона № 394-ФЗ не получила дальнейшего развития применительно к деятельности органов местного самоуправления. Полномочия по координации подробно не раскрываются ни в рамках Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», ни в рамках проекта федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

В контексте сравнения с Испанией обращает внимание, что буквальное толкование норм о координации в российском законодательстве свидетельствует о том, что координация не имеет ярко выраженный административный характер. Напротив, в качестве субъектов, осуществляющих координацию, перечислены органы, осуществлявшие политическое руководство (Президент, Правительство). Стоит также отметить, что в единую систему публичной власти входят все органы государственной власти и органы местного самоуправления, включая представительные и исполнительно-распорядительные, а также государственные органы (ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 394-ФЗ). Следовательно, формально это можно толковать как возможность осуществления координации любыми органами государственной власти (и государственными органами) над, соответственно, любыми органами местного самоуправления.

Однако важно отметить, что российское законодательство не всегда однозначно разделяет органы публичной власти строго на политические и административные, как это принято в Испании и ряде других государств. В этой связи, как представляется, не стоит ожидать существенного изменения концепции

первого уровня — муниципиями. Провинции нередко играют в основном координирующую для муниципий роль, выступая промежуточным звеном между муниципиями и автономными сообществами.

взаимодействия органов государственной власти (и государственных органов) и органов местного самоуправления в части субъектного состава. В большей степени такое взаимодействие, включая потенциальное применение координации, наиболее вероятно будет строиться, с одной стороны, на активном взаимодействии глав субъектов Российской Федерации с главами муниципальных образований и местных администраций, а в остальной части носить преимущественно административный характер.

Условия осуществления координации деятельности органов местного самоуправления

В основу разграничения компетенции между различными территориальными образованиями Испании положен принцип интереса, который в известной степени является условным. Поскольку в решении одного и того же вопроса может проявляться интерес территориальных образований разного уровня (чаще — местного и регионального), законодательство Испании исходит из необходимости осуществления полномочий местными органами власти исходя из следующих принципов: субсидиарности и автономии с одной стороны (элементы децентрализации власти), координации и солидарности — с другой (элементы централизации власти).

Одним из проявлений принципа солидарности является норма ч. 2 ст. 7 Закона 7/1985, согласно которой местные органы при осуществлении полномочий должны учитывать интересы автономных сообществ и государства, имея в виду необходимость должной координации при планировании и осуществлении своих собственных полномочий с иными публичными администрациями. Согласно ч. 1 ст. 10 Закона 7/1985 местные органы власти и иные публичные администрации (региональные и общегосударственная) строят свои взаимоотношения на основе взаимного информирования, сотрудничества, координации и уважения компетенции друг друга.

Нормы ст. 10 и 59 Закона 7/1985 закрепляют ряд условий применения координации:

Условие № 1. Координация должна осуществляться на основании закона.

Закон должен определять с достаточной степенью детализации условия и пределы координации. Указанное условие имеет значение с различных точек зрения: в первую очередь, такой подход способствует обеспечению правовой определенности; кроме того, он позволяет местным органам власти защитить свои права в судебном порядке, в том числе средствами конституционного судопроизводства путем обжалования соответствующего закона по специально предусмотренной законом процедуре.

Как правило, координация осуществляется посредством принятия законов о координации в конкретных сферах. Наиболее часто встречаются законы о координации деятельности местной полиции¹⁶. Альтернативный подход —

¹⁶ Например, Закон Андалусии 13/2001 от 11.12.2001 «О координации местной полиции». Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2002-548> (дата обращения: 06.01.2022).

включение подробных положений о координации в общий закон о местной полиции¹⁷. Нередки случаи координации в сфере общественного транспорта¹⁸.

Интересен подход автономного сообщества Валенсия, где в Уставе автономии закреплена возможность Генералитета осуществлять координацию деятельности провинций в тех сферах, в которых присутствует региональный интерес. Отдельным законом¹⁹ закреплены сферы, в которых имеется региональный интерес и, следовательно, потенциально может осуществляться координация (на основании отдельного закона для конкретной сферы).

Условие № 2. Законодательством закреплён исчерпывающий перечень ситуаций, когда может осуществляться координация:

а) когда деятельность местных органов или оказываемые ими услуги выйдут за рамки собственного интереса муниципалитета или провинции; или

б) когда деятельность местных органов или оказываемые ими услуги влияют на деятельность органов власти автономного сообщества или государства; или

в) когда деятельность местных органов или оказываемые ими услуги являются конкурентными или дополняющими для деятельности (услуг) органов власти автономного сообщества или государства.

В испанской доктрине в этой связи отмечается, что применение координации возможно тогда, когда имеет место явная взаимозависимость (между местными и региональными органами) в отношении координируемой деятельности (Sánchez Morón, 1992).

Условие № 3. Координация может осуществляться в том случае, если применение сотрудничества (более «мягкой» для местной автономии формы) не представляется возможными или не является эффективным;

Условие № 4. Применение координации должно быть обусловлено необходимостью обеспечения согласованности действий органов власти разного уровня.

Примечательна в этом смысле точка зрения профессора Университета Кордобы Мануэля Пуиха, который отмечает, что координация совместима с принципом местной автономии тогда, когда она направлена на обеспечение единства правопорядка и законности, а не на закрепление доминирующего положения государственной или региональной администрации применительно к отдельным публичным функциям (Rebollo Puig, 2019).

Таким образом, применение координации в отношении деятельности органов местного самоуправления в Испании возможно только при одновременном соблюдении вышеуказанных условий. Такое ограничение направлено на недопущение произвольного негативного влияния на местную автономию, которое происходит при применении координации.

¹⁷ Закон Каталонии 16/1991 от 10.07.1991 «О местной полиции». Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1991-20343> (дата обращения: 06.01.2022).

¹⁸ Закон Галисии 6/1999 от 09.07.1999 «О координации оказания услуг в сфере городского транспорта и междугородного автомобильного транспорта в Галисии». Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1996-19261> (дата обращения: 06.01.2022).

¹⁹ Закон Валенсии 2/1983 от 04.10.1983. Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1984-657> (дата обращения: 06.01.2022).

Важно отметить, что ранее ст. 10 Закона 7/1985 закреплялось, что координация ни при каких обстоятельствах не должна ограничивать местную автономию. Впоследствии указанная норма была скорректирована, в ней указано, что координация должна соотноситься с местной автономией, имея в виду необходимость соотношения степени ограничения местной автономии и целей (интереса), ради которого осуществляется координация.

Основными формами осуществления координации в Испании являются планирование и создание координационных органов. Указанные формы нередко применяются совместно: координационные органы могут разрабатывать соответствующие планы. Возможность создания координационных органов предусмотрена ст. 154 Закона 40/2015. Такие органы состоят из представителей государства и/или автономного сообщества и представителей местных образований, при их формировании, как правило, соблюдается принцип равного представительства. Принятые ими решения оформляются в виде соглашений, являются обязательными для подписавших их субъектов и подлежат принудительному исполнению в порядке административного судопроизводства. Примерами таких органов являются Межинституциональный орган социальной службы Страны Басков²⁰, Транспортный консорциум Мальорки, образованный законом Балеарских островов 8/2006 от 14.06.2006²¹.

В отношении планирования важно отметить, что оно осуществляется с соблюдением ряда условий: во-первых, координируемые субъекты должны принимать участие в разработке соответствующих планов. Такие планы, по общему правилу, являются обязательными для координируемых субъектов, при этом они должны иметь определенную дискрецию. Условие о наличии дискреции характерно для применения координации в любой форме, в противном случае полномочия местных органов, осуществляемые в режиме координации, даже на бумаге будет трудно назвать их собственными.

Согласование планов призвано способствовать устранению или минимизации дублирования полномочий различных органов власти, противоречий или несогласованности их действий. Инструмент согласования планов как форма координации активно применяется в дорожной, транспортной сферах, деятельности по борьбе с лесными пожарами и иных сферах (например, Закон автономного сообщества Астуриас 8/2006 от 13.11.2006 «О дорогах»²²). Уместно его применение и в градостроительстве (García Rubio, 2021). Напротив, отсутствие подобных инструментов согласования действий органов публичной власти рассматривается представителями испанской доктрины как серьезная проблема, характерная, например, для таких сфер, как борьба с изменением климата (Presicce, 2021) или развитие туризма в охраняемых природных зонах (Mendoza-Montesdeoca, Rivera-Mateos & Doumet-Chilán, 2022).

²⁰ Закон Страны Басков 12/2008 от 05.12.2008 «О социальных услугах». Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2011-15726> (дата обращения: 07.01.2022).

²¹ Закон Балеарских островов 8/2006 от 14.06.2006. Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2006-12862>. (дата обращения: 07.01.2022).

²² Закон автономного сообщества Астуриас 8/2006 от 13.11.2006 «О дорогах». Режим доступа: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2007/BOE-A-2007-99-consolidado.pdf>. (дата обращения: 07.01.2022).

Таким образом, испанское законодательство содержит требования как к порядку, так и к условиям осуществления координации деятельности местных органов власти. Некоторые из них сформулированы однозначно и имеют императивный характер (осуществление координации только на основании конкретного закона), другие имеют характер оценочный с довольно широкой дискрецией для правоприменителя. При этом в контексте сравнения с Россией стоит отметить, что в Испании координация является одним из основных (наряду с контролем, который в связи с применением координации также весьма ограничен) способом административного воздействия государственных и региональных органов власти на деятельность местных органов.

В частности, органы власти автономных сообществ не участвуют в формировании местных органов власти. Территориальное устройство в Испании является весьма устоявшимся, и даже проблемы эффективности деятельности маленьких муниципиев далеко не всегда решаются их объединением с другими муниципиями, не говоря уже об упразднении муниципиев как вида в принципе (Rebollo Puig, 2021; Martín Cubas, 2021).

В Российской Федерации у органов государственной власти перечень инструментов воздействия на деятельность органов местного самоуправления значительно шире. Так, органы государственной власти вправе участвовать в формировании органов местного самоуправления, и данная опция применяется на практике весьма активно²³. Одним из последних трендов является участие региональных органов власти в согласовании кандидатур отдельных должностных лиц муниципальных образований²⁴, весьма активное применение института перераспределения полномочий. При этом органам государственной власти субъектов Российской Федерации предоставлены широкие (по сравнению с Испанией) возможности для привлечения органов местного самоуправления к ответственности.

В указанных условиях детальное регулирование института координации деятельности органов местного самоуправления приобретает дополнительную актуальность. Последние тенденции развития отечественного законодательства о местном самоуправлении свидетельствуют о превалировании элементов централизации власти. В этой связи потенциальное применение координации не должно дополнительно усиливать эти тенденции, а в идеале — принять на себя часть механизмов воздействия на деятельность органов местного самоуправления.

В настоящее время порядок и условия применения координации сформулированы преимущественно в общем виде, с точки зрения общих целей применения координации. Так, содержащееся в ст. 2 Федерального закона № 394-ФЗ определение понятия координация указывает, что она осуществляется в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих

²³ При этом законопроектом № 40361-8 предлагается предоставить главе субъекта Российской Федерации право самостоятельно представлять кандидатов на должность главы муниципального образования, главы местной администрации, исключив из этой процедуры предусмотренную действующим законодательством конкурсную комиссию.

²⁴ См., например, норму ч. 1.1 ст. 8 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

в единую систему публичной власти. Также в ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации закреплено, что взаимодействие органов публичной власти осуществляется для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, а в ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 394-ФЗ указано, что органы публичной власти осуществляют свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

В настоящее время остается до конца неясным замысел отечественного законодателя относительно института координации и его применения к деятельности органов местного самоуправления. Исходя из текущего регулирования, в том числе указания на таких субъектов, осуществляющих координацию, как Президент, Правительство и Государственный Совет, институт координации на данном этапе, вероятно, рассматривается как механизм по обеспечению единства публичной власти федеральными органами государственной власти во главе с Президентом. В таком случае координация, по всей видимости, будет носить больше политический, чем административный, характер, и будет распространяться в большей степени на деятельность федеральных и региональных органов государственной власти. В отношении органов местного самоуправления стоит ожидать формулирования некоторых целей и задач.

Однако поскольку органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти, а координация, согласно Федеральному закону № 394-ФЗ, осуществляется в отношении всех органов публичной власти, возможно и постепенное расширение механизмов координации, в том числе со стороны органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В данном случае стоит ожидать более административного характера координации.

Учитывая отмеченную ранее тенденцию к централизации власти, наличие имеющихся механизмов воздействия на деятельность органов местного самоуправления, а также принимая во внимание исследованный в настоящей работе испанский опыт, институт координации применительно к деятельности органов местного самоуправления в России требует дополнительной регламентации в части порядка и условий ее применения. В первую очередь речь идет о формулировании более конкретных условий осуществления координации (в этой части соответствующий испанский опыт может быть усовершенствован в части более детальной конкретизации условий). При этом такая регламентация должна носить комплексный характер и учитывать текущие формы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти.

Заключение

Исследование опыта России и Испании в контексте института координации деятельности местных органов власти показывает, что координация в обеих странах рассматривается как инструмент, направленный на обеспечение взаимодействия и согласованной деятельности органов публичной власти разного уровня. Необходимость обеспечения такого взаимодействия проистекает из природы соответствующих конституционных норм.

Подходы к правовой природе координации в российской и испанской правоприменительной практике и доктрине в некоторых аспектах схожи: отмечается, что координация в той или иной степени ограничивает самостоятельность местных органов власти во имя обеспечения интереса, выходящего за рамки местного. Координация по своей природе является элементом централизации публичной власти.

Координация в Испании применяется в контексте осуществления полномочий: собственные полномочия муниципиев (реже — провинций) осуществляются при определенном участии региональных (реже — общегосударственных) органов власти.

В России до недавнего времени понятие координации в подобном контексте закреплено не было. При этом влияние на деятельность органов местного самоуправления со стороны государственных (как правило — региональных) органов власти, с целью обеспечения согласованности действий, оказывается преимущественно в части кадровой политики (участие в формировании органов и должностных лиц местного самоуправления), перераспределения и делегирования полномочий (в отличие от совместного их осуществления, как происходит в рамках «испанской» координации). Подобный подход вызывает обоснованную озабоченность у представителей научного сообщества с точки зрения реализации принципа самостоятельности органов местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления.

Закрепленное в Федеральном законе «О государственном Совете Российской Федерации» понятие координации в большей степени соответствует той координации, которая понимается в испанском законодательстве, а также в правовой доктрине исследуемых государств: координации в части осуществления полномочий. При этом упомянутая в данном законе координация касается органов публичной власти всех уровней. Конкретизации в отношении ее применения к деятельности органов местного самоуправления в настоящий момент не предусмотрено ни в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», ни в проекте Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Вместе с тем испанский законодательный опыт и правоприменительная практика показывают, что эффективное и разумное (с точки зрения баланса централизации и децентрализации публичной власти) применение координации возможно при более детальном регулировании указанного института. В частности, основополагающими принципами применения координации является ее применение только на основании конкретного закона, формулирование в законодательстве условий ее применения, закрепление альтернативных способов обеспечения согласованности действий (солидарности) между органами публичной власти разного уровня.

Являясь в большей степени централизующим элементом, координация содержит в себе некоторый потенциал для децентрализации власти. Его реализация возможна посредством ограничения иных механизмов централизации (например, контроля и ответственности, эти механизмы частично берет на себя

координация), а также расширения собственных полномочий муниципальных образований. В данном случае применяется подход, согласно которому местные органы осуществляют больше полномочий, но часть из них — в режиме координации.

В России координация также может быть использована для достижения баланса между перманентно соперничающими механизмами централизации и децентрализации власти, что является важной задачей при реформировании института местного самоуправления. При достижении такого баланса обеспечивается разумное сочетание в реализации как принципа единства публичной власти, так и принципа самостоятельности местного самоуправления.

Для достижения такого результата с помощью координации в отечественном законодательстве необходимо некоторое изменение подхода к правовому регулированию местного самоуправления. Так, применение механизма координации при осуществлении органами местного самоуправления полномочий может хотя бы отчасти заменить собой так называемую «кадровую координацию» (участие региональных органов власти в формировании органов и должностных лиц местного самоуправления). Также представляется возможным инкорпорирование опыта Испании в части расширения полномочий органов местного самоуправления, часть из которых может осуществляться в режиме координации. Подобный подход является альтернативой предлагаемому в законопроекте о местном самоуправлении подходу к распределению полномочий между местными и региональными органами публичной власти.

Таким образом, учитывая опыт Испании в части применения института координации, а также тенденции правового регулирования местного самоуправления в России, представляется целесообразным в новом законе о местном самоуправлении, который, очевидно, будет принят в ближайшем будущем, урегулировать ряд аспектов, касающихся координации деятельности органов местного самоуправления. Представляется крайне важным с высокой степенью конкретизации закрепить условия и порядок осуществления координации, в том числе с их дифференциацией применительно к координируемым субъектам — федеральным и региональным органам государственной власти. Такая дифференциация обусловлена различными интересами — общегосударственными и региональными соответственно.

Также видится перспективным использование института координации в качестве альтернативы применяемым в настоящее время и предлагаемым к расширению механизмам обеспечения согласованности действий органов публичной власти, в особенности — участием в формировании органов местного самоуправления. Такой подход позволит использовать потенциал координации для некоторой децентрализации публичной власти на местном уровне. В случае же сохранения существующих механизмов обеспечения согласованной деятельности местных и региональных органов власти и добавления к ним инструментов координации (особенно без подробного регулирования данного института применительно к деятельности органов местного самоуправления) соответствующий баланс между децентрализацией и централизацией публичной власти будет существенно смещен в сторону последней.

References / Список литературы

- Chikhladze, L.T. & Larichev, A.A. (2020) The dualistic model and “rational centralization” as factors of the effective functioning of local government within the Russian public authority mechanism. *RUDN Journal of Law*. 24 (2), 233—251. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-2-233-251> (in Russian).
Чихладзе Л.Т., Ларичев А.А. Дуалистическая модель и «разумная централизация» как факторы эффективного функционирования местного самоуправления в системе публичной власти Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 233—251. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-2-233-251>
- De la Vallina Velarde, J.L. (2003) La administración local en el Principado de Asturias: relaciones con la Comunidad Autónoma. *Revista de estudios de la administración local*. (291), 1167—1196.
- Fernández-Rubio Hornillos, G. (2017) *Competencias municipales: tipologías y régimen jurídico. Tesis doctoral*. Madrid. Available at: <https://eprints.ucm.es/id/eprint/41062/1/T38335.pdf> [Accessed 7th January 2022].
- García Rubio, F. (2021) Relaciones administrativas intersubjetivas en materia de urbanismo. *Revista de Derecho Urbanístico y Medio Ambiente*. 55 (350), 19—76.
- Kazannik, A.I. (2016) In the grip of pointless constructions. *State power and local self-government*. (6), 22—26. (in Russian).
Казанник А.И. В плену надуманных конструкций // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 6. С. 22—26.
- Klishas, A.A. (2019) Separatism is outside the law. *RUDN Journal of Law*. 23 (1), 9—26. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-1-9-26> (in Russian).
Клишас А.А. Сепаратизм вне права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 1. С. 9—26. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-1-9-26>
- Klishas, A.A. & Eremyan, V.V. (2014) Constitution and practice of self-organization of the local community. *Vestnik Soveta Federatsii*. (1), 44—55. (in Russian).
Клишас А.А., Еремян В.В. Конституция и практика самоорганизации местного населения // Вестник Совета Федерации. 2014. № 1. С. 44—55.
- Kozyrin, A.N. & Shtatina, M.A. (eds.) (2003) *Administrative law of foreign countries*. Moscow, Spark Publ. (in Russian).
 Административное право зарубежных стран / под ред. А.Н. Козырина, М.А. Штатиной. М.: Спарк, 2003. 464 с.
- Maksurov, A.A. (2011) Draft Federal law «On coordination of activity of federal agencies of state power of the Russian Federation, grounds for coordination of activity of the agencies of state power of the subjects of the Russian Federation and agencies of local self-coordination of the Russian Federation». *State Power and Local Self-Government*. (9), 27—35. (in Russian).
Максуров А.А. Проект Федерального закона «О координации деятельности федеральных органов государственной власти Российской Федерации, основах координации деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления Российской Федерации» // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 9. С. 27—35.
- Martín Cubas, J. (2021) Gobernanza democrática y desarrollo sostenible en los pequeños municipios de la España despoblada. In: Chikhladze L., Komlev E. eds. *Problems and Prospects for the Development of Local Self-Government in the Russian Federation and Foreign Countries: collection of materials of the All-Russian conference with international participation*. 19—23, April, 2021. Moscow, RUDN University.

- Mendoza-Montesdeoca, I., Rivera-Mateos, M. & Doumet-Chilán, Y. (2022) Políticas públicas ambientales y desarrollo turístico sostenible en las áreas protegidas de Ecuador. *Revista de Estudios Andaluces*. (43), 106—124. <https://dx.doi.org/10.12795/rea.2022.i43.06>
- Presicce, L. (2021) *Los entes locales en la acción climática global: responsabilidades, retos y perspectivas jurídicas*. Tesis doctoral. España, Universidad Rovira i Virgili.
- Rebollo Puig, M. (2019) Autonomía local y tutela. Un equilibrio inestable. *Documentación Administrativa*. (6), 43—80. <https://doi.org/10.24965/da.i6.10764>
- Rebollo Puig, M. (2021) Soluciones a los pequeños municipios. In: Chikhladze L., Komlev E. eds. *Problems and Prospects for the Development of Local Self-Government in the Russian Federation and Foreign Countries: collection of materials of the All-Russian conference with international participation*. 19—23, April, 2021. Moscow, RUDN University.
- Sánchez Morón, M. (1992) La coordinación administrativa como concepto jurídico. *Documentación administrativa*. (230—231), 11—30.
- Santamaría Pastor, J.A. (1988) *Fundamentos de Derecho Administrativo*. Madrid, Editorial Ceura.
- Timofeev, N.S. (2015) At the waterhead of the contemporary of local self-government of Russia: on the 25th anniversary of the USSR Law «On General Fundamentals of Self-Government and Local Economy in the USSR». *Constitutional and Municipal Law*. 6, 63—68. (in Russian).
Тимофеев Н.С. У истоков современной модели местного самоуправления России: к 25-летию Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 63—68.
- Yevdokimov, V.B. & Konyshova, E.G. (2016) Local government within the system of public authorities: paths of constitutional development. *State Power and Local Self-Government*. 11, 18—23. (in Russian).
Евдокимов В.Б., Коньшова Е.Г. Местное самоуправление в системе публичной власти: конституционные пути развития // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 11. С. 18—23.
- Zelentsov, A.B. & Yastrebov, O.A. (2019) The concept of public administration in modern administrative law (comparative legal research). *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 10 (4), 626—654. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.402> (in Russian).
Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Концепция публичной администрации в современном административном праве (сравнительно-правовое исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 10 (4), 626—654. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.402>

Сведения об авторе:

Комлев Евгений Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры муниципального права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент департамента публичного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трехсвятительский переулок, д. 3

ORCID ID: 0000-0001-7246-8014; SPIN-код: 4470-8099; AuthorID: 927596

e-mail: Komleve@mail.ru; Komlev_eyu@pfur.ru

About the author:

Evgeny Y. Komlev — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Municipal Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Associate professor, School of Public Law, Faculty of Law, Higher School of Economics (HSE University); 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-7246-8014; SPIN-code: 4470-8099; AuthorID: 927596

e-mail: Komleve@mail.ru; Komlev_eyu@pfur.ru

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-655-677>

Научная статья

Беспрецедентное право: защита российской финансовой системы от влияния санкций

Е.А. Цепова

Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Российская Федерация
[✉tsepova_ea@pfur.ru](mailto:tsepova_ea@pfur.ru)

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи являются специальные экономические меры, принятые Российской Федерацией для противодействия санкциям, введенным рядом государств (США, Соединенное Королевство, некоторые страны ЕС и другие) в начале 2022 года. В статье рассматривается понятие «экономические санкции», а также основные цели их применения. Автором проведен анализ мирового опыта применения санкций в отношении таких стран, как Иран, КНДР, Венесуэла, исследованы причины введения ограничений и их экономические последствия. Особое внимание уделено исследованию экономических мер, введенных в отношении России западными странами, и их беспрецедентному характеру. Кроме того, исследованы основные ответные меры Российской Федерации. В ходе исследования доказано, что несмотря на негативные последствия, введение санкций не вызвало краха российской экономики, как предрекали западные лидеры. Автором сделаны выводы об эффективности и своевременности предпринятых защитных мер. Кроме того, установлено, что введение санкций привело к крайне негативным последствиям для финансовой системы стран, применивших ограничения вопреки соображениям экономической эффективности. Это указывает на крайне деструктивный характер экономических санкций в качестве инструмента внешнеполитического и экономического воздействия.

Ключевые слова: экономические санкции, Россия, специальные экономические меры, валютные ограничения, финансово-правовое регулирование, международное право

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности и информация о финансировании. Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

© Цепова Е.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Дата поступления в редакцию: 6 июня 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Цепова Е.А. Беспрецедентное право: защита российской финансовой системы от влияния санкций // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 655—677. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-655-677>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-655-677>

Research Article

Unprecedented law: protecting the Russian financial system against the impact of sanctions

Ekaterina A. Tsepova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

[✉tsepova_ea@pfur.ru](mailto:tsepova_ea@pfur.ru)

Abstract. The subject of this article is the special economic measures adopted by the Russian Federation to counter the sanctions imposed by a number of states (the United States, the United Kingdom, some EU countries) at the beginning of 2022. The article reviews the concept of “economic sanctions” and its main goals. The author analyzes the experience of sanctions against such countries as Iran, North Korea, and Venezuela, including the reasons for imposing restrictions and their economic consequences. Particular attention is paid to the economic measures imposed against Russia and their unprecedented nature. Besides, the main response measures of the Russian Federation are studied. It was proved that despite the negative consequences, the sanctions did not collapse the Russian economy, as predicted by Western leaders. The author makes conclusion concerning effectiveness and timeliness of the taken protective measures. Moreover, it was found that the sanctions led to extremely negative consequences for the financial system of the countries that imposed restrictions contrary to the ideas related to economic efficiency. This indicates the extremely destructive nature of economic sanctions as an instrument of foreign policy and economic influence.

Key words: economic sanctions, Russia, special economic measure, currency restrictions, financial and legal regulation, international law

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Acknowledgments and Funding information. The article was prepared within the Grant of the President of the Russian Federation No. IIII-3270.2022.2 “Evolution or revolution of civil justice: digitalization through the prism of artificial intelligence”.

Article received 6th June 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Tsepova, E.A. (2022) Unprecedented law: protecting the Russian financial system against the impact of sanctions. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 655—677. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-655-677>

Введение

После начала специальной военной операции на Украине Российская Федерация столкнулась с беспрецедентными внешнеполитическими вызовами, став мировым лидером по числу введенных против нее экономических санкций¹. Еще несколько месяцев назад такой сценарий казался маловероятным: около половины золотовалютных резервов России заморожено США и другими странами, крупнейшие российские банки отключены от системы передачи финансовых сообщений SWIFT, российским авиакомпаниям запрещены полеты над территорией множества государств, обсуждается эмбарго на российские энергоносители в странах ЕС. С последствиями ограничений столкнулось не только государство, бизнес, но и граждане. Впервые экономические санкции были введены не только на уровне правительств, но также исходили от отдельных иностранных лиц: многие компании ушли с российского рынка, приостановили деятельность в России международные платежные системы MasterCard и Visa. Клиенты из России сталкиваются с массовой заморозкой активов иностранными организациями финансового рынка.

Все вышеперечисленное формирует совершенно новую основу экономического и правового регулирования, для которой характерен приоритет политического курса над рыночными механизмами и ключевыми правовыми принципами, такими как всеобщее равенство перед законом, неприкосновенность частной собственности и недопустимость дискриминации по национальному признаку. Массовое вытеснение на международном уровне правового регулирования политическим приводит к игнорированию основополагающих принципов и ранее недопустимой правоприменительной практике.

В наиболее общем смысле под экономическими санкциями понимаются карательные и сдерживающие действия, предпринимаемые одним правительством, правительствами нескольких государств или межправительственной организацией (например, ООН) против другой страны, юридического лица или физического лица (Cleveland, 2001). Санкции могут принимать различные формы, наиболее распространенными являются: торговое эмбарго и иные торговые санкции, экспортный контроль, контроль за движением капитала, заморозка или арест активов, визовые ограничения для физических лиц. Эти меры рассматриваются как попытка воспрепятствовать целенаправленной политике, изменить стратегические решения государственных и негосударственных субъектов, которые угрожают интересам других государств (Masters, 2019).

Например, санкции США разной степени воздействия введены в отношении более чем 30 государств, а в списке лиц, попавших под персональные

¹ Государственная Дума Российской Федерации. Новости. 8.05.2022. Вячеслав Володин: против России введено 10 128 санкций. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/54246/> (дата обращения: 13.04.2022).

блокирующие санкции США (SDN-list) более 1800 страниц. Администрированием и обеспечением соблюдения экономических и торговых санкций, основанных на внешней политике, в США занимается Управление по контролю за иностранными активами (Office of Foreign Assets Control или OFAC) при Министерстве финансов. По официальной информации данного ведомства, санкции введены против определенных иностранных государств и лиц, создающих угрозу национальной безопасности, внешней политике или экономике Соединенных Штатов². Европейский Союз сформулировал возможные причины введения экономических санкций еще более обобщенно. Санкции ЕС вводятся в целях «содействия миру и безопасности на международном уровне, предотвращения конфликтов, поддержки демократии, верховенства закона и прав человека и защиты принципов международного права»³.

Несмотря на благородные (на первый взгляд) цели, многие ученые отождествляют экономические санкции с военными действиями (Bulychev & Korgun, 2019), используя для этого соответствующую терминологию, например, «оружие международной деятельности» (weapon in transnational efforts) (Cleveland, 2001) или «финансовое оружие» (financial weapons) (Lin, 2016).

Санкции рассматриваются как альтернатива вооруженному конфликту, которая сопровождается меньшими расходами и рисками безопасности⁴. Примечательной в этом отношении является позиция Североатлантического Альянса, открыто призывающего к введению экономических санкций в качестве меры принуждения к изменению поведения и сигнала другим странам о том, что та или иная деятельность неприемлема (Bolton, 2019). НАТО, являясь военным альянсом, рассматривает санкции, как один из неотъемлемых инструментов внешней политики, а также активно содействует разработке таких мер на международном уровне⁵.

Сходство с военным конфликтом выражено также и в том, что введение санкций против отдельного государства негативно сказывается на уровне жизни всего населения, в первую очередь, его малообеспеченных слоев и среднего класса. В рамках политической риторики введение санкций против государства, как правило, оправдывается попыткой воздействовать на его власти и избежать негативных последствий для населения. Например, согласно официальным разъяснениям Европейской комиссии, экономические санкции против России, введенные в феврале 2022 года, «нацелены на минимизацию негативных

² U.S. Department of the treasury. Office of Foreign Assets Control — Sanctions Programs and Information. Available at: <https://home.treasury.gov/policy-issues/office-of-foreign-assets-control-sanctions-programs-and-information> [Accessed 19th April 2022].

³ European Commission. Sanctions adopted following Russia's military aggression against Ukraine. Available at: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/international-relations/restrictive-measures-sanctions/sanctions-adopted-following-russias-military-aggression-against-ukraine_en#sanctions [Accessed 17th April 2022].

⁴ Masters J. What are economic sanctions? Council on Foreign Relations. 12th August 2019. Available at: <https://www.cfr.org/background/what-are-economic-sanctions> [Accessed 5th May 2022].

⁵ Encke F. An independent and sovereign Ukraine is key to Euro-Atlantic security. NATO Review 08 July 2020. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2020/07/08/an-independent-and-sovereign-ukraine-is-key-to-euro-atlantic-security/index.html> [Accessed 6th May 2022].

последствий для населения России»⁶. Трудно поверить, что авторам этих разъяснений неизвестны разрушительные последствия масштабных экономических санкций, такие как растущая инфляция, девальвация национальной валюты, безработица, трудности с поставками продуктов питания и лекарств, а также крайне негативное влияние этих факторов на уровень жизни населения страны.

Цель исследования

Целью данного исследования является изучение практики применения рядом государств (в первую очередь США, Соединенным Королевством и странами Европейского союза) экономических и правовых механизмов, направленных на изменение внешнеполитического курса других стран (в первую очередь — Российской Федерации), а также анализ специальных экономических мер, принятых для противодействия введенным санкциям. Это позволит расширить существующие научные взгляды на нормы международного и внутригосударственного права в данной сфере. Исследование изменений российского финансового законодательства в контексте противодействия влиянию санкций будет способствовать дальнейшему совершенствованию правовых механизмов в сфере защиты экономики.

Материалы и методы

В данной статье с использованием контент-анализа и доступной экономической статистики рассмотрены основные правовые и экономические меры, способствующие сохранению экономической стабильности Российской Федерации в условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны западных стран. Методическая идея статьи состоит в том, чтобы оценить эффективность предпринятых защитных мер в той степени, насколько это возможно к моменту подготовки статьи. Чтобы гарантировать объективность исследования, в статье используются как российские, так и иностранные источники информации, в том числе относящиеся к странам, которые ввели санкции в отношении России.

Теоретическую основу исследования составили работы, посвященные изучению экономических санкций, их значению в международном праве и влиянию на экономику: Булычева Г.Б., Коргуна И.А., Захарова Л.В., Комшукова О.В., Мамедова Н.М., Толорая Г.Д., Коргуна И.А., Горбачева В.О., Юшкова И.В., Archick K., Nelson R.M., Rennack D.E., Welt C., Bolton I.K., Cleveland S.H., Encke F., Mastres J., Lin Tom C.W.

Юридическую основу исследования составили нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие применение специальных экономических мер в целях противодействия санкциям, а также разъяснения органов власти и Банка России. Кроме того, были рассмотрены международные

⁶ European Commission. General questions concerning sanctions adopted following Russia's military aggression against Ukraine. Available at: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/international-relations/restrictive-measures-sanctions/sanctions-adopted-following-russias-military-aggression-against-ukraine_en#horizontal [Accessed 14th April 2022].

и иностранные нормативные правовые акты в сфере применения экономических санкций, принятые США, Европейским союзом, Соединенном Королевством и другими странами, а также дополнения и разъяснения к ним, опубликованные Европейской комиссией и органами власти иностранных государств.

Материалами для исследования послужили сведения российских и иностранных информационных агентств и СМИ (РБК, Reuters, Bloomberg, The Washington Post, The New York Times), а также данные экономической статистики, опубликованные как международными организациями (International Monetary Fund, ОПЕС), так и государственными органами отдельных государств и Центральными банками.

Принимая во внимание цель и ограничения данной статьи, полный анализ правовых и экономических механизмов воздействия санкций, а также углубленная оценка всех экономических показателей не проводится. Вместо этого основное внимание уделено анализу эффективности и целесообразности применения экономических ограничений в отношении Российской Федерации.

Результаты и обсуждение

В статье исследован мировой опыт применения экономических санкций на примере таких стран как КНДР, Иран, Венесуэла.

Иран

Страна, занимающая третье место в мире по запасам нефти⁷. Причиной введения экономических санкций против Ирана стала его ракетная и ядерная программа (Sorokin, 2018). Учитывая сохраняющуюся до сих пор сильную зависимость Ирана от нефтяных доходов, США стали вводить санкции, ограничивающие эти доходы от запрета на закупки иранской нефти до запрета инвестиций в нефтяную и газовую отрасли. Наиболее негативный характер для Ирана имели американские санкции в отношении ограничений инвестиций в энергетическую отрасль, начиная с 1996 года (Mamedova, 2021).

Наиболее жесткие санкции были приняты против Ирана в 2012 и 2013 году. США и ЕС запретили поставки оружия Ирану, иранские банки были отключены от SWIFT, западным банкам было запрещено финансировать иранские компании и кредитные организации (Ushkov, 2016).

В 2012 году резко упали все основные экономические показатели и был продемонстрирован отрицательный рост ВВП. Решения ЕС по отключению Ирана от мировой финансовой системы и нефтяное эмбарго сократили финансовые поступления не только из стран ЕС, но и ограничили возможность сотрудничества и с другими странами. Общий объем экспорта сократился на 25%, а совокупные экспортные доходы от нефти — на 60%. Валютные резервы Ирана составляли около 100 млрд долл., но от 60 до 80 млрд из них оказались заблокированы США и ЕС (Komshukova, 2016). За год (с марта 2012 года по март 2013 года) национальная валюта — иранский реал потерял около 80% стоимости

⁷ ОПЕС. Annual Statistical Bulletin 2021. Available at: <https://asb.opec.org/index.html> [Accessed 13th April 2022].

по отношению к американскому доллару. Инфляция в 2012 году составила 40%, хотя в период с 2000 по 2012 год ее средний показатель не превышал 15%⁸.

Тем не менее, введение санкций не привело к прекращению ядерной программы Ирана. США и ЕС не удалось полностью воспрепятствовать развитию иранской атомной энергетики. Кроме того, в настоящее время США заинтересованы в заключении с Ираном ядерной сделки, подразумевающей отмену или частичное снятие санкций в обмен на отказ от продолжения ядерной программы. Появление на рынке дополнительных объемов нефти из Ирана в результате отмены санкций позволит США усилить давление на союзников, лоббируя введение эмбарго на российскую нефть.

КНДР

Санкции против КНДР начал вводить Совет Безопасности ООН с 2006 года. Причиной послужили проводимые республикой ядерные и ракетные испытания, которые рассматривались как угроза международной безопасности. За более чем 10 лет существования санкционного режима в отношении Северной Кореи международным сообществом были введены значительные ограничения на экономические связи страны с внешним миром в ряде областей (Zakharova, 2019). В частности, был введен запрет на экспорт из КНДР ключевых товаров, а также установлены серьезные ограничения на импорт в Северную Корею топлива и продукции промышленного назначения. Фактически под запретом оказалось 90% номенклатуры для ввоза и вывоза. КНДР была фактически изолирована от финансовой и банковской системы и лишилась доступа к международным транзакциям и иностранным инвестициям (Bulychev & Korgun, 2019).

КНДР засекретила свою экономическую статистику в 1960-е годы, что затрудняет оценку последствий введения санкций. Доступным источником информации о состоянии экономики Северной Кореи является Банк Кореи в Сеуле. По его оценкам, в 2017 и 2018 году сокращение ВВП составило 3,5 и 4,1% соответственно. Спад в добывающей промышленности превысил 17%, в обрабатывающей — был на уровне 9,1% (Toloraya, Korgun & Gorbacheva, 2020). После введения санкций существенно увеличились цены на топливо, под вопросом оказалась и продовольственная безопасность населения.

Негативный эффект санкций на экономику КНДР очевиден, но несмотря на это страна продолжает наращивать свою ядерную программу. Поэтому эффективность санкций с точки зрения политических результатов можно назвать минимальной.

Венесуэла

Обладающая наибольшими разведанными запасами нефти в мире⁹, в прошлом Венесуэла была самой богатой страной в Южной Америке, теперь стала

⁸ International Monetary Fund. Inflation rate, average consumer prices Annual percent change. Available at: <https://www.imf.org/external/datamapper/PCPIPCH@WEO/VEN?zoom=VEN&highlight=VEN> [Accessed 18th April 2022].

⁹ ОПЕК. Annual Statistical Bulletin 2021. Available at: <https://asb.opec.org/index.html> [Accessed 18th April 2022].

одной из самых бедных¹⁰. Санкции против нее начали вводиться в 2005 году. Основной причиной стало изменение политического режима от сравнительно демократического к социалистическому (Sorokin, 2018). Формальным же поводом послужила недостаточно активная борьба руководства Венесуэлы с терроризмом и наркоторговлей.

В 2015 году США закрыл Венесуэле доступ к американским финансовым рынкам, в 2019 году были введены санкции против Центрального банка Венесуэлы, включающие запрет на проведение транзакций в долларах. Кроме того, США был введен запрет на операции с госдолгом Венесуэлы и запрет на совершение сделок с государственной нефтяной компанией *Petroleos de Venezuela (PdVSA)*. Это произошло после того, как в 2018 году Николас Мадуро победил на президентских выборах, но США и Евросоюз отказались признать их результаты.

Последствия санкция для Венесуэлы оказались разрушительными: экономика сократилась на 80% за девять лет, 90% венесуэльцев живут за чертой бедности, страну покинули более 6 миллионов жителей¹¹, инфляция в стране в 2018 году достигла 130,060%¹². Добыча нефти в Венесуэле упала с примерно 2,4 млн баррелей в день в 2015 году до примерно 1 млн баррелей в день в конце 2018 года, прежде чем были введены широкие санкции против PdVSA. В 2018 году Банк Англии отказал руководству Венесуэлы в доступе к золотому запасу страны, хранящемуся там несколько десятилетий.

Тем не менее, введение санкций не повлекло за собой изменение политического курса и смену власти в Венесуэле, Николас Мадуро остается действующим лидером страны, а 68 процентов венесуэльцев считают, что причиной ухудшения качества их жизни стали санкции США (Rendon & Price, 2019).

Во всех рассматриваемых примерах экономические санкции продемонстрировали крайне сомнительную эффективность в качестве инструмента достижения международной безопасности. Они оказали деструктивное влияние на экономику каждой страны, существенно ухудшив качество жизни ее населения, спровоцировали вынужденную миграцию населения (Dudin, Frolova, Kovalev, Ermakova & Kirsanov, 2017). Но ни в одном из случаев не позволили достичь озвученных в рамках демократической риторики целей. Этот вывод можно интерпретировать по-разному: либо выдвинуть предположение, что страны, вводящие санкции, оказались не в состоянии оценить неэффективность предпринимаемых ими мер, продолжая раз за разом действовать ошибочно. Либо

¹⁰ Bloomberg. Venezuela's Maduro Pleads for Foreign Capital, Biden Deal in Caracas Interview (By Erik Schatzker, Patricia Laya, and Alex Vasquez). Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-18/venezuela-s-nicolas-maduro-talks-foreign-investment-sanctions-in-bloomberg-inte?sref=Y0jVLcFo> [Accessed 15th April 2022].

¹¹ Reuters. Venezuelans are starving amid economic crisis, food shortages By Reuters February 22, 2018. Available at: https://nypost.com/2018/02/22/venezuelans-are-starving-amid-economic-crisis-food-shortages/?utm_source=url_sitebuttons&utm_medium=site%20buttons&utm_campaign=site%20buttons [Accessed 18th April 2022].

¹² International Monetary Fund. Inflation rate, average consumer prices Annual percent change. Available at: <https://www.imf.org/external/datamapper/PCPIPCH@WEO/VEN?zoom=VEN&highlight=VEN> [Accessed 20th April 2022].

истинная цель введения экономических ограничений является совсем иной. Автор предполагает, что вторая интерпретация более вероятна.

Можно ли предположить, какую цель в первую очередь преследует введение санкций? Если рассматривать санкционное давление не как конструктивный правовой механизм, а как «экономическое оружие», то его цели становятся вполне очевидными. Более того, они давно сформулированы западными учеными и политиками: «Экономические санкции разработаны и предназначены для причинения финансового ущерба и бедствия противнику в условиях горячей или холодной фазы конфликта» (Lin, 2016), «ЕС принял беспрецедентные меры, направленные на существенное ослабление экономической базы России»¹³, «Наши санкции в отношении России беспрецедентны — ни в каких других обстоятельствах мы не действовали так быстро и так скоординировано, чтобы наложить разрушительные последствия на любую другую страну»¹⁴.

Анализируя подобные заявления, можно прийти к выводу, что США и некоторые их союзники по Североатлантическому альянсу ведут против России полномасштабную экономическую войну, последствия которой призваны в первую очередь снизить качество жизни российского населения, точно так же, как это происходило в других странах (Венесуэла, Иран, КНДР).

Санкции против России

Первые санкции были введены в отношении России 6 марта 2014 года. Поводом к введению санкций послужили действия России в ходе украинского кризиса. Первоначально санкции были введены США, но в период 2014—2015 годов к ним присоединились и другие страны (отдельные страны ЕС, Япония, Канада). Ограничения включали заморозку активов некоторых физических и юридических лиц (включенных в SDN-list), запрет на совершение ими финансовых операций. Отраслевые санкции затрагивали военно-промышленный комплекс, энергетический и банковский сектор и включали запрет на импорт и экспорт вооружений, а также на продажу России товаров двойного назначения и части товаров для энергетического сектора. Был введен запрет и на торговые операции с Республикой Крым.

Следующий этап введения санкций начался 23 февраля 2022 года после признания Российской Федерацией независимости Донецкой и Луганской народных республик¹⁵.

¹³ European Commission. Sanctions adopted following Russia's military aggression against Ukraine. Available at: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/international-relations/restrictive-measures-sanctions/sanctions-adopted-following-russias-military-aggression-against-ukraine_en#sanctions [Accessed 19th April 2022].

¹⁴ The White House. FACT SHEET: United States and Allies and Partners Impose Additional Costs on Russia. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/03/24/fact-sheet-united-states-and-allies-and-partners-impose-additional-costs-on-russia/> [Accessed 20th April 2022].

¹⁵ European Commission. Sanctions adopted following Russia's military aggression against Ukraine. Available at: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/international-relations/restrictive-measures-sanctions/sanctions-adopted-following-russias-military-aggression-against-ukraine_en#sanctions [Accessed 20th April 2022].

В целом введенные экономические санкции направлены на финансовую, энергетическую и транспортную отрасли, поставки технологий и оборудования. Ряд крупных российских банков попали под блокирующие санкции США, ЕС и Соединенного Королевства (включая Сбер, Альфабанк, ВТБ, Открытие, Новикомбанк, Промсвязьбанк, Совкомбанк, Россия), некоторые банки были также отключены от международной системы передачи финансовых сообщений SWIFT, что делает для них невозможными расчеты в таких валютах, как доллар США, евро, фунт стерлингов и Йена, а также закрывает для этих банков доступ к иностранным финансовым рынкам и рынкам капитала.

Отдельного внимания заслуживают санкции в отношении Банка России¹⁶. США, ЕС, Соединенное Королевство, Канада, Новая Зеландия, Япония и Южная Корея заморозили около половины (300 млрд долл.) российских золотовалютных резервов¹⁷. В результате Россия технически лишилась возможности расплачиваться с нерезидентами, в частности по государственным облигациям, в также значительной части ресурсов для проведения валютных интервенций в поддержку рубля. Необходимо отметить, что это первый прецедент применения подобных мер в отношении такого крупного банка, как российский ЦБ. Тем не менее, подобные примеры в мире существуют, например уже более двадцати лет остаются замороженными активы Центробанка Ирана в американском Citibank.

Пострадали и торговые отношения России со многими странами. Страны ЕС ввели эмбарго на импорт российского угля и заявили о готовности отказаться от нефти из РФ (The New York Times 2022). Из России ушли многие иностранные компании (Siemens, Boeing, Airbus, Shell, Nokia, Samsung, Asus, SAP, IBM, Cisco, Dell), были прекращены инвестиции, поставки продукции, оборудования и программного обеспечения. Была приостановлена деятельность международных платежных систем MasterCard и Visa.

Ограничения коснулись грузового и морского транспортного сообщения. Евросоюз, США, Великобритания и другие страны запретили полеты российских авиакомпаний над своей территорией.

Кроме того, были введены персональные санкции в отношении официальных лиц РФ, включая Президента, членов правительства, министров, депутатов и сенаторов, дипломатов, бизнесменов, банкиров, представителей СМИ, а также членов их семей. Под ограничения попали также множество крупных российских компаний, в том числе «Роснефть», «Газпром», «Ростелеком», РЖД, «Алмаз-Антей», «Калашников», «Сухой». Еврокомиссия отчиталась о блокировке имущества, принадлежащего российским компаниям и физическим лицам, на сумму свыше 6,7 млрд евро¹⁸, а Министерство финансов США — на сумму свыше

¹⁶ The White House. Joint Statement on Further Restrictive Economic Measures. 26th February 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/02/26/joint-statement-on-further-restrictive-economic-measures/> [Accessed 14th April 2022].

¹⁷ Коммерсантъ. Лавров: заморозка резервов ЦБ не была спрогнозирована 23.03.2022. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5271232> (дата обращения: 05.04.2022).

¹⁸ European Commission. 'Freeze and Seize Task Force': Almost €30 billion of assets of Russian and Belarussian oligarchs and entities frozen by the EU so far. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_2373. [Accessed 20th April 2022].

1 млрд долл. При этом США рассматривают возможность конфисковать указанные активы, а также замороженные активы ЦБ РФ¹⁹.

Основными инициаторами введения ограничений в отношении России являются США, Соединенное Королевство и Евросоюз, но всего экономические санкции различной степени воздействия ввели 48 государств и территорий²⁰. Всего по состоянию на 8 мая 2022 года против России было введено 10 128 санкций, это значительно больше числа таких мер действующих в отношении Ирана и Сирии вместе взятых.

Меры, предпринятые для защиты финансовой системы РФ

Решения о применении специальных экономических мер были приняты в кратчайшие сроки в соответствии с Федеральным законом № 281-ФЗ от 30.12.2006 «О специальных экономических мерах и принудительных мерах». Закон позволяет оперативно воздействовать на экономические процессы в случае «возникновения обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства, представляющие угрозу интересам и безопасности Российской Федерации и (или) нарушающие права и свободы ее граждан».

Особое внимание, по мнению автора, следует уделить мерам ограничительного характера, т.к. они в последующем оказали наибольшее влияние на стабилизацию финансовой системы Российской Федерации. Целью таких мер является противодействие оттоку капитала из страны и поддержание стабильности национальной валюты, поскольку ЦБ РФ был лишен возможности проводить интервенции в условиях блокировки западными странами золотовалютных резервов России.

В соответствии с Указом Президента «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями США и примкнувших к ним стран» от 28 февраля 2022 года был введен полный запрет на зачисление валюты на счета российских резидентов, открытые в иностранных банках и иных организациях финансового рынка, использование иностранных электронных кошельков, а также предоставление займов нерезидентам. Участников ВЭД обязали продавать не менее 80% валютной выручки, зачисленной в российские банки, в течение 3 рабочих дней²¹. Валютные ограничения признаются одной из наиболее эффективных мер, препятствующих оттоку капитала из страны (Epstain 2012; Frolova & Ermakova, 2022). В тот же день в целях

¹⁹ The New York Times. \$100 Billion. Russia's Treasure in the U.S. Should Be Turned Against Putin. April 15, 2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/04/15/opinion/russia-war-currency-reserves.html> [Accessed 20th April 2022].

²⁰ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 N 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Собрание законодательства РФ. 14.03.2022. № 11. Ст. 1748.

²¹ Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // Российская газета. № 43. 01.03.2022.

сдерживания инфляции Банк России принял решение резко увеличить ключевую ставку до 20% годовых²².

Далее события развивались с невероятной скоростью. 1 марта 2022 года вышел еще один Указ Президента, в соответствии с которым для совершения сделки с лицом из недружественного иностранного государства, с целью покупки или продажи ценных бумаг или недвижимости, необходимо разрешение Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций²³. 5 марта 2022 года был утвержден и соответствующий перечень государств. Кроме того, был запрещен вывоз из России наличной иностранной валюты в сумме, превышающей эквивалент 10 тыс. долларов США (ранее суммы свыше этого лимита нужно было только задекларировать). Банк России предписал брокерам взимать комиссию с физических и юридических лиц, которые покупают иностранную валюту на бирже, в размере 12%. Комиссия затрагивала операции с долларами, евро и фунтами.

5 марта 2022 года был установлен временный порядок выплат по обязательствам свыше 10 млн рублей в месяц (или эквивалент в иностранной валюте) перед иностранными кредиторами, которые связаны с государствами, применившими санкции. Выплаты должны проходить через рублевые спец. счета, открытые в российских банках²⁴. Банк России ввел особый режим обращения наличной валюты на шесть месяцев — с 9 марта по 9 сентября 2022 года. В частности, была полностью запрещена продажа наличной валюты физическим лицам.

С учетом того, что указанные меры вводились в ускоренном темпе, они остро нуждались в конкретизации, например, не был уточнен вопрос, какими именно нормами, налоговыми или валютными, должен быть урегулирован статус резидента РФ (Frolova & Tserova, 2021). Функции по представлению разъяснений взяли на себя Минфин, ЦБ и Правительственная комиссия по контролю за осуществлением иностранных инвестиций. Уже 14 марта Правительственная комиссия разрешила отдельные виды платежей на иностранные счета физических лиц, в частности были разрешены поступления от нерезидентов в виде заработной платы, арендной платы, купонов и дивидендов по ценным бумагам и иных процентных платежей. Решение было вполне логичным, так как сам владелец счета часто не мог остановить подобные платежи, а значит «технически» нарушал недавние указы. Также были разрешены переводы валюты между собственными иностранными счетами, открытыми до 1 марта, но вывод средств из РФ оставался под запретом.

18 марта 2022 года были введены новые ограничения, в частности, Банк России получил право определять сумму аванса, разрешенного к перечислению в пользу иностранных юридических и физических лиц. До 31 декабря 2022 года установлен запрет для резидентов на совершение операций по оплате долей

²² Информационное сообщение Банка России от 28.02.2022. «Банк России принял решение повысить ключевую ставку до 20% годовых» // Вестник Банка России. № 14. 01.03.2022.

²³ Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // Российская газета. № 46. 03.03.2022.

²⁴ Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Российская газета. № 49. 09.03.2022.

участия в капитале нерезидентов, а также выплат нерезидентам в рамках договоров о совместной деятельности без разрешения ЦБ РФ. Это ограничение не касается сделок, совершаемых на бирже²⁵.

31 марта 2022 года Президент России подписал Указ о новом порядке расчетов за поставки природного газа в недружественные страны за российские рубли. Для этого иностранным покупателям нужно открыть в Газпромбанке два счета — в валюте и рублях. После зачисления средств на валютный счет Газпромбанк сконвертирует их в рубли. Необходимость совершения операции по конвертации вызвала бурную реакцию со стороны стран международного сообщества. Утверждалось, что это будет рассматриваться как обход санкций. ЕС потребовал от своих государств-членов отказаться от условий России, но позже эта позиция существенно смягчилась, хотя и осталась достаточно неопределенной.

По мере стабилизации ситуации в экономике ограничения стали постепенно ослабевать. 22 марта 2022 года ЦБ РФ дал разъяснения по поводу сделок с лицами из недружественных стран, уточнив случаи, когда ограничения не применяются, в частности при совершении операций с ценными бумагами, если они хранятся у иностранного депозитария, иностранного банка или иной организации финансового рынка, а расчеты по сделкам осуществляются по счетам, открытым резидентам в иностранных банках или иных организациях финансового рынка, а также при совершении сделок с недвижимостью, которая находится за пределами РФ, если расчеты проводятся через иностранный банк.

С 1 апреля резиденты России снова получили право переводить на свои счета за границей, а также на счета других физических лиц валюту в сумме не более 10 тыс. долл. США в месяц. Это решение ЦБ частично помогло разобраться с бытовыми вопросами владельцев активов в других странах, такими как оплата коммунальных и других платежей за иностранную недвижимость.

Поскольку высокая ключевая ставка препятствует бизнес-активности, увеличивая стоимость заимствований, то по мере снижения рисков для финансовой системы она корректировалась. 11 апреля 2022 года ключевая ставка была снижена до 17%, а 29 апреля — до 14%. 18 апреля возобновилась продажа наличной валюты физлицам, а с 20 апреля срок продажи валютной выручки для экспортеров был увеличен с 3 до 60 рабочих дней, за исключением компаний, занимающихся сырьевым энергетическим экспортом.

После заморозки резервов Банка России в долларах США и евро, Россия также ввела ограничения на движение средств, которые могли быть перечислены в недружественные страны. Было ограничено движение капитала нерезидентов, введен запрет на продажу ценных бумаг иностранными инвесторами и запрет на вывод ими средств из российской финансовой системы. Кроме того, выплаты по корпоративному долгу российских компаний и государственному долгу перед держателями долга из недружественных стран будут проходить только с разрешения Правительственной комиссии²⁶.

²⁵ Указ Президента РФ от 18.03.2022 № 126 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования» // Российская газета. № 59. 21.03.2022.

²⁶ Банк России. Работа финансовой системы в условиях санкционных ограничений. Режим доступа: https://cbr.ru/faq/w_fin_sector/ (дата обращения: 03.04.2022).

Стоит отметить также стимулирующие меры, которые были приняты для поддержки бизнеса в условиях санкций. Наибольшую поддержку получила ИТ-отрасль. Аккредитованным ИТ-компаниям предоставлены преференции, такие как льготные кредиты, 3-летний мораторий на проверки, налоговые льготы, в том числе введение до конца 2024 года ставки 0% по налогу на прибыль. Также предусмотрено выделение средств на улучшение жилищных условий работников и повышение их зарплаты, отсрочка призыва в армию для отдельных категорий сотрудников, облегчение трудоустройства иностранцев. Введена программа льготного кредитования для системообразующих организаций транспортного комплекса, а также промышленных и торговых организаций.

Для организаций и ИП из ряда отраслей (бытовые услуги, производство продуктов, напитков, лекарств) Правительство на 6 месяцев перенесло срок уплаты налога УСН, а также страховых взносов²⁷. Кроме того, были временно отменены некоторые штрафные санкции в налоговом законодательстве, в частности, штраф за несвоевременное представление отчетности контролируемой иностранной компании. Чтобы граждане получили возможность вложить часть своих накоплений в золото на более выгодных условиях (в качестве альтернативы покупке валюты), были освобождены от обложения НДС операции по реализации банками драгоценных металлов в слитках физическим лицам²⁸.

Кроме того, в России был объявлен 4 этап амнистии капиталов в период с 14 марта 2022 года по 28 февраля 2023 года. Он регулирует освобождение от ответственности за налоговые, административные и уголовные (по ряду статей) правонарушения, совершенные до 1 января 2022 года, связанные с приобретением (или формированием источников приобретения) земельных участков, недвижимости (как в РФ, так и за ее пределами), транспортных средств, зарегистрированных за границей, денежных средств на иностранных счетах, иных финансовых активов за границей, а также наличных денег (в рублях и валюте). Для получения государственных гарантий средства с иностранных счетов и финансовые активы (например, ценные бумаги) нужно полностью перевести в организации финансового рынка РФ. Эта мера в условиях санкций вряд ли окажется востребованной, т.к. вернуть средства и финансовые активы из иностранных организаций финансового рынка в Россию на практике будет крайне сложно, а некоторые, например, ценные бумаги, которые не могут учитываться в российских депозитариях или иностранные полисы инвестиционного страхования — технически невозможно.

Важно подчеркнуть, что для стимулирования бизнес-активности в условиях санкций, помимо предоставления отсрочки по налогам и льготных кредитов, не менее важно создание благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности. Особенно эффективной, по мнению автора, было бы устранение избыточной процессуальной нагрузки для бизнеса, упрощение значительного числа административных и контрольных процедур для малых

²⁷ Постановление Правительства РФ от 30.03.2022 № 512 «Об изменении сроков уплаты налога (авансового платежа по налогу), уплачиваемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения в 2022 году» // Собрание законодательства РФ». 04.04.2022. № 14. Ст. 2291.

²⁸ Федеральный закон от 09.03.2022 № 47-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 52. 11.03.2022.

предприятий и отмена обязанности по соблюдению некоторых требований законодательства для микропредприятий, расширение возможностей для применения специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».

Реакция российской экономики

Безусловно, беспрецедентные санкции, введенные западными странами против России, оказали негативное влияние на экономику. Среди наиболее серьезных последствий необходимо отметить существенный рост потребительских цен. Инфляция в годовом выражении на конец апреля 2022 года составила 17,83%. В то же время по данным Росстата, в апреле 2022 г. инфляция замедлилась до 1,56% против 7,61% в марте 2022 года. Тенденция к замедлению сохраняется и в мае: за неделю с 30 апреля по 6 мая инфляция составила 0,12%, что стало минимальным уровнем с января 2022 года²⁹. Рост потребительских цен удалось взять под контроль. Существенное замедление темпов инфляции стало следствием укрепления рубля, что способствовало снижению цен на товары с высокой импортной составляющей.

Значимым риском для российской экономики является ухудшение условий внешней торговли из-за введенных санкций. Согласно базовому сценарию Банка России: «Сокращение экспорта товаров и услуг в реальном выражении может достичь 17—21% в 2022 г. — как за счет нефтегазового, так и не-нефтегазового сектора. Сокращение импорта в реальном выражении может составить 32,5—36,5% в 2022 году»³⁰. Нейтрализации негативного влияния санкций в этой области будет способствовать переориентация торговых потоков на уровне как крупного и среднего бизнеса, так и малых предприятий.

Одной из задач санкций была девальвация национальной валюты. Президент США в своей речи в Варшаве под аплодисменты присутствующих говорил о «превращении рубля в руины», стоимость 1 доллара, по его мнению, составляла 200 рублей³¹. Действительно, в первые недели после введения ограничений рубль потерял значительную часть своей стоимости, курс достиг 120,3785 рублей за 1 доллар США к 11 марта 2022 года. Однако в дальнейшем рубль совершил разворот, курс на дату той памятной речи американского президента составил 95,6618 рублей за 1 американский доллар, а на 14 мая 2022 и вовсе опустился до 63,7799 рублей за доллар³², что соответствует уровню начала 2020 года. И вот здесь, по мнению автора, самое место аплодисментам — в адрес высшего руководства России. Своевременно введенные валютные ограничения позволили

²⁹ Минэкономразвития России. О текущей ценовой ситуации. 13 мая 2022 года. Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskije_obzory/o_tekushchey_cenovoy_situacii_13_maya_2022_goda.html (дата обращения: 02.04.2022).

³⁰ Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике 11 мая 2022 года. Выпуск № 2 (38). Режим доступа: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ddkp/longread_2_38/. (дата обращения: 20.04.2022).

³¹ The White House. Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine. March 26, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/>. [Accessed 20th April 2022].

³² Банк России. Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно. Режим доступа: https://www.cbr.ru/currency_base/daily/. (дата обращения: 20.04.2022).

предотвратить дальнейшее обесценение рубля, а решение о переводе расчетов за российский газ в рубли и вовсе сделало его самой эффективной валютой 2022 года по данным аналитиков Bloomberg³³.

Необходимо отметить, что те же аналитики, а также некоторые их коллеги считают такой курс российской валюты «не рыночным» за счет того, что он был достигнут в условиях слишком жестких ограничений. Банк России также отмечает, что «в сложившихся условиях курс рубля определяется балансом спроса импортеров на валюту и предложением валюты со стороны экспортеров»³⁴. Укрепление рубля в данном случае отчасти обусловлено более низким объемом импорта на фоне санкций. Можно называть такой курс в некотором роде «искусственно созданным», но какими бы ни были причины укрепления, импортеры могут приобрести по такому курсу валюту для расчетов с иностранными поставщиками и купить за нее самые настоящие товары. Именно этим обстоятельством обусловлено существенное замедление роста потребительских цен, которое позволяет говорить о контроле над инфляцией. Существуют определенные опасения дальнейшего укрепления, поскольку в результате блокировки золотовалютных резервов России западными странами ЦБ РФ не может проводить валютные интервенции для стабилизации курса рубля по отношению к иностранным валютам. Это, в свою очередь, может отрицательно сказаться на экспортной выручке и нефтегазовых доходах бюджета. В тоже время нет необходимости переоценивать этот риск, поскольку в арсенале ЦБ РФ есть и другие инструменты для поддержания курса, в частности, дальнейшее ослабление валютных ограничений.

24 февраля 2022 года, когда началась специальная военная операция, индексы Мосбиржи и РТС упали на 40—45%. Это стало рекордным обвалом за всю историю российского рынка³⁵. С 28 февраля торги в фондовой секции Мосбиржи приостановили. Торги акциями были возобновлены на Московской бирже 24 марта 2022 года. Первоначально к торгам были допущены акции 33 российских компаний, затем перечень торгуемых инструментов стал расширяться. Торги некоторыми иностранными ценными бумагами, принятыми на обслуживание в НКО АО НРД, не проводятся из-за блокировки расчетов со стороны Euroclear Bank и Clearstream Banking в результате введенных санкций. Несмотря на значительное падение российских индексов, огромное значение имеет сам факт возобновления торгов, он означает что в России продолжают функционировать организованный фондовый и срочный рынки.

Важным показателем стабильности экономики является и то, что Российская Федерация, несмотря на препятствия, созданные санкциями, а также заморозку валютных резервов проводит платежи по внешнему долгу без нарушений, не допуская «технического» дефолта³⁶.

³³ Bloomberg. Ruble Surpasses Brazil's Real as Year's Best-Performing Currency. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-05-11/russian-ruble-surpasses-brazilian-real-as-world-s-best-currency> [Accessed 20th April 2022].

³⁴ Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике 11 мая 2022 года. Выпуск № 2 (38). Режим доступа: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ddkp/longread_2_38/ (дата обращения: 20.04.2022).

³⁵ РБК. Почему закрыты торги акциями на Мосбирже: причины, риски и перспективы. Режим доступа: <https://quote.rbc.ru/news/article/623064b39a7947daacc0cb00> (дата обращения: 20.04.2022).

³⁶ РБК. Bloomberg сообщил о получении держателями евробондов выплат от России.: Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/03/05/2022/6271516d9a7947c0dd95bbac> (дата обращения: 20.04.2022).

Российская экономика в значительной степени зависит от экспорта энергоносителей, поэтому для оценки стабильности финансовой системы необходимо оценить перспективы данной отрасли в контексте западных санкций. По мнению ряда аналитиков, их можно характеризовать как благоприятные. По данным агентства Bloomberg, еженедельные поставки нефти выросли до 4 млн баррелей в день в первую полную неделю апреля, что стало самым высоким показателем за 2022 год, вместе с ними до рекордного уровня вырос доход российского бюджета от экспортных пошлин³⁷. Агентство также подчеркивает, что «Россия может заработать на экспорте нефти и газа в 2022 году 321 млрд долл. — это примерно на 35% превышает показатели 2021 года»³⁸. Даже в случае сокращения объемов экспорта эмбарго на российские энергоносители приведет к резкому росту цен на нефть и природный газ. Более высокая цена компенсирует меньший объем поставок.

В результате краткосрочного комплексного анализа воздействия санкций можно сделать вывод, что, несмотря на крайне негативные последствия, они не приведут к краху российской экономики. Наиболее эффективными мерами противодействия санкционному давлению стали жесткие ограничения на трансграничное движение капитала, переход на оплату газа в рублях, а также оперативные действия ЦБ РФ по коррекции ключевой ставки, включая как ее кратковременное повышение, так и последующее снижение с учетом ослабления рисков.

Оценивая полученные в ходе исследования данные в контексте использования экономических мер как инструмента внешней политики на примере антироссийских санкций, можно утверждать, что:

Во-первых, многие исследователи выразили сомнение в эффективности и оправданности подобных мер (как в отношении России, так и в отношении других стран) с целью урегулирования международных конфликтов или достижения безопасности (Archick, Nelson, Rennack & Welt, 2019; Rendon & Price, 2019; Komshukova, 2016; Zakharova, 2019). В контексте данного исследования особый интерес представляет оценка эффективности введенных санкций представителями стран, поддерживающих их применение (с учетом того обстоятельства, что к моменту подготовки статьи подобная оценка может быть дана только в краткосрочной перспективе).

Например, премьер-министр Польши признал: «Пока мы видим, что Россия, к сожалению, неплохо справляется с санкциями. В этой связи Польша старается организовать процесс конструирования очередных санкционных пакетов»³⁹. Сомнения относительно эффективности санкций высказывают и авторитетные американские СМИ. Например, *New York magazine*: «Спустя

³⁷ Bloomberg. Russian Oil Exports Are Forced on Longer Voyages to Find Buyers. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-11/russian-oil-exports-are-forced-on-longer-voyages-to-find-buyers?srnd=markets-vp> [Accessed 20th April 2022].

³⁸ Bloomberg. Putin May Collect \$321 Billion Windfall If Oil and Gas Keep Flowing. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-01/putin-may-collect-321-billion-windfall-if-oil-gas-keep-flowing?sref=ZtdQlmKR> [Accessed 20th April 2022].

³⁹ Government of the Republic of Poland. Prime Minister Mateusz Morawiecki: Our Solidarity Can Resist Russia's Destructive Economic Policy. Available at: <https://www.gov.pl/web/primeminister/prime-minister-mateusz-morawiecki-our-solidarity-can-resist-russias-destructive-economic-policy> [Accessed 20th April 2022].

шесть недель после того, как США и страны G7 превратили мировую финансовую систему в оружие, чтобы ввести самые жесткие санкции против России, пробелы становятся очевидными»⁴⁰. К похожему выводу приходит и The Washington Post: «Мы собираемся еще больше усилить экономическую изоляцию России», — сказал Байден. Но несмотря на то, что администрация вводит дополнительные санкции, обострились вопросы эффективности неравномерной экономической кампании Запада против Москвы»⁴¹. На основании изложенного можно предположить, что воздействие международных санкций на экономику большего масштаба, обладающую значительным числом торговых и финансовых связей с другими странами, является не таким выраженным, как на экономику менее крупных стран. А вот недостатки использования подобных дестабилизирующих мер в рамках внешней политики, наоборот — приобретают глобальные масштабы.

Во-вторых, некоторые авторы отмечают, что при использовании экономических санкций происходит отказ от обычных торговых и финансовых отношений в целях внешней политики (Lin, 2016), что означает приоритет политического курса над экономической эффективностью и рыночными механизмами. Поскольку ни одна страна ранее не подвергалась столь беспрецедентному давлению, как Россия, было сложно в полной мере оценить, насколько деструктивным инструментом являются по своей природе экономические санкции. Отказ от рыночных механизмов стал «обоюдоострым» оружием, оказавшим негативное влияние не только на российскую экономику, но и страны, применившие санкции.

Особенно тяжелые последствия будет иметь решение об отказе от российских энергоносителей. Цены на них рекордно выросли на фоне обсуждения эмбарго. Но для ряда стран ЕС оно в ближайшей перспективе невозможно без катастрофических последствий для их экономики, поэтому дополнительные расходы возникнут также в связи с сокрытием реального происхождения потребляемой нефти и природного газа в целях демонстрации приверженности политическому курсу. Например, отправленную из российских портов с отметкой «назначение не известно» («*destination unknown*») нефть Urals смешивают с другими марками нефти, а полученная смесь получает название страны, где выполняются операции по изготовлению купажа («малайзийская», «латвийская» и т.д.)⁴². Юридически эти действия позволяют выполнить обещание о полном отказе от «российской» нефти. Аналогичным образом ряд стран «отказывается» и от российского трубопроводного газа. Например, Болгария, в импорте которой доля Газпрома на начало 2022 года составляла 80%⁴³, после прекращения поставок из

⁴⁰ New York magazine. Are the Sanctions Against Russia Working or Not? Available at: <https://nymag.com/intelligencer/2022/04/are-the-sanctions-against-russia-working-or-not.html> [Accessed 20th April 2022].

⁴¹ The Washington Post. U.S. widens sanctions against Russia as questions about effectiveness mount. Available at: <https://www.washingtonpost.com/business/2022/04/06/treasury-sanction-russia-putin-family/> [Accessed 20th April 2022].

⁴² Bloomberg. Russian Oil Exports Are Forced on Longer Voyages to Find Buyers. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-04-11/russian-oil-exports-are-forced-on-longer-voyages-to-find-buyers?srnd=markets-vp> [Accessed 9th May 2022].

⁴³ US International Trade Administration. Bulgaria — Oil & Gas. Available at: <https://www.trade.gov/energy-resource-guide-bulgaria-oil-and-gas> [Accessed 6th May 2022].

России продолжит получать российский газ путем реверса из Германии, приобретая таким образом уже «немецкий» газ⁴⁴. Увеличение числа посредников приводит к еще большему разгону цен на энергоносители, а платить за санкционную риторику придется потребителям.

Ограничение транспортного сообщения, вызванного антироссийскими санкциями, привело также к нарушению цепочки поставок сельскохозяйственных товаров и росту цен на продовольствие по всему миру.

Кроме того, накачивание мировой финансовой системы избыточной ликвидностью в период пандемии (программа количественного смягчения, QE), а также антироссийские санкции спровоцировали максимальный за последние несколько десятков лет уровень инфляции в ряде стран. По итогам апреля 2022 года инфляция в США составила — 7,7%, в Соединенном Королевстве — 7,4%, в Германии — 5,5%, в Польше — 8,9%, в Чехии — 9%, в Болгарии — 11%, в Эстонии — 11,9%, в Литве — 13,3%⁴⁵.

Во-третьих, от «обоюдоострых» санкций пострадала не только экономика. Впервые на международном уровне в беспрецедентном масштабе были проигнорированы ключевые демократические принципы правового регулирования. Национализм и дискриминация по национальному признаку нашли свое отражение не только в отдельных случаях правоприменения, но и были официально закреплены в международных финансово-правовых актах. Хотя дискриминация на почве национальной принадлежности запрещена ст. 21 Хартии Европейского союза по правам человека⁴⁶, это не помешало Совету ЕС принять Регламент № 2022/328 от 25 февраля 2022 года, который запрещает кредитным организациям ЕС «принимать какие-либо вклады от граждан Российской Федерации или физических лиц, проживающих в Российской Федерации, или юридических лиц, организаций или органов, учрежденных в Российской Федерации, если общая стоимость депозитов физического или юридического лица, организации или органа в расчете на одну кредитную организацию превышает 100 000 евро»⁴⁷. По всей видимости, 400 млн евро, которые ежегодно выделяются Европейским союзом на реализацию программы по борьбе с различными проявлениями дискриминации⁴⁸, оказалось недостаточно для того, чтобы усмотреть ее очевидные

⁴⁴ Reuters. Explainer: Options for Poland and Bulgaria after Russia supply halt. Available at: <https://www.reuters.com/business/energy/options-poland-bulgaria-after-russia-supply-halt-2022-04-27/> [Accessed 6th May 2022].

⁴⁵ International Monetary Fund. Inflation rate, average consumer prices. Annual percent change. Available at: <https://www.imf.org/external/datamapper/PCPIPCH@WEO/VEN?zoom=VEN&highlight=VEN> [Accessed 8th May 2022].

⁴⁶ European Union. Charter of Fundamental Rights of the European Union. Official Journal of the European Union C 326/391. 26.10.2012. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT> [Accessed 6th May 2022].

⁴⁷ European Union. Council Regulation (EU) 2022/328 of 25 February 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. Official Journal of the European Union. L 49/1. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32022R0328> [Accessed 6th May 2022].

⁴⁸ European Commission. Pluralism and democracy. Funding opportunities in the area of promoting pluralism and democracy. Available at: https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/combating-discrimination/racism-and-xenophobia/eu-funding-tackle-racism-and-xenophobia/pluralism-and-democracy_en [Accessed 6th May 2022].

признаки в Регламенте № 2022/328. В Соединенном Королевстве речь пока идет об инициативе Правительства ограничить вклады граждан России в местных кредитных организациях суммой в 50 000 фунтов стерлингов⁴⁹, т.е. о прямом нарушении Закона Соединенного Королевства о равенстве, запрещающего дискриминацию по национальному признаку и причисляющего ее к расизму⁵⁰.

Помимо равенства прав, одной из ключевых демократических ценностей является также неприкосновенность права собственности. Особое значение ему придет правовая система США (Petrova, 2019). Закрепленный в Конституции США и дополненный поправками к ней, данный принцип неотделим от личной свободы и признается «краеугольным камнем» англо-американской системы права: «Возможно, самой важной ценностью Отцов-основателей американского конституционного периода была их вера в необходимость обеспечения прав собственности» (Bruchey, 1980). Пятая и четырнадцатая поправки к Конституции США устанавливают запрет на произвольное вторжение в чужую собственность и требуют предоставления справедливой компенсации, а также соблюдения специальных процедурных норм при возникновении острой необходимости нарушения охраняемых законом границ чужого недвижимого имущества (Туагау, 2017). Несмотря на это, Палата представителей Конгресса США одобрила законодательную инициативу, предполагающую конфискацию американскими властями связанных с РФ активов с целью их продажи и оказания дополнительной помощи Киеву, в том числе военной⁵¹. Отцы-основатели, вероятно, были бы впечатлены тем, насколько вольно, оказывается, могут трактоваться незыблемые основы демократии.

Подобные масштабные нарушения Западом международного и внутригосударственного права в не могли остаться незамеченными. Доверие к доллару США, как к мировой резервной валюте, слабеет. Другие участники мирового сообщества ищут способы защитить свои активы от перспективы превращения их в инструмент карательной политики США и их союзников. Саудовская Аравия рассматривает возможность использования юаня вместо доллара для расчетов по нефтяным сделкам с КНР, Израиль сокращает долю доллара и евро в своих золотовалютных резервах, а Китай проводит стресс-тесты экономики на предмет санкций, аналогичных тем, что применяются против России.

Таким образом, прецедент применения невероятных по своему масштабу экономических санкций против России запустил процесс структурного изменения экономики по всему миру, который вряд ли пройдет гладко с учетом последствий пандемии COVID-19 и напряженной геополитической обстановки.

⁴⁹ UK Government. Press release. Foreign Secretary imposes UK's most punishing sanctions to inflict maximum and lasting pain on Russia. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-imposes-uks-most-punishing-sanctions-to-inflict-maximum-and-lasting-pain-on-russia> [Accessed 8th May 2022].

⁵⁰ UK Government. Equality Act 2010 (8th April 2010). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/contents> [Accessed 7th May 2022].

⁵¹ The New York Times. House Passes Bill Urging Biden to Sell Seized Russian Yachts to Aid Ukraine. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/04/27/us/politics/biden-russia-sanctions.html> [Accessed 6th May 2022].

Заключение

Несмотря на достаточно непродолжительный период, который охватывает данное исследование (около 2,5 месяцев), можно сделать первые выводы об эффективности предпринимаемых Россией мер по защите своей финансовой системы от влияния санкций. Экономический «блицкриг» Запада провалился, в том числе благодаря эффективному «ручному управлению» российской экономикой в невероятно сложных условиях, когда некоторые рыночные механизмы перестали функционировать. Вопреки прогнозам о скором превращении рубля «в руины», первыми «жертвами» экономической войны стали западные демократические принципы, такие как всеобщее равенство перед законом и неприкосновенность права собственности. К обладателям российского паспорта в ряде стран они теперь применяются крайне избирательно, хотя Еврокомиссия утверждает, что именно поддержка демократии является целью введения санкций.

Примеры Ирана, КНДР и Венесуэлы свидетельствуют, что экономические санкции не служат целям международной безопасности. По своей сути они являются деструктивным инструментом, «экономическим оружием», направленным на разрушение финансовой системы страны и, как следствие, снижение качества жизни ее жителей.

Учитывая тесные экономические и торговые связи России с другими странами, разрушение которых неизбежно приведет к негативным последствиям для каждой из сторон, можно сделать вывод, что введение санкций стало абсолютно тупиковым решением международного конфликта. Структурные изменения в еще не восстановившейся после пандемии COVID-19 мировой экономике, сопровождаемые рекордными темпами инфляции, могут спровоцировать глобальный финансовый кризис, который в первую очередь ударит по рядовым жителям множества стран, далеким от принятия политических решений. Мы можем наблюдать, как на международной арене последовательно разыгрывается классическая *lose-lose situation*. Но и у нее есть свои «бенефициары». Эскалация геополитического противостояния обеспечила американский военно-промышленный комплекс заказами на годы вперед. *Cui bono?*

В рамках данной статьи не нашли своего отражения такие важнейшие вопросы, как:

1) оценка воздействия на состояние международных отношений полномасштабной информационной антироссийской кампании, сопровождающейся всплеском русофобии, затронувшем в том числе сферу культурных и гуманитарных связей;

2) анализ мер, выходящих за рамках отношений регулируемых финансовым правом, предпринятых Россией для защиты своих интересов в условиях санкций, включая экспортные и импортные ограничения для отдельных видов товаров, легализацию параллельного импорта, визовые ограничения для иностранных граждан и дипломатов, ответные персональные санкции, введение дополнительных мер уголовной и административной ответственности.

Автор планирует раскрыть и дополнить эти, а также некоторые иные аспекты применения экономических санкций в других научно-исследовательских работах по этой и сходной тематике.

References / Список литературы

- Archick, K., Nelson, R.M., Rennack, D.E., & Welt, C. (2019) US Sanctions on Russia. *Congressional Research Service R45415*. Available at: https://www.everycrsreport.com/files/20200117_R45415_ccd0afb3308db7d592c51e5d7ba8b8cd0b5ce808.pdf [Accessed 6th May 2022].
- Bolton, I.K. (2019) Deterrence and the use of Sanctions. *STO-MP-SAS-141*. Available at: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEWjHpd2g_9f3AhXFAXAIHT3ZAtIQFnoECA0QAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.sto.nato.int%2Fpublications%2FSTO%2520Meeting%2520Proceedings%2FSTO-MP-SAS-141%2FMP-SAS-141-10.pdf&usq=AOvVaw0fiUbaqQwKH3cOEZjW-NeD [Accessed 7th May 2022].
- Bruchey, S. (1980) The impact of concern for the security of property rights on the legal system of the early American Republic. *Wisconsin Law Review*. 1135—1158.
- Bulychev, G.B. & Korgun, I.A. (2019) Sanctions and their implications for North Korea's trade and economy. *Problemy Dalnego Vostoka*. 5(2), 64—75. <https://doi.org/10.31857/S013128120007505-6> (in Russian).
Булъчев Г.Б., Коргун И.А. Санкции и их последствия для торговли и экономики КНДР // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (2). С. 64—75. <https://doi.org/10.31857/S013128120007505-6>.
- Cleveland, S.H. (2001) Norm internalization and US economic sanctions. *Yale J. int'l L*. 26 (1), 1—102.
- Dudin, M.N., Frolova, E.E., Kovalev, S.I., Ermakova, E.P., & Kirsanov, A.N. (2017). Migration processes in the context of political collisions: factors and social and economic consequences. *Journal of Applied Economic Sciences*. Vol. XII, Spring. 1 (47), 85—94.
- Epstein, G. (2012) Capital outflow regulation: Economic management, development and transformation. In: Gallagher, K.P., Griffith-Jones S. & Ocampo A.J. (eds.). *Regulating Global Capital Flows for Long-Run Development*. Boston, Boston University, Pardee Center for the Study of the Longer-Range Future. pp. 47—58.
- Frolova, E.E., & Ermakova, E.P. (2022) Legal regulation of digital financing in Russia and foreign countries. *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention*, 309.
- Frolova, E.E. & Tsepova, E.A. (2021) Prospects for reforming approaches to the legal status of a Russian resident individual. *State and Law*. 6, 158—172. <https://doi.org/10.31857/S102694520015038-2> (in Russian).
Фролова Е.Е., Ценова, Е.А. Перспективы реформирования подходов к наделению физических лиц правовым статусом резидента Российской Федерации // Государство и право. 2021. № (6). С. 158—172. <https://doi.org/10.31857/S102694520015038-2>
- Komshukova, O.V. (2016) Sanctions against Iran: goals and consequences. *Economic and social problems of Russia*. (2), 24—41. (in Russian).
Комшукова О.В. Санкции в отношении Ирана: цели и последствия // Экономические и социальные проблемы России. 2016. № 2. С. 24—41.
- Lin, Tom C.W. (2016) Financial weapons of war. *Minnesota Law Review*. 100, 1377. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2765010>. [Accessed 7th May 2022].
- Mamedova, N.M. (2011) Sanctions regime for Iran and its impact on the situation in the country. *World and National Economy*. 2(17). Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2011/2011-02/rezhim-sankcij-v-otnoshenii-irana-i-ego-vliyanie-na-situaciyu-v-strane> [Accessed 7th May 2022]. (in Russian).
Мамедова Н.М. Режим санкций в отношении Ирана и его влияние на ситуацию в стране // Мировое и национальное хозяйство. 2011. № 2 (17). Режим доступа: <https://mirec.mgimo.ru/2011/2011-02/rezhim-sankcij-v-otnoshenii-irana-i-ego-vliyanie-na-situaciyu-v-strane> [Accessed 7th May 2022].

- Petrova, E.A. (2019) Right to property protection under the US constitution: foreign practice. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. (9), 58—62. (in Russian).
Петрова Е.А. Право на защиту собственности по Конституции США: зарубежный опыт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. №. 9. С. 58—62.
- Rendon, M. & Price, M. (2019) Are sanctions working in Venezuela? *Center for Strategic & International Studies*. Available at: http://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/190903_RendonPrice_VenezuelaSanctions_layout_v2.pdf [Accessed 8th May 2022].
- Sorokin, D.A. (2018) Sanctions of democratic countries: effectiveness of influence on authoritarian countries. *Business. Society. Power*. 4(30), 95—113. (in Russian).
Сорокин Д.А. Эффективность применения санкций со стороны демократических стран по отношению к авторитарным государствам // Бизнес. Общество. Власть. 2018. №. 4 (30). С. 95—113.
- Toloraya, G.D., Korgun, I.A. & Gorbacheva, V.O. (2020) Sanctions against the DPRK: an analysis of the consequences and lessons. Scientific report., Moscow, Institute of Economics RAS Publ. (in Russian).
Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.
- Tyagay, E.D. (2017) The Peculiarities of Protection and Measures of Legal Liability for Violations of the Rights of Real Estate Owners in the United States. *Lex Russica*. 5, 205—218. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.126.5.205-216> (in Russian).
Тягай Е. Д. Особенности защиты и меры юридической ответственности за нарушение прав собственников недвижимого имущества в США // Lex Russica. 2017. №. 5. С. 205—218. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.126.5.205-216>
- Ushkov, I.V. (2016) The political implimentations of the agreement on Iran’s nuclear program. *Observer*. 1 (312), 61—71. (in Russian).
Юшков И.В. Политические последствия соглашения по ядерной программе Ирана // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2016. № 1 (312). С. 61—71.
- Zakharova, L.V. (2019) The influence of UN security council sanctions on the North Korean. *Economy. International Organisations Research Journal*. 14 (2), 192—211. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-02-09> (in Russian and English).
Захарова Л.В. Влияние санкций Совета Безопасности ООН на экономику КНДР // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 2. С. 223—244. Режим доступа: <https://iorj.hse.ru/data/2019/09/25/1540071716/%D0%97%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf>

Сведения об авторе:

Цепова Екатерина Андреевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0001-8147-7633

e-mail: tsepova_ea@pfur.ru

About the author:

Ekaterina A. Tsepova — Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-8147-7633

e-mail: tsepova_ea@pfur.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-678-694>

Научная статья

Вопросы ответственности судовладельца за ущерб от загрязнения нефтепродуктами с морских судов

А.И. Алексенко , А.С. Касаткина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация
 a-aleksenko@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору и исследованию отдельных вопросов ответственности судовладельцев за ущерб от загрязнения окружающей среды нефтепродуктами с морских судов. Актуальность работы обусловлена растущим количеством судебных дел в Российской Федерации, слабой проработанностью данной проблемы в российской научной литературе, отсутствием единого правоприменительного подхода. Авторы исследуют международное и национальное регулирование, зарубежную и российскую правоприменительную практику и приходят к выводу о необходимости привести последнюю в соответствие с международными нормами, действующими в Российской Федерации.

Ключевые слова: ответственность, судовладелец, ущерб от загрязнения нефтепродуктами, споры о компенсации вреда окружающей среде, международно-правовое регулирование, особенности российского правоприменения

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: Алексенко А.И. — сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; Касаткина А.С. — сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста.

Дата поступления в редакцию: 10 января 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

© Алексенко А.И., Касаткина А.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Алексенко А.И., Касаткина А.С. Вопросы ответственности судовладельца за ущерб от загрязнения нефтепродуктами с морских судов // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 3. С. 678—694. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-678-694>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-678-694>

Research Article

Issues of the shipowner's liability for damage caused by oil pollution from sea-going vessels

Aleksandra I. Aleksenko , **Aleksandra S. Kasatkina**

Higher School of Economics (HSE University), *Moscow, Russian Federation*

 a-aleksenko@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the review and study of some issues of shipowners' liability for environmental pollution damage by oil products from sea-going vessels. Relevance of the work derives from the growing number of court cases in the Russian Federation, weak elaboration of the issue in the Russian scientific literature, and a lack of the unified law enforcement approach. The authors investigate international and national regulation, foreign and Russian law enforcement practices and come to the conclusion about necessity to bring the latter in compliance with international rules in force in the Russian Federation.

Key words: liability, shipowner, damage from oil pollution, disputes on compensation for environmental damage, international legal regulation, peculiarities of Russian law enforcement

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: *Aleksenko A.I.* — data collection and processing, data analysis, text writing; *Kasatkina A.S.* — data collection and processing, data analysis, text writing.

Article received 10th January 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Aleksenko, A.I., Kasatkina, A.S. (2022) Issues of the shipowner's liability for damage caused by oil pollution from sea-going vessels. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 678—694. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-678-694>

Введение

На сегодняшний день в российской юридической науке довольно мало внимания уделено вопросам правового регулирования ответственности судовладельцев в случае разлива нефтепродуктов с морских судов¹. В первую очередь,

¹ В основном в российской и зарубежной юридической науке внимание уделено вопросам обязательного страхования гражданской ответственности судовладельцев за загрязнение моря нефтью, в частности см.: (Arkhipova, 2020; Arkhipova, 2010; Gorbacheva, 2012a; Gorbacheva, 2012b; Cowell, 1997; Hart, 1999; Hourihan, 1980; Seymour, 1992; Treves, 2011; Zhu & Zhao, 2015; Zhu, 2007).

это, конечно, обусловлено редкими случаями разливов нефти, которые бы приводили к сколь бы то ни было заметным судебным спорам и, как следствие, острым вопросам правоприменения. Хотя, по нашему мнению, это один из важнейших и актуальнейших вопросов, поскольку касается не столько неких далеких от обывателя вопросов размера ответственности судовладельцев, сколько права граждан на благоприятную окружающую среду. Именно от способов законодательного регулирования и правоприменительной практики в конечном счете зависит набор и эффективность способов ликвидации разливов нефти с судов, которые неизбежны до тех пор, пока суда используют или перевозят нефтепродукты. Логика здесь проста. Прозрачная система организации и привлечения аварийных служб — ликвидаторов нефтеразливов, объективная и устойчивая система компенсации убытков, общедоступные статистические данные мотивируют судовладельцев как можно быстрее приступать к ликвидации и активно содействовать процессу сбора разлившейся нефти. Это можно выразить в лаконичной формуле: оперативность принятия мер по ликвидации = меньше вреда окружающей среде = меньше расходов. Казалось бы, в выигрыше все.

Но, к сожалению, какой-либо обстоятельной и централизованной статистики о случаях разливов нефти с судов на территории России в свободном доступе нет. В СМИ² же попадают лишь единичные (возможно, самые крупные) случаи и, как показывает практика, с большой задержкой³. Поэтому сколько бы то ни было достоверных статистических данных о количестве разливов нефтепродуктов с судов, виновниках таких разливов и районах, в которых это происходило, а также, что наиболее важно, размере (и, главное, критериях определения размера) ответственности, в нашем распоряжении нет. Также невозможным представляется установить, какой процент случаев разлива нефтепродуктов доходит до судебных разбирательств. Тем не менее, сообщения о разливе нефтепродуктов с судов все же попадают в прессу⁴, что позволяет нам заключить, что подавляющее большинство таких инцидентов разрешается без обращения в суд⁵.

Те крайне немногочисленные решения российских судов по спорам о компенсации вреда окружающей среде за разлив нефтепродуктов или о возмещении

² Например см.: ООО «Морская экология» ликвидировало разлив мазута у причалов ОАО «Завод МОР-ГИДРОСТРОЙ» в порту Санкт-Петербурга. Режим доступа: https://www.rbc.ru/spb_sz/freenews/5592c3139a79473b7f4bdced (дата обращения: 01.10.2021); ООО «Контур СПб» ликвидирует нефтеразлив в Большом порту Санкт-Петербург. Режим доступа: <https://portnews.ru/news/292613/> (дата обращения: 01.10.2021) и др.

³ Так, первое упоминание в сети «Интернет» о разливе нефти с т/х Loza можно найти только от 16 сентября 2019 г., в то время как сам разлив произошел 19 июня 2019 г. Статьи же, посвященные непосредственно разливу, были опубликованы лишь в 2020 году, во время активной стадии судебных разбирательств.

⁴ Количество случаев разлива нефти в территориальных водах России можно очень примерно оценить по информации с информационного портала portnews.ru, отсортировав статьи по тегу «нефтеразлив». Так или иначе, данные о разливах появляются в информационных ресурсах ежемесячно.

⁵ Можно привести несколько новостей о разливе нефтепродуктов с судов, которые не были продолжены в суде, и, из этого можно предположить, что они были урегулированы миром. Режим доступа: <https://portnews.ru/news/292613/> (дата обращения: 01.10.2021).

расходов на ликвидацию последствий нефтеразлива, которые все же заканчиваются судебным разбирательством, вызывают множество вопросов, вызванных отсутствием как бы то ни было оформленного вектора судебной практики, понимания российскими судами основных международных инструментов в данной области (действующих и для России), особенностей ликвидации нефти в акватории, мировой практики по борьбе с загрязнением водных ресурсов нефтью с судов. Дела о возмещении убытков, причиненных разливом нефти с судов, вызывают ряд материально и процессуально-правовых вопросов, о которых пойдет речь ниже. И, прежде чем перейти к практическим аспектам, остановимся на кратком изложении нормативно-правового регулирования в рассматриваемой отрасли.

Международно-правовое регулирование предотвращения загрязнения с судов

Мир всерьез задумался о борьбе с загрязнениями моря с судов около ста лет назад⁶. Первые активные действия в этом направлении предприняли США в 1926 году⁷, пригласив экспертов — представителей 13 морских держав обсудить текущее состояние судоходных путей в странах — участниках конференции, причины загрязнения водных ресурсов нефтью, меры по предотвращению такого загрязнения. Это мероприятие не привело к заключению международного договора, но по итогам встречи эксперты согласовали общие рекомендации по предотвращению загрязнения нефтью с судов, которые легли в основу последующих международных актов. Эту «техническую» конференцию можно назвать отправной точкой для дальнейшего развития регулирования рассматриваемой отрасли. В начале XX века вопросы защиты мирового океана от нефтеразливов были отодвинуты на второй план⁸, а включены в повестку лишь по окончании Второй мировой войны.

12 мая 1954 года прошла Международная конференция, итогом которой стало принятие *Международной конвенции по предотвращению загрязнения моря нефтью 1954 года* (Конвенция 1954 г.)⁹. Это первое международное соглашение по предотвращению загрязнения моря с судов¹⁰, которым были введены первые «пробные» меры борьбы с загрязнением мирового океана:

⁶ Более подробно о вопросе борьбы с загрязнениями с судов в мировой практике см.: (Abrahamsson, 1977, 1978; Boyle, 1985; Hock, 1983; Mitchell, 1994; Boczek, 1978; Cordella, 2017; Zhu, 2008).

⁷ Более подробно см.: Документы, касающиеся международных отношений соединенных штатов, 1926 г., Том I. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1926v01/d120>. (дата обращения: 01.10.2021).

⁸ Предложение финализировать рекомендации Конвенцией было внесено в Лигу Наций в 1936 г., но ввиду политической ситуации инициативу отложили до окончания Второй мировой войны.

⁹ Международная конвенция по предотвращению загрязнения моря нефтью (англ. International Convention for the Prevention of pollution of the Sea by Oil или так называемый OILPOL 54, измененный в последствии рядом протоколов — OILPOL 62, OILPOL 69, OILPOL 71). Режим доступа: <http://www.admiraltylawguide.com/conven/oilpol1954.html>. (дата обращения: 01.10.2021). Принята в Лондоне 12 мая 1954 г., вступила в силу 26 июля 1958 г., СССР ратифицировали Конвенцию 3 сентября 1969 г.

¹⁰ ИМО — международная организация, которая отвечает за повышение надежности и безопасности судоходства в области международной торговли и за предотвращение загрязнения моря с судов.

- установлены зоны в 50 миль, где запрещался сброс нефти и нефтяной смеси;
- введены требования по оборудованию в каждом основном порту приемных сооружений для нефтеостатков от загрязненной нефтью балластной или промывочной воды с судов.

В последующем к Конвенции 1954 года были приняты поправки:

- Поправки 1962 года (вступили в силу 18 мая 1967 г.) увеличили размер «запретных зон» до 100 и 150 миль; Конвенция распространена на танкеры валовой вместимостью более 150 т. (ранее Конвенция распространялась на танкеры вместимостью 500 т и более).

- Поправки 1969 года (вступили в силу в 1987 г.) закрепили правила сброса балластных вод.

Еще один значимый документ — *Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года* (далее — МАРПОЛ-73)¹¹. Структурно МАРПОЛ-73 состоял из 20 статей, двух Протоколов (I — порядок передачи сообщений об инцидентах; II — арбитражная процедура урегулирования споров) и пяти Приложений (I — Правила предотвращения загрязнения нефтью; II — Правила предотвращения загрязнения вредными веществами, перевозимыми наливом; III — Правила предотвращения загрязнения вредными веществами, перевозимыми морем в упаковке, грузовых контейнерах, съемных танках, автодорожных и железнодорожных цистернах; IV — Правила предотвращения загрязнения сточными водами с судов; V — Правила предотвращения загрязнения мусором с судов). При этом Приложения I и II, касающиеся загрязнения нефтью и вредными веществами, были обязательными, в отличие от остальных «факультативных», от принятия которых государства могли отказаться при ратификации.

МАРПОЛ-73 утратил актуальность, не вступив в силу. В феврале 1978 года состоялась Международная конференция по безопасности танкеров и предотвращению загрязнения моря, по итогам которой были приняты два Протокола:

- Протокол 1978 года к Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г. (далее — Протокол СОЛАС-74)¹²;
- Протокол 1978 года к МАРПОЛ-73 (далее — Протокол МАРПОЛ-73/78; МАРПОЛ-73/78)¹³.

¹¹ Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. (англ. International Convention for the Prevention of Pollution from Ships, MARPOL 73). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901764502?marker>. (дата обращения: 01.10.2021).

¹² Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС, с англ. — «SOLAS, International Convention for the Safety of Life at Sea»). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901765675>. (дата обращения: 01.10.2021). Главной целью СОЛАС является установление минимальных стандартов, отвечающих требованиям по безопасности при постройке, оборудовании и эксплуатации судов.

¹³ МАРПОЛ-73 с изменениями Протокола 1978 г. — Международная Конвенция по предотвращению загрязнения окружающей среды с судов 1973 г., (МАРПОЛ-73/78). МАРПОЛ-73/78 вступил в силу 2 октября 1983 г., в нем участвуют свыше 90 государств, валовой тоннаж судов которых составляет приблизительно 90% валового тоннажа мирового торгового флота. Приложения МАРПОЛ-73/78 (кроме Приложения 1) вступают в силу самостоятельно.

При этом Протокол СОЛАС-74 не мог вступить в силу раньше вступления в силу самой Конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года, и его участниками могли быть лишь государства — стороны СОЛАС. В отличие от него Протокол МАРПОЛ-73/78 по отношению к МАРПОЛ-73 — самостоятельный документ, не зависящий от вступления в силу МАРПОЛ-73 (ст. 1 Протокола). Поэтому МАРПОЛ-73 так никогда и не действовал в изначальной редакции.

Сегодня МАРПОЛ-73/78 выступает главным международным инструментом, регулирующим требования по защите морской среды от загрязнения вредными веществами с судов. Исполнение требований документа проверяется во время инспекции судов в портах. Общие принципы сохранения морской среды, закрепленные в указанных выше конвенциях и дополненные новыми положениями, нашли свое финальное воплощение в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года¹⁴ (часть XXII). За последние годы были также приняты Международная конвенция о контроле за вредными противообрастающими системами на судах 2001 года¹⁵, Международная конвенция о контроле судовых балластных вод и осадков и управления ими 2004 года¹⁶, Гонконгская международная конвенция о безопасной и экологически рациональной утилизации судов 2009 года¹⁷ и др.

Указанные выше международные инструменты закрепляют общие принципы сохранения морской среды и направлены на создание системы «международных норм и стандартов» в области предотвращения загрязнения морской среды, касаются преимущественно прав и обязанностей государств в этой сфере. **Для целей настоящего исследования имеют первостепенную роль международные договоры, устанавливающие правила гражданской ответственности за состоявшееся загрязнение.**

Отправной точкой к разработке таких правил послужил разлив нефти в результате гибели супертанкера «Торри Каньон» (*Torrey Canyon*) 18 марта 1967 года¹⁸. Правительство Британии просило Межправительственную морскую консультативную организацию (ИМКО)¹⁹ исследовать вопросы, возникшие из-за происшествия и предложить решение. Совет ИМКО собрался 2 мая 1967 г., на

¹⁴ Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml. (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁵ Международная конвенция о контроле за вредными противообрастающими системами на судах 2001 г. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/499019167>. (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁶ Международная конвенция о контроле судовых балластных вод и осадков и управления ими 2004 г. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902152089>. (дата обращения: 01.10.2021). Международная конвенция о контроле судовых балластных вод и осадков и управлении ими 2004 г., стороной которой является Российская Федерация, вступила в силу 8 сентября 2017 г.

¹⁷ Гонконгская международная конвенция о безопасной и экологически рациональной утилизации судов 2009 г. Режим доступа: <http://www.basel.int/Portals/4/Basel%20Convention/docs/ships/HongKongConvention.pdf>. (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁸ Катастрофа произошла с крупнейшим итальянским нефтеналивным танкером «Торри Каньон», построенным в США и ходившим под либерийским флагом. Супертанкер сел на мель на рифе у юго-западного побережья Соединенного Королевства в 1967 году, пролив примерно 25 — 36 миллионов галлонов (94 — 164 миллиона литров) сырой нефти. Именно авария танкера *Torrey Canyon* побудила международное общество принять ряд конвенций, которые обязывают владельцев судов брать полную ответственность за весь ущерб, нанесенный природе в случае подобных катастроф.

¹⁹ Название Международной морской организации (ИМО) до 1982 года.

котором определили, что заявленные вопросы носят преимущественно юридический характер. Был создан *ad hoc* комитет, первая сессия которого состоялась уже в июне 1967 года. Ко второй сессии в ноябре 1967 года Правовой Комитет стал постоянным органом ИМКО. В мае же 1967 года ИМКО также создали подкомитет для изучения проблем, связанных с инцидентом *Torrey Canyon*. Так началось взаимодействие между двумя комитетами и разработка нового регулирования. Основной вопрос — предоставление адекватных средств защиты и компенсации пострадавшим от масштабного разлива.

Конференция по принятию Конвенции состоялась в Брюсселе, в период с 10 по 29 ноября 1969 года. Задача — определиться по двум ключевым вопросам: 1) природа ответственности; 2) кто должен нести ответственность за разлив. Прибрежные государства, особенно уязвимые к загрязнению требовали максимально возможной компенсации, которая бы гарантировала возмещение убытков от очистных работ и восстановления ресурсов на их территории, включая территориальное море. Это могла бы обеспечить только строгая ответственность судовладельца. Но государства, на которые приходится большая доля танкерного флота (по перевозке нефти), согласны были на строгую ответственность только если она возлагалась на груз, а не на судовладельцев. На судовладельцев предлагалось возложить только виновную ответственность. Первоначально в качестве основной разрабатывалась идея возложить строгую ответственность именно на грузовладельцев и учредить фонд компенсации на основе расчета массы грузов, перемещаемых морем.

Компромисса удалось добиться только по варианту, предложенному Великобританией — возложение строгой ответственности на судовладельца, обязательное страхование, ограничение ответственности и учреждение фонда компенсации для масштабных разливов.

Итогом работы Конференции стало принятие *Конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 года* (далее — Конвенция о гражданской ответственности; Конвенция CLC)²⁰, в дальнейшем пересмотренная Протоколом 1992 года. Поскольку Конвенция о гражданский ответственности применяется только к случаям разлива нефти, перевозимой в качестве груза и не покрывает разлив нефти, используемой в качестве бункерного топлива, в 2001 году была принята *Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения бункерным топливом* (далее — Бункерная конвенция)²¹, вступившая в силу в 2008 году.

Обе конвенции имеют идентичное содержание в части принципов и оснований ответственности, за исключением лимитов ответственности судовладельцев. Так, Конвенция CLC предусматривает собственные лимиты, в то время как

²⁰ Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью (англ. International Convention on Civil Liability for Oil Pollution Damage (CLC)). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900700>. (дата обращения: 01.10.2021). Согласно Федеральному закону от 02 января 2000 г. № 27-ФЗ Российская Федерация стала участником Протокола 1992 г. Вступил в силу на территории РФ с 20 марта 2001 г.

²¹ Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения бункерным топливом 2001 г. // СЗ РФ. 2009. № 21. Ст. 2498. Бункерная конвенция вступила в силу для Российской Федерации 24 мая 2009 г.

Бункерная конвенция отсылает к Конвенции по ограничению ответственности по морским требованиям 1976 года²². Бункерная конвенция также не предусматривает третьего уровня компенсации — международного фонда, который «вступает в игру» по Конвенции CLC, если сумм компенсации судовладельца и страховщика недостаточно. **Применение обеих конвенций вызывает два тесно связанных между собой блока ответственности судовладельца — за загрязнение окружающей среды и за иной ущерб, причиненный разливом.**

Ответственность за загрязнение окружающей среды. Особенности российского правоприменения

Загрязнение окружающей среды традиционно вызывает бурную реакцию со стороны общества, если о таком загрязнении стало известно широкой общественности. Право на благоприятную окружающую среду гарантировано Конституцией Российской Федерации (далее — Конституция РФ)²³ (ст. 43 Конституции РФ). И несмотря на то, что в повседневной жизни граждане в большинстве своем редко задумываются о необходимости сортировать мусор и сократить количество единой используемого пластика, сообщения об очередной техногенной катастрофе²⁴ все же справедливо вызывают гнев и требование найти и наказать виновника. Озвучиваемые суммы компенсации, рассчитанные Росприроднадзором, кажутся вполне адекватной платой за погрязнение природы.

Тем не менее, анализ процедуры и способов возмещения вреда, причиненного окружающей среде, показывает, что вывод о правомерности и, главное, эффективности такой компенсации может оказаться преждевременным. В первую очередь, потому что такая компенсация направлена преимущественно на обогащение бюджета государства. Денежные средства, выплачиваемые за вред окружающей среде, могут вовсе не направляться на ее восстановление с чем согласился Конституционный суд РФ²⁵.

Законодательство об охране окружающей среды предусматривает два вида возмещения — в натуре (восстановление), либо денежная компенсация. Выплата денежной компенсации фактически отменяет обязанность у виновника загрязнения восстановить окружающую среду, но и обязанность направить полученные суммы компенсации на восстановление у государства отсутствует. То есть выплата компенсации не приводит к тем результатам, на которые она была рассчитана. Помимо этого, абстрактность методики расчета компенсации вызывает вопросы со стороны специалистов, занимающихся защитой окружающей среды,

²² Конвенция по ограничению ответственности по морским требованиям 1976 г. // БМД, 2013. № 5. Конвенция вступила в силу 1 декабря 1986 г. В соответствии со ст. 10 Протокола от 2 мая 1996 г. об изменении настоящей Конвенции присоединение к нему означает присоединение к Конвенции. Российская Федерация присоединилась к Протоколу Федеральным законом от 6 января 1999 г. № 9-ФЗ.

²³ Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14 марта 2020 г. опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2021).

²⁴ Например, разлив топлива в Норильске в мае–июне 2020 г. См.: Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-53282724>. (дата обращения: 01.10.2021).

²⁵ Постановление Конституционного суда РФ № 12-П от 02 июня 2015 г. // СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3547.

а региональные органы Росприроднадзора зачастую пытаются и взыскать денежную компенсацию, и обязать виновников загрязнения своими силами восстановить первоначальное состояние окружающей среды²⁶ (что по сути представляет собой двойную ответственность). Стандарт и бремя доказывания в спорах с природоохранными органами также вызывают определенные проблемы на практике²⁷. Вышеперечисленные вопросы возникают в связи с применением российскими судами национального законодательства, которое, несмотря на попытку разъяснения отдельных аспектов Верховным судом²⁸, осталось весьма противоречивым.

Для случаев, связанных с возмещением вреда в связи с разливом нефти с судов, помимо общего природоохранного национального законодательства действуют специальные нормы Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 года (далее — КТМ РФ)²⁹ (главы XVIII и XIX.1), дословно имплементировавшие Конвенцию о гражданской ответственности и Бункерную конвенцию, к которым Россия присоединилась в 2001 и 2008 годах соответственно. Принципы, на которых строятся обе конвенции идентичны и сводятся к тому, что судовладелец, несущий строгую ответственность за разлив нефтепродуктов с судна, должен отвечать исключительно в соответствии с условиями, определенными этим международным договором. Конвенции определяют сферу применения, понятие ущерба, причиненного окружающей среде, а также порядок предъявления требований к судовладельцу. Конвенция о гражданской ответственности также предусматривает собственные лимиты ограничения ответственности судовладельца. И, в дополнение, была заключена Конвенция о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1971 года (изменена Протоколом 1992 г.) (далее — Конвенция о создании Международного фонда)³⁰. Международный фонд (далее — Фонд; Международный фонд) — межправительственная организация, выплачивающая компенсацию за загрязнение нефтью с танкеров, если суммы, которые должны быть выплачены судовладельцем/страховщиком, не покрывают всех убытков. Фондом разработаны подробные комментарии к Конвенции о гражданской ответственности³¹.

²⁶ Постановление Арбитражного суда ПО от 05.09.2019 по делу № А55-22101/2018. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/EXIKofaEGFLK/>. (дата обращения: 01.10.2021).

²⁷ О тенденциях в судебной практике по спорам о взыскании вреда окружающей среде подробно пишет, например, Ю. В. Юрченко: https://www.pgplaw.ru/news/Ecology_09_2020small-pages-76-87.pdf

²⁸ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Российская газета. 217. № 280.

²⁹ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. (в ред. от 11 июня 2021 г.) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207; СЗ РФ. 2021. № 24 (Ч. I). Ст. 4188.

³⁰ Международная конвенция о создании Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью (англ. International Convention on the Establishment of an International Fund for Compensation for Oil Pollution Damage). Режим доступа: <https://bellona.ru/2007/05/07/konventsiya-o-sozdani-i-mezhdunarodnogo/>. (дата обращения: 01.10.2021). Российская Федерация является участницей данной конвенции в результате международного правопреемства.

³¹ Возмещение убытков фактически делится на три части. Первая часть оплачивается страховщиком ответственности судовладельца. Вторая часть Фондом, который существует преимущественно за счет

Итак, применительно к исследуемой теме обе конвенции в ст. 6 и ст. 9 соответственно (ст. 316 и 336.1 КТМ РФ) содержат понятие ущерба от загрязнения: *«убытки или ущерб, причиненные вне судна загрязнением, происшедшим вследствие утечки или слива нефти [бункерного топлива] с судна, где бы такая утечка или слив ни произошли, при условии, что компенсация за нанесение ущерба окружающей среде, за исключением упущенной выгоды вследствие такого нанесения ущерба, ограничивается расходами на осуществление разумных восстановительных мер, которые были фактически приняты или должны быть приняты...»*.

Это определение четко устанавливает, что в качестве ущерба окружающей среде судовладелец должен компенсировать только расходы на осуществление разумных восстановительных мер (исключая упущенную выгоду от такого загрязнения). И никакие требования о компенсации ущерба не могут быть предъявлены судовладельцу иначе, как в соответствии с Бункерной конвенцией (ч. 5 ст. 3). Они включают как требования частных лиц, так и суверенных субъектов права (государств, квазигосударственных образований, международных организаций). Это противоречит положениям российского природоохранного законодательства, предусматривающего альтернативные методы — восстановление либо денежная компенсация на основании методики исчисления вреда.

Конвенции не предусматривают определения *«ущерба окружающей среде»*, но в практике Фонда под ущербом понимается такое ухудшение состояния окружающей среды, при котором уменьшается или прекращается ее функционирование. Исходя из вышеприведенного определения следует, что в связи с ущербом окружающей среде могут быть предъявлены три типа требований:

- взыскание упущенной выгоды;
- взыскание расходов на исследования о необходимости и способах восстановления окружающей среды;
- расходы на восстановление окружающей среды.

Такой механизм определения компенсации за ущерб, который сводится к проактивным действиям по восстановлению окружающей среды, был установлен в связи с тем, что морская среда крайне изменчива и имеет высокую способность к самовосстановлению. Далеко не все разливы нефти могут приводить к долгосрочным негативным последствиям, и лишь срочные меры по ликвидации разлива могут эффективно уменьшить ущерб. Более того, с точки зрения долгосрочной перспективы (например, уменьшение популяции рыб) практически невозможно рассчитать такие последствия, поскольку изначальное состояние среды (до разлива) зачастую неизвестно, а сочетание других вредоносных факторов (незаконный вылов рыбы, слив ядовитых веществ с производств и др.) не позволят выделить ту долю ущерба, которая приходится на конкретный разлив³². Поэтому

взносов нефтяных компаний (около 400 организаций), и третья часть может оплачиваться за счет второго (Дополнительного фонда), в котором участвуют более 130 компаний. Эта система действует только для государств участников Конвенции о гражданской ответственности.

³² См., например, Руководство по предъявлению требований за ущерб окружающей среде Фонда. Режим доступа: https://iopc-funds.org/wp-content/uploads/2018/12/IOPC_Environmental_Guidelines_ENGLISH_2018_WEB_01.pdf. (дата обращения: 01.10.2021).

никакие абстрактные методики не считаются эффективными и обоснованными для расчета компенсации.

Вместе с тем российские государственные органы, восприняв опыт Советского Союза, до сих пор пытаются настаивать на применении именно абстрактных методик расчета компенсации за ущерб окружающей среде, что недавно подтвердил Тринадцатый арбитражный апелляционный суд. Так, решением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 6 сентября 2020 года по делу А56-79392/2019³³, суды первой и второй инстанции отклонили доводы ответчика о необходимости применить положения главы XIX.1 КТМ РФ и Бункерной конвенции и удовлетворили требования регионального органа Росприроднадзора, основанные на применении методики расчета компенсации³⁴.

Суд первой инстанции подтвердил приоритет национальных норм об охране окружающей среды над международными правилами и правомерность предъявления к судовладельцу требований о взыскании компенсации, рассчитанной на основании методики. При этом из решения следует, что разлив нефтепродуктов был ликвидирован, какие-либо действия по ликвидации разлива и восстановлению окружающей среды Росприроднадзором не предпринимались и не планируются. Дело А56-79392/2019 отражает крайне негативное изменение в судебной практике российских судов. Более ранние споры о компенсации все же разрешались не в пользу Росприроднадзора.

Так, согласно решению Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 07 сентября 2010 года по делу № А56-45633/2010³⁵ суд отказал Росприроднадзору во взыскании вреда, причиненного окружающей среде разливом нефти с т/х «Волгонепфть-139», на следующих основаниях: во-первых, требования государственного органа не основаны на разумных мерах по восстановлению окружающей среды; во-вторых, затраты, направленные на непосредственное возмещение вреда, уже были понесены иными лицами. А в соответствии с Решением Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 23 марта 2011 года по делу № 2-3731/2010³⁶ (разлив мазута в акватории порта Темрюк) нормы международного права, устанавливающие критерии для возмещения вреда, причиненного окружающей среде (в частности, водному объекту), были признаны имеющими приоритет над нормами Федерального закона «Об охране окружающей среды» №7-ФЗ от 10 января 2002 года³⁷, устанавливающего иные правила в этой сфере. По мнению суда, сумма причиненного вреда в денежном

³³ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 6 сентября 2020 г. по делу № А56-79392/2019. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/UqiWuWOO17HR/> (дата обращения: 01.10.2021).

³⁴ Постановление Правительства РФ от 04 ноября 2006 г. № 639 «О порядке утверждения методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства» // СЗ РФ. 2006. № 46. Ст. 4791.

³⁵ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 07 сентября 2010 г. по делу № А56-45633/2010. Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fdb76863-1504-407b-a8f5-36ff03e9d54a8/b75d1b27-50b6-4462-bb89-c722dff82eb9/A56-45633-2010_20100907_Reshenie.pdf?isAddStamp=Tguc (дата обращения: 01.10.2021).

³⁶ В публичном доступе текста решения нет.

³⁷ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» №7-ФЗ от 10 января 2002 г. // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

эквиваленте должна быть определена в размере фактически понесенных затрат на восстановление окружающей среды, а не в соответствии с абстрактными расчетами согласно методике.

Недавнее отклонение российских судов от общемировой практики видится еще более противоречивым в контексте участия России в Исполнительном комитете Фонда, который в июне 1996 года рассматривал вопрос о недопустимости требования эмирата Эль-Фуджайра как государственного образования возместить вред окружающей среде на основании абстрактной методики³⁸. Помимо прочего Советский Союз также был лишен компенсации Фонда, рассчитанной на основании методики в соответствии с правовой позицией Международного фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью, изложенной в Резолюции № 3 от октября 1980 года³⁹ (в связи с разливом нефти с судна «Антонио Грамши»).

Возмещение судовладельцем расходов на меры по ликвидации разлива нефтепродуктов

С блоком о недопустимости применения абстрактных методик за ущерб окружающей среде тесно связан другой вопрос — каковы критерии определения стоимости восстановительных мер, предпринятых для ликвидации последствий разлива нефтепродуктов.

В момент разлива нефтепродуктов с судна судовладелец, а равно и уполномоченные органы, обязаны предпринять меры по ликвидации последствий разлива нефтепродуктов, для чего судовладельцем или портовыми службами привлекаются аварийно-спасательные формирования или компании, оказывающие соответствующие услуги.

Как уже говорилось выше, именно расходы на ликвидацию разлива нефтепродуктов, согласно обеим международным конвенциям, должны преимущественно⁴⁰ составлять ответственность судовладельца за разлив нефти с судна (чему, к сожалению, противоречит российская судебная практика). И именно вокруг определения четких требований к стоимости, качеству, объемам восстановительных мер сконцентрированы исследования в этой области и работа Фонда, а также международной некоммерческой организации — объединения владельцев танкеров для предотвращения загрязнения с судов (ИТОПФ)⁴¹.

В силу прямого указания п. 1 ст. 336.9 КТМ РФ иск о возмещении убытков от загрязнения может быть предъявлен только в соответствии с главой XIX.1 КТМ РФ. Глава XIX.1 КТМ РФ в ст. 336.1 КТМ РФ (а также ст. 1 Бункерной

³⁸ Исполнительный комитет Фонда. Режим доступа: https://documentservices.iopecfunds.org/wp-content/uploads/sites/2/2020/01/71FUND_EXC.49_6_en.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

³⁹ Резолюция № 3 1980 г. Режим доступа: <https://documentservices.iopecfunds.org/es/base-de-datos-de-las-decisiones/decision-000010> (дата обращения: 01.10.2021).

⁴⁰ Оставим за пределами данной статьи дискуссии и возможности и необходимости судовладельца возмещать чисто экономические или иные косвенные убытки, а также степень отдаленности негативных последствий разлива, которые должны компенсироваться.

⁴¹ Официальный сайт ИТОПФ. Режим доступа: <https://www.itopf.org/about-us/> (дата обращения: 01.10.2021).

конвенции) определяет основания ответственности судовладельца — «судовладелец с момента первого происшествия несет ответственность за ущерб от загрязнения...». В пп. 4 п. 3 ст. 336.1 КТМ РФ (а также п. 9 ст. 1 Бункерной конвенции) ущерб определяется следующим образом:

«любой ущерб, причиненный вне судна загрязнением, происшедшим вследствие утечки или слива бункерного топлива с судна, где бы такие утечка или слив ни произошли, при условии, что компенсация за ущерб, причиненный окружающей среде, за исключением упущенной выгоды в результате причинения такого ущерба, ограничивается расходами на разумные восстановительные меры, которые фактически приняты или должны быть приняты;

(2) расходы на предупредительные меры и причиненный такими мерами последующий ущерб;»

В пп. 5 п. 3 ст. 336.1 КТМ РФ раскрывается термин «**предупредительные меры**»: «любые разумные меры, принятые любым лицом после инцидента, по предотвращению или уменьшению ущерба от загрязнения». То есть, XIX.1 КТМ РФ устанавливает критерий «разумности», т. е. в соответствии с Бункерной конвенцией (а также Конвенцией о гражданской ответственности) и российским законодательством возмещению подлежат лишь расходы на те меры, которые были **разумно приняты** для предотвращения или уменьшения ущерба от загрязнения. Следовательно, с точки зрения правового регулирования расходы аварийных формирований на восстановление окружающей среды и ликвидацию последствий разлива нефти с судна должны быть возмещены, если они соответствуют следующим критериям:

- расходы понесены на разумные меры;
- такие меры фактически приняты;
- принятые меры были направлены на предотвращение ущерба от загрязнения.

В целом, данный подход коррелирует с общегражданскими принципами возмещения ущерба: сумма ущерба должна быть установлена с разумной степенью достоверности, между противоправным действием и ущербом должна быть причинно-следственная связь. Дополнительно исследуемыми в настоящей статье международными инструментами введен лишь критерий «**разумности**».

В руководстве по предъявлению исков (далее — Руководство)⁴², в соответствии с Конвенцией о гражданской ответственности, указано, что критерий «**разумности**» применяется как к предупредительным мерам, так и расходам на такие меры. Согласно Руководству «**разумность**» мер требует ответов на следующие вопросы:

- были ли принятые меры целесообразны?
- были ли принятые меры пропорциональны инциденту?
- оправдана ли стоимость мер?

При этом в Руководстве международной организации подчеркивается, что разумность мер определяется на основании технической оценки обстоятельств, имевших место в момент разлива, оценки предпринятых действий. Требования о

⁴² Руководство утверждено международной ассамблеей, а текст Конвенции о гражданской ответственности в этой части полностью совпадает с положениями главы XIX.1 КТМ РФ, поэтому возможно применение принципов по аналогии.

возмещении убытков не могут быть удовлетворены, если можно было заранее предвидеть, что принятые меры будут неэффективными (ликвидация ведется профессиональными участниками рынка, общемировой опыт ликвидации разливов нефти насчитывает десятилетия). При принятии решения о компенсации должно учитываться, что разлив нефти требует экстренных мер. Но чем дальше от момента разлива и начала уборки, тем более понятна ситуация с ущербом, то есть к ликвидационным мерам предъявляются более жесткие требования. При этом согласно п. 5 Руководства разумными расходами покрываются расходы на использованные суда, персонал, использованные расходные материалы. Именно эти расходы формируют разумные расходы на восстановительные меры.

Но ввиду экстренности мер, непрозрачности процесса ликвидации разлива, привлечения портовыми службами отдельных компаний, пробелов правового регулирования в полномочиях и обязанностях портовых служб в России в этой части, отсутствия процедуры раскрытия расходов на ликвидацию, установления тарифов на ликвидацию в государственных контрактах, а также целого ряда иных факторов суды, как правило, не поддерживают доводы ответчиков о неразумности расходов на ликвидацию. Спор по распределению бремени доказывания и применяемого судами стандарта доказывания скорее можно отнести к публично-правовому спору, нежели гражданскому спору между двумя коммерческими компаниями.

Хорошо иллюстрирует этот аспект дело, рассматриваемое в настоящее время (уже более двух лет, на втором круге рассмотрения) № А56-79050/2019⁴³ по иску ООО «Контур СПб» к судовладельцу и страховщику судна «Loza», с которого в июне 2019 года произошел разлив в порту Санкт-Петербурга. По делу были вынесены противоречивые судебные акты, но точка до сих пор не поставлена.

Заключение

Мировое сообщество (с участием России⁴⁴) разработало эффективный механизм ликвидации и компенсации ущерба окружающей среде, который неоднократно был опробован на практике по всему миру. Эффективность достигается поощрением судовладельцев самостоятельно осуществить меры по ликвидации разлива, нормами об обязательном страховании ответственности судовладельцев, а также иными механизмами, которые позволяют взыскать сумму ущерба окружающей среде и направить эти средства на ее восстановление. Способ определения такого ущерба также установлен. Но существующая в России практика возложения на судовладельцев помимо расходов на ликвидацию нефтеразливов еще и компенсации вреда окружающей среде, рассчитанного на основании абстрактной методики, полностью противоречит международным нормам.

⁴³ Дело № А56-79050/2019. Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/fbd500a6-5b1b-4431-a6b7-454cda0418f7> (дата обращения: 01.10.2021).

⁴⁴ Делегация от России участвовала в конференции по принятию текста Бункерной конвенции и была членом Комитета по внесению правок в ее текст в соответствии с документами конференции LEG/CONF/12.20, LEG/CONF/12.17. Режим доступа: https://www.imo.org/en/KnowledgeCentre/ConferencesMeetings/Pages/Legal_Conferences-default.aspx. (дата обращения: 01.10.2021).

В результате в России фактически создана система «задвигания» ответственности судовладельцев. Особую сложность также создает отсутствие в российском законодательстве, как и в конвенциях четкого определения понятия «*разумных мер по предотвращению или уменьшению ущерба от загрязнения*», что также сильно размывает границы ответственности и оставляет возможности для расширительного толкования и в конечном счете злоупотребления в вопросах взыскания компенсации за разлив нефти.

Представляется, что ключевыми шагами для решения данных проблем могли бы быть пересмотр законодательства об охране окружающей среды в части применения абстрактных методик расчета компенсации. Компенсация вреда окружающей среде вполне может носить штрафной характер, сумма которого должна быть четко определена и не зависеть от абстрактных методик расчета вреда окружающей среды, а сумма штрафа должна направляться исключительно на восстановление природы (что в данный момент не реализуется).

Вместе с тем представляется, что действующая система международных норм и практик может быть вполне эффективна для российских реалий, если эта система будет иметь приоритет перед национальным законодательством, а порядок привлечения аварийно-спасательных формирований для ликвидации разливов и ценообразование их работ будут более прозрачными.

Систему международного регулирования ответственности судовладельцев за разлив нефтепродуктов составляют Бункерная конвенция, Конвенция о гражданской ответственности, Конвенция о создании Международного фонда. Единство правоприменительной практики на международном уровне обеспечивается учрежденным в 1971 году Международным фондом, а также Международной федерацией танкеров по предотвращению загрязнения (ИТОПФ). За десятки лет эти организации выработали единые и универсальные критерии для оценки ущерба, анализа исков о возмещении убытков, причиненных разливом нефтепродуктов, которые, по мнению авторов, могут эффективно действовать и в Российской Федерации.

References / Список литературы

- Abrahamsson, B. (1977) The marine environment and ocean shipping: Some implications for a new Law of the Sea. *International Organization*. 31 (2), 291—311. <https://doi.org/10.1017/S0020818300018579>
- Arkhipova, A.G. (2020) Some issues of ship-owners' liability insurance in judicial and arbitration practice. *Commercial Arbitration*. (1), 61—72. (in Russian).
Архипова А.Г. Некоторые проблемы страхования ответственности судовладельцев в судебной и арбитражной практике // Коммерческий арбитраж. № 1. 2020. С. 61—72.
- Arkhipova, A.G. (2010) Compulsory liability insurance of ship owners for the marine pollution by oil: peculiarities and urgent problems. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. (11), 46—52. (in Russian).
Архипова А.Г. Обязательное страхование ответственности судовладельцев за загрязнение моря нефтью: особенности и актуальные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 11. С. 46—52.
- Boczek, B. (1978) International protection of the Baltic sea environment against pollution: a study in marine regionalism. *American Journal of International Law*. 72(4), 782—814. <https://doi.org/10.2307/2199777>

- Boyle, A.E. (1985) Marine Pollution under the Law of the Sea Convention. *American Journal of International Law*. 79 (2), 347—372.
- Cordella, E.C. (2017) Public interest regulation? The polluter-pays principle in environmental impact assessments: A case of "bipolar" regulatory failure. *Environmental Policy and Law*. 47 (5—6), 169—181. <http://dx.doi.org/10.3233/EPL-170037>
- Cowell, R.N. (1997) Stretching the limits: environmental compensation, habitat creation and sustainable development. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 22 (3), 292—306. <https://doi.org/10.1111/j.0020-2754.1997.00292.x>
- Gorbacheva, S.S. (2012a) Compulsory liability insurance: a necessity or additional burden for Ship Owners? *Transportation Law*. (4), 22—24. (in Russian).
Горбачева С.С. Обязательное страхование ответственности: необходимость или дополнительное бремя для судовладельцев? // Транспортное право. 2012. № 4. С. 22—24.
- Gorbacheva, S.S. (2012b) A question on compulsory insurance of civil liability of ship-owners, *Transportation Law*. (1), 9—12. (in Russian).
Горбачева С.С. К вопросу об обязательности страхования гражданско-правовой ответственности судовладельцев // Транспортное право. 2012. № 1. С. 9—12.
- Hart, D. (1999) The amount of damages recoverable for environmental harm. *Journal of Environmental Law*. 11 (2), 321—353. Available at: <http://www.jstor.org/stable/44250504> [Accessed 6th October 2021].
- Hock, S.C. (1983) Civil Liability for Oil Pollution: The Merchant Shipping (Oil Pollution) Act 1981 The Prevention of Pollution of the Sea (Amendment) Act 1981. *Malaya Law Review*. 25(1), 139—147. Available at: <http://www.jstor.org/stable/24863896> [Accessed 4th October 2021].
- Hourihan, J. A. (1980) Insurance coverage for environmental damage claims. *The Forum (Section of Insurance, Negligence and Compensation Law, American Bar Association)*. 15(4), 551—564. Available at: <http://www.jstor.org/stable/25761572> [Accessed 6th October 2021].
- Mitchell, R.B. (1994) Regime Design Matters: Intentional Oil Pollution and Treaty Compliance, *International Organization*. 48 (3), 425—458. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2706965> . [Accessed 6th October 2021].
- Seymour, J.F. (1992) Liability of Government Contractors for Environmental Damage, *Public Contract Law Journal*. 21 (4), 491—571. Available at: <http://www.jstor.org/stable/25755676> [Accessed 4th October 2021].
- Treves, T. (2011) The jurisprudence of the international tribunal for the law of the sea and catastrophic environmental damage. *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. 105, 436—438. <https://doi.org/10.5305/procanmeetasil.105.0436>
- Zhu, L. (2007) International Convention on Civil Liability for Bunker Oil Pollution Damage, 2001 — Liability and Insurance Aspects. In: Basedow, J. & Magnus, U. (eds.). *Pollution of the Sea — Prevention and Compensation. Hamburg Studies on Maritime Affairs*. Vol. 10. Springer, Berlin, Heidelberg, pp. 171—180. https://doi.org/10.1007/978-3-540-73396-6_13
- Zhu, L. (2008) Compensation issues under the Bunkers Convention. *WMU Journal of Maritime Affairs*. 7(1), 303—316. <https://doi.org/10.1007/BF03195137>
- Zhu, L. & Zhao, Y (2015) Polluter-pays Principle — Policy Implementation. *Environmental Policy and Law*. 45 (1), 34—39. Available at: <https://search.proquest.com/docview/1673949037?accountid=16210>

Сведения об авторах:

Алексенко Александра Игоревна — частнопрактикующий юрист в сфере морского права, ассистент департамента правового регулирования бизнеса факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3

ORCID ID: 0000-0001-5701-8656, SPIN-код: 7887-3993

e-mail: a-aleksenko@inbox.ru

Касаткина Александра Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель руководителя департамента правового регулирования бизнеса факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3

ORCID ID: 0000-0003-4215-2419, SPIN-код: 2331-9238

e-mail: akasatkina@hse.ru

About the authors:

Aleksandra I. Aleksenko — private practitioner in the field of maritime law; assistant at the Department of Business Law, Faculty of Law, Higher School of Economics (HSE University); 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-5701-8656, SPIN-code: 7887-3993

e-mail: a-aleksenko@inbox.ru

Aleksandra S. Kasatkina — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Business Law Department, Faculty of Law, Higher School of Economics (HSE University); 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-4215-2419, SPIN-code: 2331-9238

e-mail: akasatkina@hse.ru

DIGITAL LAW

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704>

Research Article

Digital disputes in the new legal reality

Ekaterina P. Rusakova¹, Evgenia E. Frolova^{1,2}

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

²Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

rusakova-ep@rudn.ru

Abstract. The article presents the authors' view on the ongoing changes in the process of resolving new “digital” disputes. The authors assess the global practice of resolving digital disputes through arbitration, as well as the new form of digital rights protection — blockchain arbitration. They analyze regulation of the new procedure for the protection of digital rights in foreign practice. The authors believe that the developed foreign experience in resolving smart contracts is progressive and effective. The findings of the research can be outlined as follows: 1) for the first time, special rules for resolving digital disputes have been formulated; they have been developed in tight cooperation of lawyers and IT specialists; 2) disputes from smart contracts and blockchain were isolated into a separate form of rights protection; 3) special approaches to settling digital disputes at the stage of concluding smart contracts have been worked out; 4) the process of enhancing the procedure for resolving digital disputes is ongoing.

Key words: digital financial assets, digital rights, arbitration, blockchain arbitration, smart contract, digital disputes, digitalization

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: inseparable co-authorship.

Funding information. This work was financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation No. IIII-3270.2022.2 “Evolution or revolution of civil justice: digitalization through the prism of artificial intelligence”.

Article received 21st May 2022

Article accepted 15th July 2022

© Rusakova E.P., Frolova E.E., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Rusakova, E.P. Frolova, E.E., (2022) Digital disputes in the new legal reality. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 695—704. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704>

Научная статья

Цифровые споры в новой правовой реальности

Е.П. Русакова¹ , Е.Е. Фролова^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Российская Федерация

²Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

rusakova-ep@rudn.ru

Аннотация. Изложена позиция авторов на происходящие изменения в процессе разрешения новых «цифровых» споров. Дана оценка мировой практики разрешения цифровых споров посредством арбитража, а также новой формы защиты цифровых прав — блокчейн-арбитража. Анализируется регулирование новой процедуры защиты цифровых прав в зарубежной практике. Авторы полагают, что разработанный зарубежный опыт разрешения смарт-контрактов является прогрессивным и эффективным: 1) впервые появились специальные правила разрешения цифровых споров, в разработке которых участвовали не только юристы, но и IT-специалисты; 2) выделены споры из смарт-контрактов и блокчейна в отдельную форму защиты прав; 3) разработаны специальные подходы урегулирования цифровых споров на этапе заключения смарт-контрактов; 4) происходит постоянный процесс совершенствования процедуры разрешения цифровых споров.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровые права, арбитраж, блокчейн-арбитраж, смарт-контракт, цифровые споры, цифровизация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: нераздельное соавторство.

Информация о финансировании. Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

Дата поступления в редакцию: 21 мая 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Rusakova E.P., Frolova E.E. Digital disputes in the new legal reality. *RUDN Journal of Law // RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 3. С. 695—704. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-695-704>

Introduction

The new legal reality heavily contributed to completely new phenomena, which are the result of the digital transformation of socio-economic relations. It gave rise to wide application of the Internet of things, artificial intelligence, blockchain

technologies, cloud technologies, smart systems, digital platforms, tokens, cryptocurrency, digital exchanges, digital property, etc. However, adoption of a number of regulatory legal acts and amendments to the current legislation (the Civil Code of the Russian Federation, the Tax Code, the Administrative Code, Federal Law No. 259-FZ dated 31.07.2020 On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, Presidential Decree No. 778 dated 10.12.2020 On Measures to Implement Certain Provisions of the Federal Law On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, Federal Law No. 259-FZ dated 02.08.2019 (ed. on 31.07.2020) On Attracting Investments using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation, Federal Law No. 39-FZ dated 22.04.1996 On the Securities Market, Presidential Decree No. 778 of 10.12.2020 On Measures to Implement Certain Provisions of the Federal Law On Digital Financial Assets, Digital Currency and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and others) did not allow to properly regulate this area to ensure a balance of private and public interests.

Nevertheless, a new area of civil law regulation related to digital rights, the so-called digital law, is being formed in the Russian legal reality (Bezbakh & Frolova, 2022). Based on understanding of the dual legal nature of digital rights and freedoms, their protection may be carried out in judicial and non-judicial forms.

Thus, digital rights may be described as human rights in the digital space. In her work *Law in the Digital Reality* T.Y. Khabrieva (Khabrieva, 2019:91) defines digital rights arising in connection with realization of human rights in the virtual digital space, such as the right to access the Internet, the right to oblivion, the right to digital death and others. Digital rights may also be described as property with certain legal rights and obligations in civil circulation (Article 128 of the Civil Code defines them as property rights; paragraph 1 of Article 141.1 of the Civil Code defines them as binding like any other rights, the content and conditions of which are determined in accordance with the rules that meet the criteria established by law).

Professor M.N. Kuznetsov rightly points out that digital rights are an ontological variety of binding and other rights, including exclusive (Kuznetsov, 2020).

Thus, in a broader sense, digital human rights are a certain set of rights enshrined in national legislation and international law; they are imperative in a society based on information and modern technologies, the implementation and provision of which the state is obliged to guarantee following digital freedom.

Digital disputes

Modern procedural legislation has not developed a satisfactory concept of digital disputes due to differences in the legal regulation of civil rights objects as a result of digitalization (Gronic, 2020). As for Russian law, the use of this concept at this stage is premature due to its dual consolidation. Moreover, according to judicial practice, issues related to the turnover of digital financial assets are considered in the process of resolving disputes on recovery of unjustified enrichment and refund, and/or on forming the register of creditors' claims in bankruptcy and other cases, without allocating such disputes to independent proceedings (Rusakova & Frolova, 2022).

As to foreign experience, at an international conference held by the Singapore International Arbitration Center in November 2021, the participants noted that disputes related to digital assets do not differ from other disputes heard by arbitration institutions, except for their subject matter¹.

The Head of the Digital Trade Department of the World Economic Forum, Mr. Ziyang David Fan, outlined the problem associated with digital technologies penetration into almost all spheres of society and possible legal difficulties that may arise since technologies are integrated faster than laws are adopted. A striking example is electronic bills of lading, where their tokenization may face a potential problem related to disputed legal recognition by the parties.

However, even if there are some differences in disputes concerning digital and commercial assets, they are not very significant. Thus, Mr. Kirpalani, a lawyer of the Drew & Napier LLC, defines smart contracts as computer codes that automatically perform certain functions when certain conditions are met. He notes that the difference between smart contracts and pseudo or soft smart contracts is that the latter includes contracts with fixed intellectual functions, for example, when the purchase amount is deposited in advance to a deposit account, from which funds are automatically debited when a certain event occurs².

The most significant event in this regard was the adoption of the Rules for the Resolution of Digital Disputes, developed by the Ministry of Justice of Great Britain together with the legal community of England and Wales. The purpose of these rules is to facilitate the rapid and cost-effective resolution of commercial disputes, especially those related to new digital technologies, such as crypto assets, cryptocurrency, smart contracts, distributed ledger technology and fintech applications. Thus, digital disputes are defined as commercial, but of a digital nature³.

Such approach is justified by the fact that a single legal mechanism for resolving digital disputes has not been developed, and issues related to digital assets are often considered in conjunction with other civil obligations. Based on this, the foreign legal community proposes to resolve digital disputes through arbitration.

Arbitration is the most popular way of resolving commercial disputes in world practice; their enforcement is guaranteed by the norms of the New York Convention On the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards of 1958, to which 173 countries are parties.

The digital dispute resolution rules apply only when the parties have included this condition in the contract, digital asset or digital asset system in the following wording: “Any dispute shall be resolved in accordance with the UKJT Digital Dispute Resolution Rules”; they allow to appeal not only to arbitration, but also to expert

¹ Felicia Ng (Hogan Lovells Lee & Lee). YSIAC Conference Recap: Cryptocurrency, Blockchain and NFTs. November 12, 2021. Leave a comment YSIAC. Available at: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2021/11/12/ysiac-conference-recap-cryptocurrency-blockchain-and-nfts/> [Accessed 25th April 2022].

² Felicia Ng (Hogan Lovells Lee & Lee). YSIAC Conference Recap: Cryptocurrency, Blockchain and NFTs. November 12, 2021. Leave a comment YSIAC. Available at: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2021/11/12/ysiac-conference-recap-cryptocurrency-blockchain-and-nfts/> [Accessed 25th April 2022].

³ Digital Dispute Resolution Rules. UK Jurisdiction Taskforce. Available at: https://35z8e83m1ih83drye280o9d1-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2021/04/Lawtech_DDRR_Final.pdf [Accessed 20th April 2022].

assessment and the parties may determine the form of the procedure, timing, procedure for allocating costs and anonymity of the process.

The Rules provide for an automatic dispute resolution process, decisions on which are binding on the parties, and arbitration and expert evaluation apply only to those disputes that have not been settled within the framework of this process.

Moreover, the rules provide for broad powers of arbitrators and experts engaged both in relation to the resolution procedure and digital assets, who can at any time manage, modify, sign or cancel any digital asset related to the dispute using any digital signature, cryptographic key, password or other digital mechanism available to their access or control, or instruct any interested party to perform any of these actions. Such an approach may lead to serious risks for the parties regarding the security of their digital assets.

Another extremely important condition for applying these rules is the extension of the jurisdiction of England and Wales to these legal relations, both with respect to the venue of any arbitration proceedings and applicable law, although in the latter case, unless the parties have agreed otherwise. Conventionally, the arbitral awards are final and binding on the parties and are not subject to appeal either on matters of law or fact, except in cases provided for by the Arbitration Act 1996 of England and Wales.

Thus, the Rules for the Resolution of Digital Disputes may determine the law of England and Wales as the main in regulating digital disputes through arbitration by extending its jurisdiction to relations, including those complicated by a foreign element. Moreover, it is planned that such arbitral awards should be enforced by all member states of the above-mentioned convention.

The problem of resolving digital disputes is dealt with by various organizations providing conflict resolution services. For example, JAMS, a company specialized in providing individual, face-to-face, virtual and hybrid dispute resolution services through the latest technologies, has developed draft arbitration rules for resolving disputes arising from smart contracts that suggest a computer protocol designed to fulfill a self-executing contract when the terms of the agreement between the parties are directly written in lines of computer code existing in a distributed decentralized blockchain network⁴.

Peter Smith, a lawyer at Charles Russell Speechlys LLP, asserts that the appearance of digital dispute resolution rules is a very welcome addition to the arsenal of technical dispute resolution arbitration mechanisms, which include Codelegit (Blockchain Arbitration Association), Kleros, a decentralized arbitration organization, as well as the draft JAMS Rules governing disputes arising from smart contracts (Smith, 2022).

It should be noted that, for example, Codelegit itself develops smart contracts where a dispute resolution function is built in, and which allows suspending the execution of the smart contract algorithm in case of its occurrence. Moreover, all smart contracts contain an arbitration clause of the Blockchain Arbitration Association and are resolved through arbitration.

The international practice of digital dispute resolution introduced a new form of digital rights protection, the so-called blockchain arbitration.

⁴ JAMS smart contract clause and rules (DRAFT). Available at: <https://www.jamsadr.com/rules-smart-contracts#14> [Accessed 13th May 2022].

According to Derrick Yeo, a Schellenberg Wittmer lawyer, a new form of online dispute resolution is currently being integrated into the international practice of dispute resolution: arbitration-blockchain, which was developed as the preferred mechanism for resolving disputes arising from smart contracts, the resolution of which requires knowledge in blockchain technology and smart contracts (Yeoh, 2018).

Thus, according to Sir Geoffrey Vos, “some digital technologies (smart contracts) completely exclude disputes, given that they are based on self-executing code that will automatically fulfill the terms of the agreement concluded between the parties”⁵.

A dispute can hardly arise from a simple smart contract, such as a purchase and sale. However, disputes may arise in more complex contracts, which may include some complex elements and definitions to understand the terms of the transaction. In this case, the parties can choose one of the blockchain arbitration models offered by CodeLegit or Kleros.

Derrick Yeo highlighted a number of features of two types of blockchain arbitration. For example, CodeLegit has developed a set of rules for blockchain arbitration and provides for dispute resolution by an arbitrator who may be a lawyer or a blockchain specialist. Kleros has created an entire quasi-judicial system with a general court, followed by two levels of judicial divisions: transport and air transport departments, and an appeal system.

However, some foreign scientists such as Pedro Lacasa, National University of Asuncion, express the opinion that blockchain arbitration is not arbitration in the sense of worldwide recognition; he refers to the absence of a number of characteristic advantages of arbitration, the possibility of choosing an arbitrator, their qualifications and nationality, language of the procedure, applicable law and others (Lacasa, 2022).

Another important difference is that arbitrators in such processes are called juries; they form a jury by drawing lots, which then decides on the case. The parties have the right to challenge the jury, but the objections must be justified, otherwise the party may be fined (Tirado & Gabriel, 2022).

The proof process in blockchain arbitration is also different, as coded evidence is provided, which does not require oral hearings being an integral part of arbitration proceedings. Moreover, due to the strict blockchain functionality, which excludes the presence of third parties, the possibility of receiving evidence from third parties is completely dismissed.

According to Kariuki Muigua, a leading specialist in environmental law, policy adviser, natural resources lawyer and dispute resolution expert from Kenya, specifics of blockchain arbitration is the cryptographic form of arbitration agreement and absence of arbitration venue (Muigua, 2022b). And these are just some of them. The concept of arbitration using blockchain is one of the most recent achievements in the field of alternative dispute resolution and is aimed at using high technology in dispute resolution. This is due to the proliferation of electronic contracts and smart contracts in commercial transactions around the world (Muigua, 2022a).

⁵ Walker Annabel, Jones Imogen, Brogden Jonathan, Cooper Alistair. Digital dispute resolution rules — a new way of resolving tech disputes? Available at: <https://www.dacbeachcroft.com/en/gb/articles/2021/may/digital-dispute-resolution-rules-a-new-way-of-resolving-tech-disputes/> [Accessed 03th May 2022].

An important principle of arbitration is the principle of confidentiality. Despite the reliable protection provided by blockchain, ensuring data protection is a serious challenge. It should be noted that the European Union has created a universal system for regulating digital rights. The General Data Protection Regulation (GDPR), adopted on April 14, 2016 (hereinafter referred to as the Regulation) and entered into force on May 25, 2018 was introduced to unify the provisions governing the protection of personal data in the European Union. The Regulation establishes specific types of security that can be described as “relevant to the risk”. It involves:

- pseudonymization and encryption of personal data,
- ability to ensure the continued confidentiality, integrity, availability and sustainability of processing systems and services,
- possibility of timely restoration of availability and access to personal data in the event of physical or technical incident (Rusakova, 2022).

However, this system is not sufficiently developed to regulate the decentralized functioning of the blockchain, which prevents assigning responsibility to data controllers. Moreover, blockchain traceability contradicts the GDPR requirement of the “right to oblivion” (Darshan Bhora & Aisiri Raj, 2020).

In February 2020, the European Commission published a number of new documents that form the EU’s digital transformation strategy at the present stage⁶. The document *Shaping the Digital Future of Europe* states that the strategy is based on three pillars: technology at the service of people, fair and competitive digital economy, and open, democratic and sustainable society. Europe is aiming to become a global model in the field of digital economy, support economies in the process of digital transformation and develop digital norms to promote them at the international level, therefore, advanced developments in the field of digital dispute resolution are actively implemented within the EU. All of the above differences of blockchain arbitration in practice may lead to problems of recognition of such decisions, which may reduce the effectiveness of this form of digital rights protection.

In the Russian legal reality, an attempt has also been made to implement the protection of digital rights through arbitration. Thus, the Arbitration Center at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs has established a panel on disputes in the field of digital economy, which resolves the following disputes:

- 1) disputes related to the issuance, accounting and circulation of digital assets certifying property rights;
- 2) disputes related to the fixation of property rights by making entries in information systems in the information and telecommunications network “Internet” based on a distributed registry (blockchain);
- 3) disputes related to transactions involving automatic execution (self-executing transactions, smart contracts), including the use of information systems based on a distributed registry (blockchain);
- 4) disputes related to transactions made with the use of and/or in relation to digital assets (including tokens, cryptocurrencies, and digital signs);

⁶ *Shaping Europe’s Digital Future*. 19 février 2020. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/fs_20_278 [Accessed 09th April 2022].

5) disputes related to the organization of retail financing (crowdfunding), including those related to the provision of access to information resources of the information system in the Internet telecommunications network (investment platform) to conclude contracts within this system and attract investments,

6) disputes related to transactions concluded using various methods of digital identification of the parties (including electronic digital signature and a link to the web page), as well as disputes over the processing and security of personal data,

7) disputes related to the processing of big data arrays, including disputes related to application of technical standards and ensuring information security,

8) disputes related to the use of distributed registry technology, artificial intelligence, neurotechnologies, quantum technologies, industrial Internet, wireless communication technologies, virtual and augmented reality, as well as other disputes related to creation, circulation and use of digital technologies⁷.

However, this arbitration institution has not developed special rules for resolving digital disputes, and considers them in accordance with the existing arbitration rules. According to the report on the activities of the Arbitration Center at the RSPP for 2021, digital disputes account for a fraction of 1.2% of other categories of disputes resolved by this arbitration institution, which indicates that this form of digital dispute resolution is in little demand in Russia⁸.

The need to develop legislative frameworks regulating the procedure for resolving digital disputes will increase every year, as blockchain technologies have firmly entered our lives. According to the World Economic Forum, more than 10% of GDP will be stored in the blockchain by 2025, but some analysts believe that by 2050 it may reach to 50%⁹.

The conducted research of the arbitration form of digital rights protection revealed a number of legal problems related to their insufficient legal regulation. The possibility of adapting traditional legal instruments to new phenomena has not proved its effectiveness. To develop an effective mechanism for resolving digital disputes, it is necessary to determine their legal nature (Wagner & Eidenmueller Horst, 2021).

Conclusion

Digital economy is based on smart contracts and blockchain, which require the creation of a predictable and effective dispute resolution mechanism aimed at preventing risks associated with active introduction of digital technologies.

Attention should be paid to the opinions of Oxford University scientist Horst Aidenmuller and Gerhard Wagner from Humbolt University of Berlin, who express concerns about greater digital influence on the private sector of economy, which provides new services (including electronic trading platforms) and may create their own way of resolving disputes by including it in smart contracts that they develop themselves. It may result in privatization of this dispute resolution mechanism and abuse of law in this area.

⁷ Arbitration Center at RSPP. Available at: <https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/statute/#pr6> [Accessed 18th May 2022].

⁸ Arbitration Center at RSPP. Available at: <https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/statute/#pr6> [Accessed 18th May 2022].

⁹ Adrien Ogée, Dominique Guinard, Blockchain is not a magic bullet for security. Can it be trusted? Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2019/08/blockchain-security-trust/> [Accessed 16th May 2022].

Currently, many problems cannot be solved due to the lack of a unified internationally recognized approach to resolving digital disputes, as well as the implementation of a political agenda to the detriment of a coordinated long-term global legal strategy. The authors are of the opinion that it is essential to develop a unified theoretical basis for developing digital legislation and the vector of its development. Its elements should include clear legal guarantees established both at the international and national levels to protect digital rights.

References / Список литературы

- Bezbakh, V.V. & Frolova, E.E. (2022) Augmented reality and civil law regulation of business relations. In: Inshakova, A.O., Frolova, E.E. (eds.). *Smart technologies for the digitisation of industry: entrepreneurial environment. smart innovation, systems and technologies*. Vol. 254. Springer, Singapore. pp. 2—37. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_3
- Darshan Bhora & Aisiri Raj (2020) Blockchain Arbitration — The Future of Dispute Resolution Mechanisms? *Cambridge International Law Journal*. Available at: <http://cilj.co.uk/2020/12/16/blockchain-arbitration-the-future-of-dispute-resolution-mechanisms/> [Accessed 29th April 2022].
- Gronic, I. (2020) Electronic trial in Western Australian civil process. *Eurasian Law Journal*. 12 (151), 60—61. (in Russian).
Гроник И. Электронное судебное разбирательство в гражданском процессе Западной Австралии // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12 (151). С. 60—61.
- Khabrieva, T.Ya. (2019) Law in the conditions of digital reality. *Pravo i ekonomika*. (3), 91. (in Russian).
Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности // Право и экономика. 2019. № 3. С. 91.
- Kuznetsov, M.N. (2020) Influence of digitalization on some guiding principles of civil legal proceedings. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal sciences*. 2 (38), 58—67. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2020.38.2.06> (in Russian).
Кузнецов М.Н. Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 2 (38). С. 58—67. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2020.38.2.06>
- Lacasa, P. (2022) Can Blockchain Arbitration become a proper ‘International Arbitration’? Jurors vs. arbitrators. *Conflict of Laws*. Available at: <https://conflictoflaws.net/2022/can-blockchain-arbitration-become-a-proper-international-arbitration-jurors-vs-arbitrators/> [Accessed 04th May 2022].
- Muigua, K. (2022a) *The evolving alternative dispute resolution practice: investing in digital dispute resolution in Kenya*. Available at: <http://kmco.co.ke/wp-content/uploads/2022/04/The-Evolving-Alternative-Dispute-Resolution-Practice-Investing-in-Digital-Dispute-Resolution-in-Kenya-Kariuki-Muigua.pdf> [Accessed 19th April 2022].
- Muigua, K. (2022b) Is digital dispute resolution the future of commercial ADR? *The lawyer Africa*. Available at: <https://thelawyer.africa/2022/06/18/is-digital-dispute-resolution-the-future-of-commercial-adr/> [Accessed 19th April 2022].
- Rusakova, E.P. & Frolova, E.E. (2022) Introduction of digital methods of protection of rights as a legal guarantee of business activity in the modern world (on the Example of China). In: Inshakova, A.O., Frolova, E.E. (eds.). *Smart technologies for the digitisation of industry: entrepreneurial environment. smart innovation, systems and technologies*. Vol 254. Springer, Singapore. pp. 121—130. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_10121-130
- Rusakova, E.P. (2022) Robotization of civil proceedings: reality or future. In: Inshakova, A.O., Inshakova, E.I. (eds.). *New Technology for Inclusive and Sustainable Growth. Smart innovation, systems and technologies*. Vol. 288. Springer, Singapore. pp. 211—217. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9808-8_23

- Smith, P. (2022) Arbitration tech toolbox: arbitrating digital asset disputes. *Kluwer arbitration blog*. Available at: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2022/04/27/arbitration-tech-toolbox-arbitrating-digital-asset-disputes/> [Accessed 14th April 2022].
- Tirado, J. & Cosio, G. (2022) Lex cryptographia: Guidelines for ensuring due process in transnational blockchain-based arbitration. *International Bar Association*. Available at: https://www.ibanet.org/lex-cryptographia-due-process-blockchain-based-arbitration#_edn2 [Accessed 18th May 2022].
- Wagner, G., & Eidenmueller, Horst G.M. (2021) Digital Dispute Resolution. *SSRN*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3871612>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3871612> [Accessed 15th April 2022].
- Yeoh, D. (2018) Is online dispute resolution the future of alternative dispute resolution? *Kluwer arbitration blog*. Available at: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/03/29/online-dispute-resolution-future-alternative-dispute-resolution/> [Accessed 09th April 2022].

About the authors:

Ekaterina P. Rusakova — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-6488-0754, Researcher ID L-5478-2017

e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Evgenia E. Frolova — Doctor of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Full Professor of the Department of theory and history of state and law, Far Eastern Federal University; 10, Ajax Bay, Vladivostok, Russky Island, 690922, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-1852-0085, Scopus Author ID: 56439998700, SPIN-code: 5471-0740, Researcher ID C-8278-2015

e-mail: frolova_ee@rudn.ru

Сведения об авторах:

Русакова Екатерина Петровна — доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0001-6488-0754, Researcher ID L-5478-2017

e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Фролова Евгения Евгеньевна — доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; профессор кафедры теории и истории государства и права, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет; Российская Федерация, 690922, г. Владивосток, о-в Русский, п-ов Аякс, д. 10

ORCID ID: 0000-0002-1852-0085, Scopus Author ID: 56439998700, SPIN-код: 5471-0740, Researcher ID C-8278-2015

e-mail: frolova_ee@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-705-724>

Научная статья

Приоритеты правовой политики в сфере цифровизации законотворческой деятельности

А.Ю. Соколов , О.Л. Солдаткина

Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук,
г. Саратов, Российская Федерация
 i_gp@ssla.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена динамикой развития социальной среды и необходимостью реагирования правовой системы на происходящие в обществе изменения, одним из которых является цифровизация всех видов коммуникации. При трансформациях, вызванных цифровизацией (особенно в таких юридически и социально значимых сферах, как законотворчество), стоит избегать стихийных изменений законодательства, исходя из чего сформулирована цель исследования: обозначить приоритеты правовой политики в сфере цифровизации законотворчества. Для решения поставленных задач авторами были использованы методы системного анализа, формальной логики, синтеза. По результатам проведенного исследования получены следующие выводы. Система приоритетов правовой политики дает возможность подобрать правильные средства ее реализации, а для выделения приоритетов хорошо подходит методология системного анализа. Данная методология предлагает схему оптимизации правового регулирования, на основе которой авторами выделены приоритеты правовой политики в сфере цифровизации законотворчества.

Ключевые слова: цифровизация, правовая политика, приоритеты правовой политики, оптимизация правового регулирования, системный анализ, искусственный интеллект, правовой статус искусственного интеллекта, машиночитаемое право, цифровизация законотворчества

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: Соколов А.Ю. — концепция исследования, анализ полученных результатов, написание текста; Солдаткина О.Л. — концепция исследования, сбор и обработка материалов, анализ полученных результатов, написание текста.

Дата поступления в редакцию: 11 февраля 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Соколов А.Ю., Солдаткина О.Л. Приоритеты правовой политики в сфере цифровизации законотворческой деятельности // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 705—724. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-705-724>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-705-724>

Research Article

Priorities of federal and regional legal policy in the field of digitalization

Alexander Yu. Sokolov^{ID}, **Oksana L. Soldatkina**^{ID}✉

Saratov branch Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russian Federation

✉ i_gp@ssla.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the dynamics of social environment development and the need for the legal system to respond to the changes including digitalization of all types of communication that take place in society. The authors assert that with transformations caused by digitalization (especially in such legally and socially significant areas as lawmaking), spontaneous changes in legislation should be avoided. This principle formulated the purpose of the study — to identify the priorities of legal policy in the field of digitalization of lawmaking. To solve the tasks, the authors apply the methods of system analysis, formal logic, and synthesis. Based on the results of the study, the following conclusions have been obtained. The system of legal policy priorities allows to select the right means of its implementation, and the methodology of system analysis is well suited for prioritization. This methodology offers a scheme for optimizing legal regulation, on the basis of which the authors have identified the priorities of legal policy in the field of digitalization of lawmaking.

Key words: digitalization, legal policy, legal policy priorities, optimization of legal regulation, system analysis, artificial intelligence, legal status of artificial intelligence, machine-readable law, digitalization of lawmaking

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: *Sokolov A.Yu.* — research concept, data analysis, text writing; *Soldatkina O.L.* — concept, data analysis, collection and processing materials, text writing.

Article received 11th February 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Sokolov, A.Yu., Soldatkina, O.L. (2022) Priorities of federal and regional legal policy in the field of digitalization. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 705—724. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-705-724>

Введение

Вопросы оптимизации отечественной правовой системы никогда не теряют своей актуальности, что обусловлено невозможностью для права существовать вне социальной среды. Поэтому развитие последней неизменно должно

отражаться в праве — отрыв правовых норм от действительности влечет их нежизнеспособность, возрастание недоверия к государственной власти и правовому нигилизму (Malko, 2012).

Сегодня общество переживает очередной виток существенных изменений, толчком к которым стали ограничительные мероприятия пандемии COVID-19, — речь идет о цифровизации всех видов коммуникации (Polyakova, 2021; Volos, 2021; Bundin, Martynov & Minbaleev, 2021; Kovaleva, Anichkin & Anisimova, 2020), включая и нормотворческую деятельность.

Естественно, такие глобальные изменения требуют оптимизации права, с чем и связано активное развитие категории правовой политики.

Выбор данной категории как наиболее удачной для комплексных юридических исследований не случаен. Правовая политика представляет собой деятельность государства, индивидов, их объединений, включая все общество, по созданию и реализации стратегических правовых идей в целях формирования правовой государственности (Korobova, 2000).

Именно вот такого «планового» подхода к развитию правового регулирования в рамках процесса цифровизации не хватает зачастую информационному законодательству. Вызванные пандемией COVID-19 изменения только ухудшили ситуацию во многих сферах государственного управления.

Например, несмотря на то, что информатизация (позже перешедшая в цифровизацию) судебной системы была задекларирована более 20 лет назад, она оказалась не готовой к работе в цифровой среде ни нормативно-процессуально (судебные заседания начали проводить в удаленном интерактивном режиме еще в апреле 2020 г.¹, а соответствующий законопроект Министерство юстиции РФ начало готовить только в мае 2020 г.²), ни технически (недостаточное оснащение компьютерной техникой и сетями региональных судов неоднократно обсуждалось при встречах теоретиков и практиков), ни в рамках обеспечения информационной безопасности (заседания, где используются в том числе и персональные данные, проводились по средствам программ организации веб-конференций, не только не являющихся российским программным обеспечением, но и нежелательных к использованию с позиции законодательства о персональных данных).

Другой пример — оказание всевозможных государственных услуг, связанных, например, с государственной научной аттестацией, где основная форма работы — так же заседание (диссертационных советов, Президиума ВАК, экспертных советов ВАК и пр.) В 2020 году проблему пришлось решать временными мерами³, разрешив организациям, на базах которых действуют советы, самим

¹ Верховный суд начнет рассматривать дела по интернету. Ведомости. 2020. 20 апр. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/20/828523-sud-internetu> (дата обращения: 05.01.2022).

² Минюст готовит законопроект об участии в судебном заседании из дома // Российская газета. 2020. 3 мая. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/05/03/minjust-gotovit-zakonoproekt-ob-uchastii-v-sudebnom-zasedanii-iz-doma.html> (дата обращения: 05.01.2022).

³ Постановление Правительства РФ от 26 мая 2020 г. № 751 «Об особенностях проведения заседаний советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в период проведения мероприятий, направленных на предотвращение распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 22, ст. 3517

устанавливать порядок удаленного проведения заседаний диссертационных советов. Постоянно действующий нормативный правовой акт появился только год спустя⁴.

Спешные, стихийные и не всегда продуманные изменения законодательства дискредитируют право как регулятор, следовательно, правовая политика с ее плановостью как нельзя более подходит для целей оптимизации правового регулирования в сфере цифровизации.

Что же касается правотворческой деятельности, то вопросы информатизации и ее логического продолжения цифровизации, в целом позволяющих улучшить качество нормативных актов, стоят здесь уже давно (Goloskokov, 2006), но многие из них так и не получили окончательного разрешения (Orlov, 2021; Pashentsev & Alimova, 2019 и др.).

Исходя из изложенного выше, сформулирована цель данного исследования: обозначить приоритеты правовой политики в сфере цифровизации законодательства. Поставленная цель обуславливает выполнение ряда задач:

1. Дать понимание сущности ключевого метода, используемого в данном исследовании.

2. Рассмотреть особенности построения системы приоритетов правовой политики в сфере цифровизации в зависимости от направления ее реализации. Поскольку формат статьи не позволяет охватить все направления, ограничимся одним из них — правотворческим.

Оптимизация правового регулирования и приоритеты правовой политики

В теории правовой политики в силу комплексного ее характера принято называть наиболее значимые из целей приоритетами (Malko, 2012:105). Выделение приоритетов в целом проводится с целью сосредоточения на главном, однако некоторые исследователи видят и дополнительные преимущества такого подхода в потенциальной возможности подобрать правильные средства реализации правовой политики в зависимости от ее направления (Korobova, 2003).

В сфере цифровизации (если ее рассматривать как логическое продолжение процессов компьютеризации, автоматизации и информатизации) уже существует достаточно объемный массив нормативных документов, что выводит на передний план не столько создание новых норм (хотя без этого не обойтись), а именно вопросы оптимизации существующих законодательных новелл.

В юридических исследованиях термин «оптимизация» обычно применяется как интуитивно понимаемый без уточнения его значения. Представляется однако, что уточнение терминологии позволит привлечь эффективные инструменты исследования из технических дисциплин.

⁴ Постановление Правительства РФ от 20 марта 2021 г. № 426 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 751» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 13, ч. II, ст. 2252.

Понятие оптимального нашло основное приложение в информатике (Bentley, 1982; Knut, 2007), где оно определяется как процесс максимизации выгодных характеристик, соотношений и минимизации расходов⁵. В этом случае задача оптимизации считается сформулированной, если заданы критерий (или несколько критериев), по которому проводится оптимизация (сюда могут входить экономические, организационные, социологические или технологические требования); так называемые варьирующие параметры, от изменения которых зависит эффективность процесса; математическая модель процесса, включая имеющиеся ограничения модели, обусловленные входящими параметрами и ресурсной базой (понятие ресурса здесь используется в узком смысле технических возможностей системы и времени на проведение операций); оптимальное в данном случае определяется как наилучшее соотношение между затрачиваемыми ресурсами памяти и времени.

Есть и другой подход к определению оптимизации как модификации системы для улучшения ее эффективности (Yagofarov, Khridina & Vasilchenko, 2006), что в приложении к правоведению позволит применять в исследованиях инструменты теории систем. В частности, анализ данной ранее дефиниции позволяет считать, что оптимизация имеет непосредственное отношение именно к самому процессу трансформаций, но акцент ставится на средства достижения цели, делая оптимизацию полезной с точки зрения подбора адекватных цели средств ее достижения. Также важно и то, что состояние оптимума не только нуждается в постоянной поддержке, но и предусматривает «упреждающий» характер изменений: то, что «здесь и сейчас» представляется не самым лучшим решением, может стать оптимальным через некоторый промежуток времени в изменившихся условиях. Такая ситуация не редкая, например, в сфере правотворчества, особенно, в законодательной деятельности, сопровождающей цифровизацию.

Оптимизация перекликается с неоднократно апробированной ранее для теоретических исследований в области правовой политики методологии системного анализа, хорошо зарекомендовавшего себя при решении слабоструктурированных задач (Bentley & Dittman, 2004; Shugart & Robert O'Neill, 1979; Parsons, 1951 и др.), не имеющих стандартных ответов (Kraynyuchenko & Popov, 2005). Методология системного анализа опирается на выделение конечного количества логических элементов, обуславливающих этапы исследования, а именно:

- 1) постановка задачи;
- 2) анализ текущего состояния системы;
- 3) описание требуемого состояния системы;
- 4) определение направлений оптимизации на основе сравнения текущего и требуемого состояний системы.

⁵ Значение слова «оптимизация». КАРТАСЛОВ.РУ — Карта слов и выражений русского языка. Режим доступа: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BE%D0%BF%D1%82%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 10.01.2022).

Приоритеты правовой политики в сфере цифровизации в правотворчестве

Анализ текущего и описание требуемого состояний системы

Сегодня одним из основных «трендов» государственного управления согласно национальной программе «Цифровое государственное управление»⁶ (далее — Национальная программа) является цифровая трансформация оказания государственных услуг посредством реестровой модели. При переводе некоторых видов государственных услуг на реестровую модель, например, по государственной научной аттестации, возникает следующая ситуация: результатом оказания услуги является приказ Минобрнауки России, основная форма существования которого — бумажная, тогда как форма хранения информации при реестровой модели оказания — цифровая (реестр представляет собой систематизированный перечень данных, формируемый в соответствии с поставленными задачами (Tereshchenko, 2021)). Такое положение приводит к наличию некоторых лишних этапов, делает невозможным эффективную автоматизацию процесса и косвенно ставит вопрос о переходе системы нормативных правовых актов к цифровой форме существования как к основной.

Другой предпосылкой является объем существующего законодательного массива, что напрямую связано со ставшими уже традиционными элементами законотворческой политики. Речь идет прежде всего о прогнозировании, где в качестве основной цели можно установить определение способов протекания процесса правотворчества в предстоящий период времени. Особенностью прогнозирования является прямая зависимость эффективности деятельности от объема информации об исследуемом явлении и ее качества. Другим элементом выступает стратегическое планирование, представляющее собой утверждение порядка мероприятий по установлению последовательности и сроков подготовки, рассмотрения и принятия законопроектов (Starovoitov, 2004). При работе в рамках указанных стратегических элементов эксперт сталкивается с огромным количеством информационных ресурсов. Такой массив информации не может быть проанализирован человеческим сознанием в принципе. Поэтому здесь широко распространено использование экспертных информационных систем, в том числе систем поддержки принятия решений, работа которых основана на применении банков знаний, требующих цифровой формы хранения нормативной информации.

Таким образом, нормативная информация может рассматриваться как информационный ресурс. Для ее эффективного использования в цифровой среде нормативный правовой акт, рассматриваемый как единица хранения информации, должен претерпеть существенные изменения (начиная с формы организации информации как документа). Правовая политика должна учитывать необходимость изменения формы существования нормативной информации, расставляя акценты при помощи приоритетов, — это и будет задачей оптимизации.

⁶ Национальная программа «Цифровое государственное управление». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения: 01.06.2021).

Анализ текущего и описание требуемого состояний системы

Необходимость изменения структуры нормативной информации с позиции удобства автоматической ее обработки, включая заложенный потенциал для частичного автоматического создания некоторого количества «технических» норм права, обсуждается в научных кругах с начала 2000-х годов. Так, в работах Л.В. Голоскокова (Goloskokov, 2006) предлагался термин «сетевое право» как вариант права, обогащенного активным использованием сетевых аспектов, что можно рассматривать как шаг к требуемому состоянию пространства нормативной информации. В частности, в числе основных принципов « сетевого права » ученым выделялись: указанная ранее автоматическое формирование некоторых элементов юридических норм; стандартизацию структуры нормативного акта с учетом потребности автоматизации дальнейшей обработки; автоматическое регулирование некоторых правовых отношений в сетевом пространстве (например, путем автоматического взимания налогов с сетевых сделок); устранение внутренних противоречий в законодательстве; исключение письменной формы, то есть генерация правовых норм только в электронном виде; организация диалога между всеми субъектами законотворческой деятельности между собой в режиме реального времени и другие. Сетевая концепция права хороша тем, что учитывает процессы автоматизации как часть правовой действительности. Вместе с этим она предполагает глубокую модернизацию не только правовой системы, но и государства в целом на основе сетевой структуры организации власти, а данная концепция подвергается справедливой критике со стороны исследователей права (Lipen, 2020; Mamut, 2005 и др.)

Идея автоматического создания норм права в текущий момент времени также представляется крайне спорной — основанная на применении систем искусственного интеллекта, она наследует ряд юридических и этических проблем, требующих решения до того, как в принципе поднимать данную тему.

Нормативное определение искусственного интеллекта дано в Федеральном законе от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»⁷. Анализ данной дефиниции позволяет выделить следующие значимые признаки искусственного интеллекта:

— в основе его лежит комплекс технологических решений, что предполагает наличие технического устройства, способного воспринимать информацию и ее передавать;

— способность к самообучению, то есть самостоятельному поиску информации;

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации от 27 апреля 2020 г. № 17 ст. 2701.

— способность анализировать информацию и принимать решения без заранее заданного алгоритма и без непосредственного участия человека, что подразумевает определенную степень автономной работы (субъектность);

— способность получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Выделенные признаки в принципе совпадают с признаками, получаемыми путем теоретического анализа существующих подходов к понятию «искусственный интеллект» (Vasilev & Shroper, 2018), что свидетельствует о качественной дефиниции, однако это малая часть имеющихся в области правового регулирования искусственного интеллекта проблем.

Когда речь идет о принятии решений, имеющих юридическую силу, основным вопросом становится, несомненно, неопределенный правовой статус систем искусственного интеллекта и родственный ему вопрос ответственности за принятые решения.

Что касается юридического статуса систем искусственного интеллекта, то нормативно он пока не установлен, а между учеными-правоведами ведутся споры, связанные с озвученными ранее проблемами определения сути рассматриваемого понятия. Озвучиваемые мнения можно разделить условно на две «крайних» группы, между которыми есть промежуточные варианты:

1. Искусственный интеллект может выступать как субъект права.

Сторонники данной точки зрения (Yastrebov, 2017; Morhat, 2018) придерживаются следующей логики: если искусственный интеллект создан по образу человека, то у него должно быть и подобие прав и обязанностей.

При таком подходе далее мнения снова разделяются. Российская правовая доктрина исходит из того, что участниками правоотношений являются физические и юридические лица.

Согласно отечественному законодательству к физическим лицам могут относиться граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства (см., например, п. 2 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации). То есть физическое лицо — это индивид, который выступает в качестве лица, наделенного гражданской правосубъектностью⁸.

Очевидно, что искусственный интеллект не может рассматриваться как физическое лицо в силу того, что представляет собой неживое устройство.

Не может искусственный интеллект рассматриваться и как юридическое лицо, в силу того, что «юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» (п. 1 ст. 11 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации). В любом случае действия юридических лиц подразумевают действия физических лиц (особенно в случае уголовной ответственности), в то время как, исходя из признаков, действия искусственного

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 05.12.1994. № 32. ст. 3301. Актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 18.05.2022. Режим доступа: <https://gkodeksrf.ru/ch-1/rzd-1/podrzd-2/gl-3/st-17-gk-rf> (20.05.2022).

интеллекта не всегда восходят к действиям человека. Однако искусственный интеллект по статусу может быть похож на юридические лица в том ключе, что является субъектом права фиктивно. Например, системы искусственного интеллекта могут иметь регистрацию; обладать материальной ценностью; его можно привлечь к юридической ответственности (например, в виде принудительного отключения или доработки программы, а также утилизации) (Laptev, 2019; Vasiliev & Pechatnova, 2020), то есть по сути обдать некоторыми признаками субъекта права. При этом юридическое лицо не материально, тогда как искусственный интеллект так или иначе имеет носитель, то есть материален.

Выходов из сложившейся ситуации предлагается два:

— наделить искусственный интеллект особым статусом (предлагается, например, название «электронное лицо» (Morhat, 2018)), отражающего специфическую форму правосубъектности отдельных единиц искусственного интеллекта;

— рассматривать искусственный интеллект как «квази-субъект» права, то есть как субъект права, не обладающий полноценной правосубъектностью (Vasiliev & Pechatnova, 2020). А.А. Васильев и Ю.В. Печатнова же приводят и вполне обоснованную критику данного подхода.

Представляется, что стоит согласиться с теми авторами, которые считают, что наделение систем искусственного интеллекта правосубъектностью по меньшей мере преждевременно. Во-первых, системы искусственного интеллекта еще не достигли уровня развития, при котором данный вопрос хотя бы можно было ставить; во-вторых, такой подход в целом снимает ответственность с разработчиков, «учителей», пользователей систем искусственного интеллекта; в-третьих, даже самые приближенные к человеку нейронные сети не обладают таким основополагающим для субъекта качеством, как воля.

2. Искусственный интеллект нужно рассматривать как объект права.

Исторически это первый сложившийся подход. Действительно, если рассматривать объект права как разнообразные материальные и нематериальные явления, блага, способные удовлетворить интерес управомоченного лица⁹, то системы искусственного интеллекта вполне вписываются в данную категорию.

Однако отнести искусственный интеллект к классическим объектам права мешает их способность принимать решения и действовать самостоятельно, то есть элемент непредсказуемости действий, — острее становится вопрос ответственности. Так, обученные на основе большого количества реальных данных нейросети принимают решения, логику которых не может проследить ни создатель системы, ни ее учитель, подбирающий и обрабатывающий данные для обучения, ни человек, ее использующий. Получается, что «объект» принимает самостоятельные решения, но при этом не несет за них ответственности.

Кроме того, если относить искусственный интеллект к объектам права, то его действия, связанные с автоматическим созданием норм права или принятием решений по так называемым бесспорным делам, становится сложно вписать в текущие юридические конструкции.

⁹ Понятия и категории. Вспомогательный проект портала ХРОНОС. Режим доступа: <http://ponjatija.ru/taxonomy/term/6578> (дата обращения: 03.06.2022)

Представляется, что есть смысл при определении искусственного интеллекта как объекта права предусмотреть в перспективе возможность наделения его частичной правоспособностью, то есть создание новой (цифровой) единицы, участвующей в правоотношениях.

Другим вопросом, имеющим ключевое значение в случае автоматического формирования норм права, является ответственность за действия систем искусственного интеллекта.

На текущий момент в России ситуация такова, что в отношении систем искусственного интеллекта будут применяться общие принципы и нормы права, поэтому ученые-правоведы чаще всего предлагают правовое регулирование на основе уже существующего законодательства. Здесь есть несколько вариантов:

— по аналогии с гражданским законодательством о животных (Arkhipov & Naumov, 2017), когда ответственность возлагается на владельцев. С точки зрения робототехники это может представлять собой вполне рабочий вариант, но, во-первых, не все системы искусственного интеллекта являются роботами (если рассматривать последних как автоматические машины); во-вторых, нормы права относительно домашних и диких животных отличаются: первые достаточно мягкие и предполагают априори, что животное в обычных обстоятельствах не нанесет вред человеку (что не верно в отношении систем искусственного интеллекта), вторые — слишком категоричные и чреватые возложением излишне строгой ответственности на создателей таких систем, что в свою очередь усложнит процесс создания и вынудит разработчиков искать юрисдикции, где ответственность не такая строгая; в-третьих, нет определенности, кто будет нести ответственность, то есть по сути, кто будет исполнять роль «владельца животного», — разработчик технологии, обработчик данных для обучения, оператор (пользователь);

— по аналогии с источниками повышенной опасности, когда юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего (п. 1 ст. 1079 ГК РФ). В качестве критики данной аналогии приводится проблематичность разграничения, какие системы могут быть отнесены к источникам повышенной опасности¹⁰. Однако представляется, что основная сложность состоит не в этом, а в установлении степени вины «владельца источника повышенной опасности». Кроме того, по-прежнему сложно определить этого самого владельца.

Тем не менее, вторая аналогия остается более удачной в силу того, что здесь присутствует понятие солидарной ответственности. Несмотря на то, что солидарная ответственность вводится в случае взаимодействия разных источников повышенной опасности, данная категория может быть применима и к системам искусственного интеллекта при определении «владельца». Речь идет о том, что

¹⁰ Карлюк М. Этические и правовые вопросы искусственного интеллекта // Сайт Российского совета по международным делам. Аналитические статьи 18.04.2018. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eticheskie-i-pravovye-voprosy-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 08.05.2022).

необходимо установить солидарную ответственность не только разработчика системы искусственного интеллекта, но и обработчика данных для обучения системы, а так же ее оператора (пользователя) — естественно при наличии вины и пропорциональной ей ответственности.

Еще одной удачной особенностью данной аналогии является наличие механизмов страхования гражданской ответственности при управлении источниками повышенной опасности (например, транспортными средствами). Подобные решения возможно применять и при использовании систем искусственного интеллекта в критически важных отраслях.

Несмотря на сказанное, представляется, что регулирование ответственности за действия систем искусственного интеллекта по аналогии может рассматриваться только в качестве переходной меры, идеальная правовая система должна иметь отдельные юридические конструкции для такого специфического объекта, как системы искусственного интеллекта, поиск которых и должен быть отражен в соответствующем сегменте правовой политики.

Что же касается применения искусственного интеллекта для автоматического формирования норм права, то помимо правового регулирования здесь необходимо рассматривать и этические проблемы.

Конечно, в данной сфере этические вопросы будут отличаться от тех, что стоят для беспилотного транспорта: не надо напрямую выбирать, чьей жизни отдается приоритет (пассажиров, пешеходов, ни тех, ни других). Тем не менее, у норм права должны присутствовать обязательные нравственные начала (Maltsev, 2008:15; Romanets, 2012:10; Pashentsev & Alimova, 2019), что невозможно реализовать в системах искусственного интеллекта (как минимум на данном этапе развития технологии).

Этические проблемы возникают и на этапе создания системы: логика развития искусственного интеллекта зависит в числе прочего от масштаба и качества данных, на которых он обучается. Любое искусственное ограничение на доступ к информации или, наоборот, шум, любая предвзятость (намеренная или нет) при подготовки информации будут являться факторами снижения уровня «когнитивности» итоговой системы. При автоматическом формировании юридических норм это может породить и новый уровень лоббирования интересов правящей элиты, и ущемление прав отдельных групп населения. Алгоритмы, лежащие в основе систем искусственного обучения, так же не гарантируют отсутствия намеренных или случайных ошибок логики.

Именно поэтому французская национальная стратегия, например, в сфере искусственного интеллекта декларирует развитие прозрачности алгоритмов и возможностей по их проверке¹¹. Кроме того, во Франции предполагается определить этическую ответственность разработчиков искусственного интеллекта, создать консультативные комитеты по этике разработки таких систем и т.д. Это представляется позитивным опытом, хотя положение о прозрачности алгоритмов работы систем искусственного интеллекта крайне спорное — сейчас их понимание требует определенного уровня знаний высшей математики.

¹¹ AI for humanity. Режим доступа: <https://www.aiforhumanity.fr/> (дата обращения: 16.05.2022).

Исходя из сказанного, прежде чем применять искусственный интеллект для автоматического формирования норм права, необходимо разработать документы, задающие этические основы и ответственность для создателей систем искусственного интеллекта.

Все сказанное выше подтверждает тезис о том, что использование искусственного интеллекта для автоматического создания норм права пока преждевременно в силу наличия ряда юридических и этических проблем, решение которых все же должно быть предусмотрено приоритетами правовой политики. Тем не менее, в качестве вспомогательного средства — например, для анализа массива информации под законопроект или подготовки принятия решения — искусственный интеллект вполне возможно применять уже и сейчас.

Однако в данном случае встает следующий вопрос — законодательство сегодня представляет собой массив документов, разных не только по содержанию, но и по внешнему выражению, форме. Например, ГК РФ содержит в качестве структурных единиц разделы, подразделы, главы, статьи, а Воздушный кодекс РФ содержит только главы и статьи; Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»¹² разделен на главы и статьи, а Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне»¹³ — разделы и статьи. Такое разнообразие форм существенно затрудняет подготовку нормативного материала для автоматической обработки, что как раз и предполагает любая используемая информационная система (экспертная, планирования или поддержки принятия решений), включая системы искусственного интеллекта.

Таким образом, перестройка законодательного массива для удобства автоматической обработки сегодня кажется весьма перспективной, о чем свидетельствует и ряд принимаемых стратегических документов. В Российской Федерации изменения отношения к нормативному правовому акту происходят в рамках проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В соответствии с пунктом 1.23 паспорта указанного федерального проекта предпринимаются шаги по разработке цифровых технологий так называемого машиночитаемого права (в частности, правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 15 сентября 2021 г. была утверждена «Концепция развития технологий машиночитаемого права»¹⁴ (далее — Концепция)), под которым в рамках концепции подразумевается «основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке

¹² Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 08 февраля 1992.

¹³ Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 41, с. 8220—8235.

¹⁴ Концепция развития технологий машиночитаемого права. Режим доступа: https://sk.ru/media/documents/29.03.2021_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9C%D0%A7%D0%9F_%D0%92%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5_%D0%A0%D0%93.pdf (дата обращения: 22.01.2022).

(в том числе языке программирования, языке разметки)»¹⁵. Также в Концепции определены технологии машиночитаемого права как «инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения»¹⁶. С точки зрения повышения удобства коммуникации органов государственной власти, предпринимательского сообщества и граждан и последующего правоприменения такое представление норм является наилучшим; способствует оно и непротиворечивому изложению правовых норм. Кроме того, машиночитаемое право изначально разрабатывается с учетом ориентации нормативных текстов на возможность автоматической обработки. Так же, как и в случае «сетевого права», здесь речь идет не о сущности и смысловом наполнении норм, а только о форме их выражения, структуре акта.

Преимущества машиночитаемого права лежат «на поверхности». Среди них — скорость обработки информации; возможность автоматической обработки и заполнения нужных реестров; возможность и простота создания эталонной системы законодательства без многократного дублирования документов; повышение скорости правоприменения; возможность обеспечения согласованности правотворческой политики федерального центра и регионов; решение вопросов унификации, как нормативного правового акта, так и практики применения норм права; исключение фактора субъективности при анализе позиции субъектов регулирования; возможность использования систем искусственного интеллекта как вспомогательных при анализе нормативного пространства на предмет коллизий, пробелов и противоречий, а также в дальнейшем при генерации некоторых «технических» норм (например, налоговой ставки); автоматически формируемая аналитика и др.

Однако, как и в случае внедрения любой цифровой технологии, при развитии машиночитаемого права возникают определенные риски: уменьшение времени между принятием нормы и ее применением влечет возможность возникновения ошибок; критичность технических сбоев требует высокого класса защиты системы; возможное затруднение общественного контроля; излишняя «увлеченность» цифровыми технологиями в ущерб человеку, включая отсутствие возможности контроля системы со стороны человека; выбор технологий без учета необходимости масштабируемости системы и др. Но, во-первых, многие из рисков возможно исключить на этапе пилотных проектов, без которых внедрение систем общегосударственного уровня нереализуемо; во-вторых, отдельные из проблем при-сути переходным моделям и со временем исчезнут. С учетом этого перспективы от внедрения системы машиночитаемого права перевешивают риски.

¹⁵ Концепция развития технологий машиночитаемого права. Режим доступа: https://sk.ru/media/documents/29.03.2021_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9C%D0%A7%D0%9F_%D0%92%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5_%D0%A0%D0%93.pdf (дата обращения: 22.01.2022).

¹⁶ Концепция развития технологий машиночитаемого права. Режим доступа: https://sk.ru/media/documents/29.03.2021_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9C%D0%A7%D0%9F_%D0%92%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5_%D0%A0%D0%93.pdf (дата обращения: 22.01.2022).

Отдельные авторы отмечают ограниченную область применения норм машиночитаемого права, связанную с целесообразностью перевода в машиночитаемый вид существующих законов и верхнеуровневых рамочных законов (например, Конституцию)¹⁷. Но даже с учетом ограниченной сферы применения польза от машиночитаемого права остается.

Современные общественные отношения и рынок сегодня крайне динамичны, и регулятор должен поддерживать скорость их изменений. Поэтому растет не только количество нормативных требований, но и скорость их принятия, следовательно, увеличивается и сложность управления нормативным пространством. Машиночитаемое право дает хорошую перспективу решения озвученной проблемы, так как формализованные в цифровой форме нормы права легче обрабатываются.

Таким образом, развитие машиночитаемого права является приоритетом правовой политики в сфере цифровизации. Поскольку нормотворческая деятельность ведется и органами власти субъектов РФ, этот приоритет будет общим, как для федерального, так и для регионального уровней законотворчества. Более того, для регионов унификация законодательного массива даже более критична, так как несовпадение в форме нормативных актов обусловлено еще и сложившимися разными законотворческими традициями регионов. Однако в части задач, формулируемых в рамках указанного приоритета, для разных уровней они не будут отличаться.

Итак, при цифровизации правотворческой деятельности желаемое состояние законодательной системы может быть описано следующим образом: цифровая форма существования информации как основная; унификация форм однотипных документов (в зависимости от уровня правового регулирования); отсутствие коллизий, избыточности и дублирования норм. Конечно, это «идеальная» система, стремление к которой как раз и задаст варианты оптимизации в зависимости от уровня правовой политики.

Определение направлений оптимизации

Сравнение текущего состояния системы законодательства и описанной ранее идеальной модели позволяет выделить направления оптимизации. Очевидно, что работа предстоит комплексная и крайне сложная как в техническом, так и в организационном плане. Безусловно, такая работа должна быть разбита на этапы, в течение которых могут решаться параллельно несколько задач. Этапы собственно, уже заданы концепцией развития технологий машиночитаемого права:

1 этап — подбор и тестирование технологий машиночитаемого права в рамках реализации пилотных проектов, а также создание необходимых для реализации последующих этапов кадрового потенциала и технологических основ. В данном случае необходимо вести работы по двум направлениям: унификация форм однотипных документов и обеспечение цифровой формы существования нормативной информации как основной.

¹⁷ Разин Н., Отоцкий П. Закон на языке искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://econs.online/articles/opinions/zakon-na-yazyke-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 23.05.2022).

В рамках унификации хорошо зарекомендовала себя практика создания модельных документов. Подобный механизм реализуется сегодня при переходе на новую, цифровую, модель оказания государственных услуг, сопровождающуюся введением цифровых административных регламентов. Последовательность действий по внедрению цифровых административных регламентов была такова:

1. Подготовительная работа, включая накопление и проработку эмпирического материала.

2. Подготовка нормативной базы:

— внесение изменений в Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹⁸;

— принятие Правил разработки и утверждения административных регламентов (Постановление Правительства РФ от 20.07.2021 № 1228¹⁹ и т.д.).

3. Разработка и пилотирование Конструктора цифровых регламентов в составе Федерального реестра государственных услуг.

4. Внедрение с декабря 2021 г. разработки административных регламентов федерального уровня в электронном машиночитаемом виде в Федеральном реестре государственных и муниципальных услуг.

Подобного порядка стоит придерживаться и при разработке/внедрении модельных нормативных правовых актов.

Кроме унификации и работы по выявлению онтологий права, на данном этапе подлежит изменению форма создания и хранения нормативного правового акта, а так же подготовка к изменению процедуры их разработки и принятия.

Также стоит заметить, что одним из ограничений внедрения технологий машиночитаемого права в упоминаемой ранее концепции справедливо названа низкая квалификация юристов, связанная с отсутствием у них инженерных навыков. Недостаточное количество квалифицированных кадров — общая проблема всей цифровой трансформации. Решать ее надо, в первую очередь, путем изменения программ обучения, как в рамках среднего образования, так и по юридическим специальностям. Но это направление деятельности на дальнюю перспективу и результаты от него на первом этапе получены не будут. В текущий момент времени предлагается проведение курсов по повышению компетенций юристов в цифровой сфере (далее — цифровых компетенций).

2 этап — после проведения ряда успешных пилотных проектов, копирование методик использования машиночитаемого регулирования и автоматизированного правоприменения на федеральном уровне и в регионах. К этому времени вопросы подготовительного характера должны быть решены (в части подготовки кадров хотя бы частично), т.к. это этап внедрения технологий машиночитаемого права. При этом имеет смысл внедрения технологии сначала в областях, где

¹⁸ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4179.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 20.07.2021 № 1228 «Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 31, ст. 5904.

нормы максимально формализованы. Кроме того, есть нюанс, который часто присутствует при внедрении всех видов информационных систем — тестируемые в регионах, хорошо оснащенных, они требуют достаточно мощной компьютерной техники, что часто отсутствует в регионах. Так, например, при внедрении ГАС «Правосудие» региональные судьи жаловались на низкую скорость работы программного обеспечения, вызванную слабыми техническими параметрами оборудования. Поэтому пилотные проекты по внедрению машиночитаемого права должны проводиться именно в регионах, а не внедряться сразу на федеральном уровне.

На данном этапе должна продолжаться работа по унификации, возможно, в следующей последовательности: внедрение программных комплексов для формирования вновь принимаемых норм (так называемых «конструкторов»); далее работа над реорганизацией имеющейся системы норм права к машиночитаемому формату.

3 этап — создание оптимальных условий для экономического роста и развития технологий путем трансформации системы подготовки и принятия решений о необходимых и достаточных изменениях в законодательном регулировании и правоприменительной практике. Когда законодательные акты будут в достаточной мере формализованы, настанет время для автоматизированной проработки системы на предмет отсутствия коллизий, избыточности и дублирования норм (с возможным использованием систем искусственного интеллекта).

Поскольку оптимизация — это процесс, цели, задачи и содержание этапов не являются статичными и могут меняться по итогам каждого из них.

Кроме того, в рамках формирования оптимальной нормативного пространства необходимо предусмотреть подготовку к более широкому использованию систем искусственного интеллекта, включая выделенные ранее направления.

Выводы

Таким образом, правовое регулирование цифровых трансформаций в сферах, имеющих высокое социальное значение (таких, как законотворчество), необходимо совершенствовать на основе правовой политики. Система приоритетов последней дает возможность подобрать правильные средства ее реализации, а для выделения приоритетов хорошо подходит методология системного анализа. Исходя из поставленной цели исследования по средствам системного анализа, были обозначены приоритеты правовой политики в сфере цифровизации правотворчества, а именно:

- 1) переход к цифровой форме существования нормативного правового акта как к основной;
- 2) унификация структуры однотипных документов на основе модельных правовых актов с последующим приведением всех документов системы к разработанному шаблону;
- 3) гармонизация законодательной системы, приведенной к машиночитаемому виду, на основе автоматизированной обработки;

4) подготовка правовой системы к возможной автоматической генерации норм права (технических), а именно:

— установка статуса искусственного интеллекта как объекта права, предусмотрев в перспективе возможность наделения его частичной правоспособностью, то есть создание новой (цифровой) единицы, участвующей в правоотношениях;

— установка в качестве переходного механизм ответственности за действия систем искусственного интеллекта по аналогии с источниками повышенной опасности, включая понятие солидарной ответственности разработчика системы искусственного интеллекта, обработчика данных для обучения системы и ее оператора (пользователя);

— разработка документов, задающих этические основы и ответственность для создателей систем искусственного интеллекта.

References / Список литературы

- Arkhipov, V.V. & Naumov, V.B. (2017) On some issues of theoretical foundations for the development of legislation on robotics: aspects of will and legal personality. *Law*. (5), 157—170. (in Russian).
Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // *Закон*. 2017. № 5. С. 157—170.
- Bentley, J.L. (1982) *Writing efficient programs*. Prentice-Hall, Inc., USA.
- Bentley, L.D. & Dittman, K.C. (2004) *Systems analysis and design methods*. Front McGraw-Hill Irwin.
- Bundin, M., Martynov, A. & Minbaleev, A. (2021) Legal aspects of the use of biometric students' identification for distant and online learning: russian perspective. In: *DG.O2021: The 22nd Annual International Conference on Digital Government Research (DG.O'21)*. Association for Computing Machinery, New York, NY, USA. pp. 564—566. <https://doi.org/10.1145/3463677.3463758>
- Goloskokov, L.V. (2006) *Theory of network law*. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ. (in Russian).
Голоскоков Л.В. Теория сетевого права. Спб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 191 с.
- Knut, D. (2007) *The art of programming*. 2nd ed. Vol. 3: Sorting and searching. Moscow, Williams Publ. (in Russian).
Кнут Д. Искусство программирования. 2-е изд. Т. 3: Сортировка и поиск. М.: Вильямс, 2007. 824 с.
- Knyazeva, M.D. (2014) Socio-economic efficiency of informatization of education in the Russian Federation. In: ed. Rakitov A.I. *Collection of scientific papers Naukovedcheskie issledovaniya. RAN. INION. Center for scientific-inform. research Science, Education and Technology*. Moscow, pp. 99—123. (in Russian).
Князева М.Д. Социально-экономическая эффективность информатизации образования в РФ // *Наукоевческие исследования: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; отв. ред. Ракитов А.И. М., 2014. С. 99—123.*
- Korobova, A.P. (2000) The concept and structure of legal policy. In: N.I. Matuzova & A.V. Malko (eds.). *Legal policy of the Russian Federation: theory and practice: monograph*. Moscow, TK Velby Publ. pp. 92—125. (in Russian).
Коробова А.П. Понятие и структура правовой политики // *Правовая политика Российской Федерации: теория и практика: монография / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: ТК Велби, 2000. С. 92—125.*

- Korobova, A.P. (2003) Priorities of legal policy. In: N.I. Matuzova and & A.V. Malko (eds.). *Russian legal policy. Course of lectures*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Коробова А.П. Приоритеты правовой политики // Российская правовая политика. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Норма, 2003. 154 с.
- Kovaleva, N.N., Anichkin, S.A. & Anisimova, A.S. (2020) Legal aspects of information threats in the form of “Fakes” in the conditions of spread of COVID-19. *Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020). Series. Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. (486), 222—226. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.201105.040>
- Krainyuchenko, I.V. & Popov, V.P. (2005) *System outlook: theory and analysis*. Pyatigorsk, INEU Publ. (in Russian).
Крайнюченко И.В., Попов В.П. Системное мировоззрение: теория и анализ. Пятигорск.: ИНЭУ, 2005. 218 с.
- Laptev, V.A. (2019) The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*. (2), 79—102. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2019.2.79.102> (in Russian).
Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79—102.
- Lipen, S.V. (2020) The network paradigm and the modern state in legal studies at the beginning of the 21st century. *Actual problems of Russian law*. 15 (10 (119)), 11—19. Doi: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.119.10.011-019> (in Russian).
Липень С.В. Сетевая парадигма и современное государство в юридических исследованиях начала XXI в. // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10 (119). С. 11—19. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.119.10.011-019>
- Malko, A.V. (2012) *Theory of legal policy: monograph*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).
Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 328 с.
- Maltsev, G.V. (2008) *Moral foundations of law*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М.: Норма, 2008. 550 с.
- Mamut, L.S. (2005) “Network state”? *State and law*. 11, 5—12.
Мамут Л.С. «Сетевое государство»? // Государство и право. 2005. № 11. С. 5—12. (in Russian).
- Morhat, P.M. (2018) On the issue of legal personality of an “electronic person”. *Legal Studies*. 4, 1—8. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.4.25647>
Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1—8. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.4.25647> (in Russian).
- Parsons, T. (1951) *The social system: 2nd ed.* Routledge sociology classics. Routledge & Kegan Paul Ltd.
- Polyakova, T.A. (2021) Influence of digital transformation on the development of the system of law: new tasks of ensuring international information security. In: *Information technologies in humanitarian and social studies: collected articles based on the materials of the All-Russian round table with international participation within the framework of the Saratov International Legal Forum dedicated to the 90th anniversary of the Saratov State Law Academy*. Saratov, Saratov State Law Academy Publ. pp. 49—54. (in Russian).
Полякова Т.А. Влияние цифровой трансформации на развитие системы права: новые задачи обеспечения международной информационной безопасности // Информационные технологии в гуманитарных и общественных исследованиях: сб. статей по материалам Всероссийского круглого стола с международным участием в рамках Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2021. С. 49—54.

- Pashentsev, D. & Alimova, D. (2019) Innovations of law-making in the conditions of digitalization of public relations. *State and law*. 6, 102—106. <https://doi.org/10.31857/S013207690005265-3> (in Russian).
Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 102—106. <https://doi.org/10.31857/S013207690005265-3>
- Romanets, Yu.V. (2012) Ethical foundations of law and law enforcement. Moscow, Zertsalo-M Publ. (in Russian).
Романец Ю.В. Этические основы права и правоприменения. М.: Зерцало-М, 2012. 400 с.
- Shugart, H.H. & Robert, V. O'Neill (1979) *Systems Ecology*. Dowden, Hutchingon & Ross.
- Starovoitov, A.V. (2004) *Planning of legislative and legislative activities*: diss. ... Candidate of Legal Sciences. Moscow. (in Russian).
Старовойтов А.В. Планирование законоподготовительной и законодательной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 198 с.
- Tereshchenko, L.K. (2021) Register model for the provision of state and municipal services. *Journal of Russian law*. 7, 110—120. (in Russian).
Терещенко Л.К. Реестровая модель оказания государственных и муниципальных услуг // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 110—120.
- Vasiliev, A.A. & Pechatnova, Yu.V. (2020) The place of artificial intelligence among the elements of the legal relationship. *Digital law journal*. 1(4), 74—83. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-4-74-83> (in Russian).
Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Digital law journal. 2020. Т. 1. № 4. С. 74—83. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-4-74-83>
- Vasilev, A.A. & Shpopov, D. (2018) Artificial Intelligence: Legal Aspects. *Izvestiya of Altai State University*. 6(104), 23—26. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)6-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)6-03) (in Russian).
Васильев А.А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 23—26. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)6-03](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)6-03)
- Volos, A.A. (2021) Inheritance contract in the digital age. *Legal policy and legal life*. 3, 156—161. (in Russian).
Волос А.А. Наследственный договор в цифровую эпоху // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 156—161.
- Yagofarov, D.A., Khridina, N.N. & Vasilchenko, E.A. (2006) *Educational rule-making and codification of Russian legislation on education: monograph*. Yekaterinburg. Available at: https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/detail.php?ELEMENT_ID=1760 (in Russian).
Ягофаров Д.А., Хридина Н.Н., Васильченко Е.А. Образовательное нормотворчество и кодификация российского законодательства об образовании: монография. Екатеринбург, 2006. Режим доступа: https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/detail.php?ELEMENT_ID=1760 (дата обращения: 04.01.2022).
- Yastrebov, O.A. (2017) Artificial intelligence in the legal space: conceptual and theoretical approaches. In: *Legal personality: general theoretical, sectoral and international legal analysis: Collected articles for the XII Annual Scientific Readings in memory of S.N. Brother*. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Statute Publ. pp. 271—283. (in Russian).
Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: концептуальные и теоретические подходы // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: Сб. материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти С.Н. Братуся. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Статут, 2017. С. 271—283.

Сведения об авторах:

Соколов Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор, Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук; Российская Федерация, 410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

ORCID ID: 0000-0003-3350-7775, SPIN-код: 4009-2210

e-mail: i_gp@ssla.ru

Солдаткина Оксана Леонидовна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук; Российская Федерация, 410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

ORCID ID: 0000-0002-9955-4083, SPIN-код: 6443-8302

e-mail: i_gp@ssla.ru

About the authors:

Alexander Yu. Sokolov — Doctor of Legal Sciences, Full Professor, director, Saratov branch Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 135 Chernyshevsky str., Saratov, 410028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-3350-7775, SPIN-code: 4009-2210

e-mail: i_gp@ssla.ru

Oksana L. Soldatkina — Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher, Saratov branch Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 135 Chernyshevsky str., Saratov, 410028, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-9955-4083, SPIN-code: 6443-8302

e-mail: i_gp@ssla.ru

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

BOOK REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-725-730>

Рецензия

Рецензия на монографию:
Андреева П.Н. Право личности на инсоляцию /
под ред. О.А. Ястребова. Москва: Норма, 2022

И.О. Краснова

Российский государственный университет правосудия,
г. Москва, Российская Федерация
[✉ ikrasnova52@yandex.ru](mailto:ikrasnova52@yandex.ru)

Аннотация. В рецензии на монографию «Право личности на инсоляцию» дана оценка содержания работы, выполненной на основе российского и зарубежного законодательства, судебной практики, а также доктринальных исследований. Анализируется вклад автора в современную теорию права. Статья содержит предложения по проблематике исследования и критические замечания.

Ключевые слова: инсоляция, право на инсоляцию, право на солнечный свет, право на свет, градостроительство, застройка территорий

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 11 февраля 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Краснова И.О. Рецензия на монографию: Андреева П.Н. Право личности на инсоляцию / под ред. О.А. Ястребова. Москва: Норма, 2022 // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 725—730. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-725-730>

© Краснова И.О., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

**Review of the monograph by Andreeva, P.N. (2022)
The right of the individual to insolation. Yastrebov, O.A. (ed).
Moscow, Norma Publ.**

Irina O. Krasnova

Russian State University of Justice, *Moscow, Russian Federation*

 ikrasnova52@yandex.ru

Abstract. The review of the monograph “The right of the individual to insolation” assesses the content of the work based on Russian and foreign legislation, judicial practice, and doctrinal research. The contribution of the author to the modern theory of law is analyzed. The article contains proposals on research issues and critical remarks.

Key words: insolation, the right to insolation, the right to sunlight, the right to light, urban planning, development of territories

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 11th February 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Krasnova, I.O. (2022) Review of the monograph by Andreeva, P.N. (2022) The right of the individual to insolation. Yastrebov, O.A. (ed). Moscow, Norma Publ. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 725—730. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-725-730>

В начале 2022 года в свет вышла монография «Право личности на инсоляцию», являющаяся первым фундаментальным исследованием по данной тематике в сфере праворегулирования.

Монография выполнена кандидатом юридических наук, старшим преподавателем кафедры теории права и государства Полиной Николаевной Андреевой, которая в 2021 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по существующей проблематике. Монографическое исследование молодого автора есть итог многолетней работы, в его основе студенческие курсовые работы, магистерская диссертация и аспирантские сочинения, серия статей, научные доклады и др.

Под инсоляцией ученый понимает прямое солнечное облучение поверхностей и пространств. В этой связи очевидна неразрывная связь представленного понятия с Солнцем и его излучением. Солнечное облучение — благо, которое люди часто не замечают, если не считать периодов затяжных дождей или мокрых снегопадов. Без Солнца невозможна жизнь на земле, а если и возможна, то встанет вопрос о качестве такой жизни. Может возникнуть вопрос — и причём здесь право? Ответ достаточно простой: Солнце — не только эстетическое удовольствие и переживание. Солнечный свет обладает пользой для человека, животных и всего растительного мира, — словом, он жизненно необходим, это условие существования практически всего живого и, конечно, человека. Поэтому право

на солнечный свет, или по-другому — право на инсоляцию, имеет объективные корни естественно-правового происхождения. Потребность в этой правовой реальности — гарантия крайне необходимая современному обществу, особенно в период интенсивного градостроения и наступления на стандарты инсоляции как мировой тенденции, где Россия не является исключением. Право на солнечный свет требует юридического обеспечения и защиты. В этой связи можно согласиться с автором, что инсоляция имеет правовую ценность.

Тема исследования предполагала множество трудностей на пути автора. В первую очередь, стоит обратить внимание на то, что монография является первым в отечественной научной правовой мысли исследованием права на инсоляцию. В юридической науке данная тема не разработана, а имеющиеся наработки в данной сфере сводятся к небольшому количеству публицистических статей, а также научным статьям в зарубежных странах. В Российской Федерации проблема инсоляции, главным образом, поднимается иными науками и силами ученых в смежных областях — архитекторами, светофизиками, медиками, астрономами и др. Здесь же следует акцентировать внимание и на том, что монография носит комплексный характер, поскольку автор использовал не только юридические наработки, но обращался в иные сферы знаний с тем, чтобы достаточно глубоко исследовать изучаемый феномен. Например, П.Н. Андреева приводит примеры реализации инсоляционных требований в архитектуре, а также ссылается на медицинские издания, посвященные солнечному свету и его пользе для человеческого организма и др. Еще одним препятствием на пути автора видится проблема перевода зарубежных публикаций и документов на русский язык. В работе анализируются соответствующее законодательство таких стран, как Германия, Англия, Япония, Франция, Швеция, Чехия, Нидерланды, Польша, Эстония, Словения, Словакия, Китай, Беларусь, Монголия и т.д. Очевидно, чтобы проанализировать положение требований к инсоляции в указанных странах необходима кропотливая и усердная работа, а возможно и помощь переводчиков. Такой широкий охват позволяет высоко оценить комплексное исследование тематики.

Несомненно, работа порождает дальнейшие углубленные размышления по данной проблеме. Впервые в юридической науке анализируется природа права на инсоляцию в субъективном и объективном смыслах. В субъективном смысле право на инсоляцию интерпретируется как притязание человека на такую природную ценность, как Солнце, его свет, энергию. Сами же инсоляционные гарантии, очерченные и поддерживаемые государством, предполагают меру возможного поведения субъекта права и меру должного поведения прежде всего государственных органов. Как субъективное право, право на солнечный свет (инсоляцию) следует понимать как совокупность правомочий, принадлежащих конкретному субъекту права, в должной мере пользоваться солнечным светом. В объективном смысле совокупность норм, регламентирующих инсоляцию, предлагается рассматривать как правовой режим инсоляции, гарантирующий и обеспечивающий её в жизни человека.

Красной нитью проходит идея о том, что для улучшения положения в сфере инсоляции в России необходимо объединить имеющиеся важнейшие

инсоляционные положения, содержащиеся в разных нормативных правовых актах, в единый закон, а также установить эффективные санкции за его неисполнение. Автор подчеркивает, что в настоящее время в Российской Федерации за несоблюдение норм инсоляции предусмотрены малоэффективные санкции. Конечно, здесь встает вопрос — насколько от этого улучшатся законность и правопорядок? Тем ни менее, автор не только поднимает вопрос о «разбросанности» данных норм, но и о их «переизбытке», т.е. положения многих подзаконных актов дублируют друг друга. Для решения данной проблемы в 2021 году был принят новый СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания». Однако автор справедливо отмечает, что он содержит в себе те же требования, что и предыдущие документы, при этом в данных правилах отсутствует детализация правового режима инсоляции. В этой связи возможно следует согласиться с П.Н. Андреевой в том, что в этой сфере правовой реализации необходимо провести модернизацию.

Плодотворны мысли автора о взаимосвязи права на инсоляцию с соседским правом. Право на солнечный свет (инсоляционный правовой режим) является составным элементом многофункционального межотраслевого правового института соседского права, которое связано с правом на инсоляцию как соотношение общего и частного, где общее — это соседское право, а частное — право на солнечный свет (инсоляцию) или инсоляционный правовой режим. Соседское право — феномен ограничений прав собственников в пользу соседей. Одним из таких ограничений является право на солнечный свет (не возведение слишком высокого забора или зданий (надстроек над ним), посадки деревьев вблизи окон соседа, соблюдение правил планировки зданий и сооружений, не установление других световых препятствий).

Интересны суждения молодого учёного о природе права человека на инсоляцию, истоки которого, по мнению автора, исходят к естественным правам человека, поскольку здесь прослеживается взаимосвязь с такими правами, как право каждого на охрану здоровья (ч. 1 ст. 41 Конституции РФ), право каждого на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ), право на достойное жилище (ст. 25 Всеобщей декларации прав человека). Каждое из них не может быть в полной мере представлено и реализовано без реализации права на инсоляцию. При этом следует отметить, что в российском и зарубежном законодательстве, как правило, отсутствуют четкие определения «благоприятной среды», «достойного жилища» и др.

Впервые в юридической науке делается попытка «отыскать» истоки права на инсоляцию. Аргументируется позиция, что право на инсоляцию, являясь составляющей права на здоровье, права на достойное жилище и права на благоприятную окружающую среду, имеет отношение ко всем трем поколениям прав человека. Солнечный свет — основа здоровья человека; благоприятная окружающая среда немислима без Солнца и его энергии; достойное жилище можно назвать таковым, если оно отвечает стандартам освещения и минимуму световых часов. При этом его истоки видятся автором монографии в правах первого поколения, в силу следующих обстоятельств: солнечный свет — важнейший фактор

здоровья, в связи с чем прослеживается очевидная взаимосвязь права на инсоляцию и права на здоровье, под которым понимается физическое, душевное и социальное благополучие. Факторы здоровья подразделяются на физические, химические и генетические. К физическим относят свет, шум, вибрации и др., в том числе солнечный свет. В этой связи право на охрану здоровья не может быть реализовано в полной мере без такого его составляющего, как солнечное освещение. Солнечный свет — явление природное, а человек приобретает возможность (и право) пользоваться световой энергией с рождения.

Автор детально исследует законодательство Российской Федерации в области инсоляции. Монография в определенной мере несет и историческую ценность, поскольку в ней описывается хронология становления и развития инсоляционных положений. При этом автор уделяет большое внимание анализу зарубежных норм в данной области. Обосновывается вывод о том, что российское законодательство уступает зарубежному в сфере правового регулирования инсоляции. На основании сравнительного анализа законодательства России и других государств установлены механизмы и гарантии реализации права на инсоляцию. Кроме того, существенным отличием России от зарубежных государств является способ попадания солнечного света в помещение (например, через световые люки).

Особое внимание уделяется правовому опыту Англии, Японии, Германии, где, по мнению автора, право на инсоляцию является наиболее защищенным и реализованным. Предлагается разумное заимствование опыта зарубежных стран в сфере правового обеспечения инсоляции с целью улучшения отечественного законодательства в области гарантирования инсоляционного правового режима.

Целостность, взаимосвязь структурных частей работы и сделанных в ней выводов позволяют высоко оценить монографическое исследование. Следует отметить его новизну и актуальность, особенно в настоящее время для России. Как отмечает профессор С.А. Боголюбов в предисловии к данной монографии, главным для настоящей работы является следующее: тема, феномен правового обеспечения инсоляции — солнечного света не может не быть изначально новыми, интересными, не подвергаться более широким и углубленным дальнейшим юридическим исследованиям.

Любое исследование имеет свои достоинства и недостатки, в этой связи следует отметить следующие дискуссионные положения.

В работе проиллюстрировано более 20-ти национальных законодательств зарубежных стран в области инсоляции. Однако не ясен выбор автора, касающийся именно этих стран. Приведен ли исчерпывающий список стран или же имеются и другие государства, в которых существуют инсоляционные правила? Особый интерес представляют страны с жарким климатом. Кроме того, в монографии сделаны выводы о том, что стандарты инсоляции в России уступают аналогичным правилам в зарубежных странах. Аргументируя данное положение, автор приводит судебную практику, при этом отдельное внимание уделяется Англии. Возникает вопрос, можно ли сравнивать судебную практику Англии и России, учитывая разницу правовых систем и неидентичные процедуры защиты права на солнечный свет? Представляется, что следовало привести судебную

практику и других зарубежных стран, чья судебная практика более схожа с российской. В монографическом исследовании справедливо отстаивается идея, что право на солнечный свет «прописалось» во всех поколениях прав человека, а также что природа права человека имеет естественное происхождение, между тем, слабо показаны источники данного права как именно права естественного. Если более глубоко проработать данные источники, и показать место правомочия среди естественных прав человека, то это, несомненно, усилило бы философско-правовую основу монографии.

Одним из предложений к автору интересной книги предлагается в дальнейших работах подробнее осветить правовую ценность солнечного света. Вывод автора о том, что солнечный свет — это правовая ценность привлекает особое внимание. Данное положение носит действительно новый подход к пониманию инсоляции. Однако в монографии представлено малое количество аргументов в пользу этого положения. Ученый опирается на труды медиков, архитекторов, светопсихологов и прочих исследователей смежных областей, однако не в достаточной мере использует труды правоведов. Очевидно, что исследуемая П.Н. Андреевой тема малоизучена и только задает направление для дальнейших теоретических исследований в области права на инсоляцию. В этой связи поиск дополнительных примеров или материалов научной литературы по указанному вопросу мог бы расширить тематику и, возможно, найти ответы на некоторые из поставленных вопросов.

Таким образом, рецензируемая работа несет высокую научную ценность, обогащает правовую науку. Представленная монография может быть интересна широкому кругу исследователей юридических, социальных, архитектурных, медицинских и ряда других наук.

Сведения об авторе:

Краснова Ирина Олеговна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой земельного и экологического права, Российский государственный университет правосудия; Российская Федерация, 117418, г. Москва, Новочеремушкинская ул., д. 69

ORCID ID: 0000-0003-4074-404x

e-mail: ikrasnova52@yandex.ru

About the author:

Irina O. Krasnova — Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Department of Land Use and Environmental Law, Russian State University of Justice; 69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-4074-404x

e-mail: ikrasnova52@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-731-739>

Информационная статья

Научное издание международного уровня 2022: от настоящего к будущему. Обзор 10-й Международной научно-практической конференции

И.А. Гроник

Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Российская Федерация
 gronik-i@rudn.ru

Аннотация. 26—29 апреля 2022 года Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина совместно с Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ), г. Москва, организована и проведена юбилейная 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему» (МНПК «НИМУ — 2022»). На одной площадке собрались около 300 российских и зарубежных специалистов: официальные представители Министерства науки и высшего образования России, РАН РФ, CrossRef, EASE, издатели, редакторы российских и международных научных изданий, ученые и исследователи ведущих вузов, в том числе РУДН. Итогом четырехдневного обсуждения актуальных вопросов сохранения высокого качества и рейтингов российских журналов на национальных и мировых площадках научно-информационного пространства стало принятие резолюции конференции.

Ключевые слова: научные журналы, научные издания, метаданные, публикационная политика, наукометрия, научно-информационное пространство, международные наукометрические базы данных

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 20 мая 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Гроник И.А. Научное издание международного уровня 2022: от настоящего к будущему. Обзор 10-й Международной научно-практической конференции // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 731—739. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-731-739>

© Гроник И.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Review of the 10th International scientific and practical conference. Scientific publication of the international level 2022: from the present to the future

Irina A. Gronik

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
gronik-i@rudn.ru

Abstract. On the 26—29th April 2022 Kutafin Moscow State Law University (MSAL, Moscow) together with the Association of Science Editors and Publishers (ASEP), Moscow, Russia, organized and held the 10th anniversary International Scientific and Practical Conference “World Class Scientific Publication — 2022: from the present to the future” (ISPC “NIMU — 2022”). About 300 Russian and foreign experts gathered at one site: official representatives of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Russian Academy of Sciences, CrossRef, EASE, publishers, editors of Russian and international scientific publications, scientists and researchers from leading universities, including RUDN University. The result of a four-day discussion of topical issues of maintaining high quality and ratings of Russian journals on national and world platforms of the scientific and information space was the adoption of conference resolution.

Key words: scientific journals, scientific publications, metadata, publication policy, scientometrics, scientific information area, international scientometric databases

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 20th May 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Gronik, I.A. (2022) Scientific publication of the international level 2022: from the present to the future. Review of the 10th International scientific and practical conference. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 731—739. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-731-739>

Международная конференция «НИМУ — 2022» протяженностью в четыре плодотворных дня, включающая пленарное заседание, пять круглых столов и одиннадцать секций, была охвачена единой идеей популяризации результатов научной деятельности в российском и международном пространстве в современных реалиях.

Открытие мероприятия началось с приветственных выступлений организаторов — первого проректора МГЮА имени О.Е. Кутафина, председателя экспертного совета ВАК по праву Елены Юрьевны Грачевой и президента Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) Ольги Владимировны Кирилловой. Модераторы отметили высокую важность поставленных задач и настроили участников конференции на серьезную и ответственную работу, результатом которой запланировано принятие и утверждение резолюции¹.

¹ С текстом резолюции 10-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва можно

Одним из приглашенных гостей пленарного заседания стал директор департамента государственной научной и научно-технической политики Министерства науки и высшего образования Российской Федерации Павел Анатольевич Форш. Выступающий отметил особую значимость и необходимость поддержки отечественных научных журналов в период недружественных действий со стороны международного сообщества. Проведя параллель с национальным проектом «Наука и университеты», в рамках которого, по поручению заместителя Председателя Правительства РФ Дмитрия Чернышенко, планируется создание Национальной системы оценки результативности научных исследований и разработок² (далее по тексту: Национальная система), П. Форш подчеркнул, что значительное внимание в системе будет уделено научным журналам. Одним из приоритетных направлений, включающим механизмы поддержки отечественных журналов, является создание так называемого «белого списка» научных журналов³, в том числе из базы RSCI. Следовательно создание российской единой электронной платформы, предоставляющей перечень услуг для повышения качества издания и совершенствования цитирования, является хорошей и конкурентноспособной альтернативой международным наукометрическим базам данных таким как Web of Science и Scopus.

Поддержал и продолжил поднятую тему представитель компании «Научная электронная библиотека elibrary.ru» Геннадий Олегович Еременко, выступив с презентацией об импортозамещении научной библиометрии⁴. В своем выступлении автор выделил проблемные блоки заявленной тематики. Приведем несколько примеров:

✓ *«Доступ к полнотекстовым ресурсам.* Национальная подписка на международные иностранные журналы временно недоступна.

✓ *Идентификация.* Из-за введенных недружественными странами санкций не все научные журналы могут присваивать цифровой идентификатор DOI. Множество ссылок, работающих по идентификатору DOI, не активны. Это реальная проблема, требующая незамедлительного решения и актуализации метаданных, поскольку при цитировании важно использовать полное библиографическое описание. Инструмента для верификации самого кода DOI пока не существует»⁵.

ознакомиться на официальном сайте НИМУ — 2022. Режим доступа: <https://rassep.ru/academy/meropriyatiya/sostoyavshiesya-meropriyatiya/10ya-mezhdunarodnaya-nauchnoprakticheskaya-konferentsiya-nauchnoe-izdanie-mezhdunarodnogo-urovnya-ot/> (дата обращения: 3 мая 2022).

² Эксперты обсудили создание Национальной системы оценки результативности научных исследований и разработок // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 11 марта 2022. Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=48219. (дата обращения: 5 мая 2022).

³ Форш П.А. О поддержке отечественных журналов // 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва.

⁴ Еременко Г.О. Импортозамещение в области научной информации, библиометрии и издательского дела: возможности и перспективы // 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва.

⁵ Там же.

Однако в России имеется масса примеров качественного импортозамещения цифровых идентификаторов, таких как ORCID ID, SPIN-код и ElibraryID — улучшенная версия DOI. Интернационализированное доменное имя (IDN) — показательная модель замещения зарубежных идентификаторов отечественными.

Следующий положительный пример импортозамещения — «библиографическая мультидисциплинарная база данных публикаций в российских научных изданиях или научных изданиях на русском языке Russian Science Citation Index (RSCI)»⁶ — создан по российским технологиям и не зависит от зарубежных инструментов и технических средств, расположен на платформе WoS. Данный проект поддержан Российской академией наук.

Главными задачами по мнению Г. Еременко являются: «1 — оптимизация имеющихся баз и проектов; 2 — уход от франшиз и 3 — поиск новых решений отечественного формата»⁷. Также докладчик выделил перспективы формирования национального «белого списка» научных журналов — простую технологию, позволяющую производить оценку имеющихся публикации. Кроме того, Г. Еременко подчеркнул важность проведения рейтингования и ранжирования журналов в рамках одного направления и единых рубрикаторов.

Докладчик Михаил Владимирович Демьянец, к.ю.н., ИМЭМО РАН, в рамках темы о тенденциях развития российских периодических изданий выделил основные направления по созданию Национальной системы оценки научных исследований и разработок:

- 1) «показатели публикационной активности, базы данных научного цитирования;
- 2) разработка программы поддержки создания и развития ведущих российских журналов;
- 3) экспертная оценка научной деятельности;
- 4) нормативные правовые акты, связанные с оценкой научной деятельности»⁸.

Выступающий предложил три базовых критерия создания Национальной системы, из которых следует: — «включение журнала в национальный рейтинг научных изданий по отраслям науки; — отсутствие цели извлечения прибыли; — оценка деятельности не менее чем двумя независимыми экспертами с учетом высокого научного уровня статей, состава и профессионального уровня редколлегии, главного редактора и сотрудников редакции, цитируемости в российских базах, содержания стратегии развития»⁹.

⁶ Russian Science Citation Index. Онлайн-семинар «Возможности платформы Web of Science для ученого и журнала» Clarivate Analytics. Научная Электронная Библиотека eLibrary.ru 23-24 января 2020. Режим доступа: <https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2020/01/Russian-Science-Citation-Indexna-platfome-WoS.pdf?ysclid=155w70p0u5231160605> (дата обращения: 30.04.2022).

⁷ Еременко Г.О. Импортозамещение в области научной информации, библиометрии и издательского дела: возможности и перспективы // 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва.

⁸ Демьянец М.В. Тенденции развития российских периодических изданий // 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва.

⁹ Там же.

Президент АНРИ, председатель Scopus ECSAC — Russia, к.т.н. Ольга Владимировна Кириллова в докладе о результатах десятилетия рассказала об основных вехах развития научных журналов в России и характере их изменения, а также о динамике пополнения Scopus российскими журналами. В заключении выступления Ольга Владимировна оптимистично отметила — «развитие российских журналов должно продолжаться, в том числе, опираясь на опыт последних лет и международные стандарты»¹⁰.

Среди приглашенных участников конференции были представители зарубежных государств. Используя средства видеосвязи Рэйчел Ламми (Rachael Lamme) из Великобритании представила доклад «Сервисы Crossref: метаданные, расширяющие возможности публикаций»; Янг Вей (Wei Yang, Китай) поделился опытом Китайской Народной Республики, выступив с презентацией на тему «Меняющийся ландшафт публикаций и журналов STEM в Китае»; Джоши Ятиндра (Yateendra Joshi, Индия) выделил основные проблемы и достижения государственной публикационной политики и развития научных журналов в Индии.

Вице-президент Российской академии наук, академик РАН, профессор, д.ф.-м.н. Алексей Ремович Хохлов представил доклад «Вопросы развития российских научных журналов и модификации показателей публикационной активности в текущих условиях». Алексей Ремович акцентировал внимание на предложениях РАН по поддержке лучших российских научных журналов, обозначил ближайшие перспективы развития RSCI и «Ядра РИНЦ, а также поделился предложениями РАН по модификации показателей публикационной активности, в частности:

- «Временно заменить публикационные показатели по Web of Science + Scopus на показатели по «ядру РИНЦ»;
- Рассчитать квартили по «ядру РИНЦ» с учетом предметного рейтинга журналов RSCI, разработанного в Российской академии наук»;
- Учитывать специфику области науки. Для социогуманитарных наук учитывать в публикационной активности монографии и другие издания книжного формата;
- Для всех областей науки при оценке научной результативности повысить роль экспертной оценки, особенно по отношению к научным исследованиям прикладного характера»¹¹.

Завершилось пленарное заседание конференции выступлением советника генерального директора НИИ РИНКЦЭ Министерства науки и высшего

¹⁰ Кириллова О.В. О результатах десятилетия: учесть достигнутое и продолжить развитие российских научных журналов // 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва. Режим доступа: <https://rassep.ru/upload/iblock/a9b/Kirillova-OV-O-rezultatakh-desyatiletia.pdf>.

¹¹ Хохлов А.Р. Вопросы развития российских научных журналов и модификации показателей публикационной активности в текущих условиях // 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва. Режим доступа: <https://rassep.ru/upload/iblock/c30/KHokhlov-A.R.-ZHurnaly-i-pokazateli-publikatsionnoy-aktivnosti.pdf>

образования Российской Федерации Геннадия Васильевича Шепелева, который представил доклад на тему «Требования к системе научно-технических публикаций в условиях санкционного противостояния». Геннадий Васильевич отметил, что аналитический анализ — редкое явление в научном сообществе, поэтому в своем выступлении обозначил возможные проблемы поиска нужной информации в российском сегменте системы публикаций как со стороны авторов, так и со стороны читателей. Автором предложены варианты реализации российской системы публикаций: — «развитие традиционной системы; — построение новой цифровой системы; — адаптация существующей системы к новым требованиям»¹², а также сформулирована ее бизнес-модель.

Особый интерес для нашего юридического научного журнала представили несколько профильных секций конференции, в частности: Секция 5 «Нормативно-правовое и методическое обеспечение редакционно-издательской деятельности в современных условиях», модератор Наталья Константиновна Алимова, председатель Совета АНРИ; Секция 6 «Этические и правовые вопросы авторских и редакционных нарушений», модератор Олеся Анатольевна Парпара, член Этического комитета АНРИ; Секция 12 «Перспективы развития научных юридических журналов, модератор Владимир Игоревич Пржиленский, доктор филос. наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Подробнее о каждой. В Секции 5 были подняты актуальные вопросы, связанные с нормативно-правовым и методическим обеспечением редакционно-издательской деятельности. Руководитель проекта о правовом регулировании Интернета и медиа «Право в сети» Маргарита Александровна Ледовских Компания подробно описала с точки зрения права взаимоотношения редакторов и учредителей журналов, поделилась практическим опытом решения вопросов в конфликтных ситуациях.

Наталья Константиновна Алимова, к.э.н., председатель Совета АНРИ, главный редактор журнала «Научная периодика: проблемы и решения», представила доклад на тему «Переход от печатного формата журнала к электронному: нормативно-правовые аспекты». Докладчик обозначила ряд вариантов сочетания различных форматов издания, процедурно описав порядок перехода с печатного на сетевое издание,

Галина Петровна Калинина, руководитель научно-исследовательского отдела государственной библиографии и книговедения Российской книжной палаты / ИТАР-ТАСС подготовила презентацию на тему «Стандартизация в издательском деле: проблемы и перспективы». Детально были изложены порядок и процедура применения основных ГОСТов системы стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу (СИБИД), с практической точки зрения

¹² Шепелев Г.В. Требования к системе научно-технических публикаций в условиях санкционного противостояния // 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва.

описаны основные элементы и дополнительные сведения издательского оформления статей¹³.

Не менее интересные и обсуждаемые вопросы были подняты в Секции 6 «Этические и правовые вопросы авторских и редакционных нарушений». Андрей Алексеевич Богустов, к.ю.н., доцент, доцент кафедры международного права юридического факультета ГрГУ имени Янки Купалы ГрГУ, г. Гродно, Беларусь, изложил основные аспекты правовых рисков процедуры ретракции научных статей. Докладчик отстаивал позицию о том, что процедура ретракции, затрагивая правовые и этические нормы, не всегда соответствует требованиям авторского права, а последствия данной процедуры носят правовой характер поскольку «при ретрагировании научных статей могут быть нарушены не только авторские, но и иные личные неимущественные права»¹⁴.

Следующим участником актуальной полемики выступила Юлия Леонидовна Афанасьева, кандидат. соц. н., руководитель редакции научных журналов ПензГУ, представив доклад на тему «Организация процесса проверки на некорректные заимствования и ретракция статей в журналах университета». Автор детально описала процедуры выявления некорректных заимствований и дублирования текста, поиска и проверки внешней информации о фактах некорректных заимствований в изданиях, привела наглядный пример анализа рукописи на наличие заимствований, а также схематично показала процесс ретракции научных статей, содержащих некорректные заимствования и дублирования.

Завершающее выступление Секции 6 было посвящено анализу данных о работе с дублирующими публикациями в журналах членов АНРИ. Докладчик Олеся Анатольевна Парпара, ответственный редактор журнала «Альманах клинической медицины», ГБУЗ МО Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф. Владимирского представила результаты проведенного анализа в виде предложений и пожеланий:

«разработчикам базы дублированных публикаций:

- изменить формат представления данных;
- устранить технические ошибки (в одном кластере — разные статьи);
- исключить случаи повторной публикации;
- переименовать в базу потенциальных дублированных публикаций.

Для АНРИ:

- активно способствовать ретракции дубликатов из журналов;

¹³ *Калинина Г.П.* Стандартизация в издательском деле: проблемы и перспективы // 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва. Режим доступа: https://rassep.ru/upload/iblock/ed1/Kalinina.-Prezentatsiya-NIMU_2022-.pdf

¹⁴ *Богустов А.А.* Правовые риски ретракции // 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва.

• реализовать возможность запросить через АНРИ текст статьи в журнале закрытого доступа»¹⁵.

Секция 12 «Перспективы развития научных юридических журналов» начала свою работу с выступления Игоря Михайловича Мацкевича, д.ю.н., профессора кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина. Докладчик обозначил основные вопросы и проблемы соотношения номенклатуры научных специальностей и научных журналов, правила формирования перечня рецензируемых научных изданий, а также показал соотношение изданий RSCI, изданий, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, и изданий, входящих в международные базы данных и системы цитирования. Исходя из проведенного анализа Игорь Михайлович сделал несколько предложений по заявленной тематике, в частности:

1. «Создать «Единый перечень всех научных изданий (Единый расчетный наукометрический перечень научных изданий — ЕНПИ).

2. Никаких белых и черных списков.

3. Определять допустимые издания, исходя из постоянно пересматриваемого ЕНПИ: а) издания категории А и В — для публикации соискателей, выходящих на защиту докторской по докладу и для членов диссоветов; б) издания категории С и D — для публикации соискателей, выходящих на защиту докторской и кандидатской диссертации и для членов диссоветов; в) издания категории Е и F для публикаций соискателей, выходящих на защиту кандидатской диссертации; г) G, H, I, K, L, M и др. для прочих публикаций.

4. Издания, находящиеся в самой нижней категории не менее 2-лет подряд, исключать из ЕНПИ с правом подачи ходатайства о включении обратно через 1 год после исключения.

5. Включить разработки ВИНТИ, ИНИОН, ИГПАН, Библиотека РАН (БАН), Библиотека по естественным наукам (БЕН РАН) и др. институтов РАН, имеющих соответствующий опыт, в систему оценки публикационной активности.

6. РГБ представить предложения о разработке отечественных реферативных баз»¹⁶.

В рамках Секции 12 было представлено множество интересных и актуальных тем, в том числе Елизавета Александровна Громова, ЮУрГУ, г. Челябинск, выступила с докладом «Международное научное сотрудничество в сфере права на современном этапе (на примере журнала International Journal of Law in Changing World)»; Алексей Игоревич Овчинников, ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, выступил с темой «Юридическая доктрина и ее отражение в научных журналах:

¹⁵ Парпара О.А. Анализ данных о работе с дублирующими публикациями в журналах членов АНРИ // 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва. Режим доступа: https://rassep.ru/upload/iblock/eb1/Parpara_NIMU_2022.pdf

¹⁶ Мацкевич И.М. Номенклатура научных специальностей и научные журналы: вопросы и проблемы соотношения // 10-я Международная научно-практическая конференция «Научное издание международного уровня — 2022: от настоящего к будущему», 26—29 апреля 2022 г., г. Москва. Режим доступа: <https://rassep.ru/upload/iblock/afa/Matskevich-ZHurnaly-dlya-MGYUA-28-aprelya-2022.pdf>

российский и зарубежный опыт»; Николай Викторович Разуваев, СЗИУ РАНХиГС, г. Санкт-Петербург презентовал тезисы к докладу «Юридический журнал как организационный фактор междисциплинарных научных исследований» и др.

29 апреля в день закрытия 10-й Международной научно-практической конференции были подведены итоги конференции и принята резолюция. Участие в данном мероприятии явилось полезным и продуктивным примером обмена информацией, слушатели получили положительный опыт и обогатили свои знания в профильных и смежных областях.

Сведения об авторе:

Гроник Ирина Александровна — кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0003-0893-5655

e-mail: gronik-i@rudn.ru

About the author:

Irina A. Gronic — Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedural Law and Private International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-0893-5655

e-mail: gronik-i@rudn.ru

